

Д. ШЕРИХ

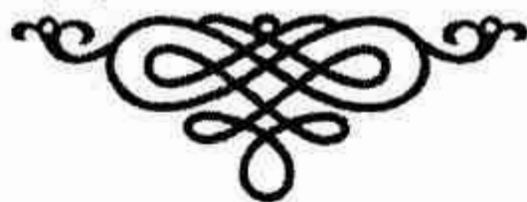

БЫЛИ
И НЕБЫЛИЦЫ
НЕВСКОГО
ПРОСПЕКТА

Д. ШЕРИХ

БЫЛИ
И НЕБЫЛИЦЫ
НЕВСКОГО
ПРОСПЕКТА

*Историческая
прогулка*

Издательство
«Иванов и Лещинский»
Санкт-Петербург
1996

ISBN 5-86467-022-7

© Д. Ю. Шерих, 1996

В книге сохранены особенности авторской пунктуации, которые не всегда могут соответствовать общепринятым нормам языка.

В истории я люблю только анекдоты, а из анекдотов предпочитаю такие, в которых, как мне подсказывает воображение, я нахожу правдивую картину нравов и характеров данной эпохи.

П. Мериме, 1829

Одно дело — знать, что в таком-то и таком-то доме, на такой-то и такой-то улице произошло то или иное событие, а совершенно иное — пойти на это место и вспомнить, что здесь разворачивалось, какая звучала трагедия жизни или как улыбалась эта жизнь веселой молодой улыбкой...

П. Н. Столпянский, 1931

О былях и небылицах

История — это прежде всего были. Но и небылицы тоже, и иногда бывает, что небылицы эти, отстоявшись во времени и набрав веса, становятся едва ли не реальней былей. Пример? Да хотя бы бесчисленные «анекдоты» из жизни Петра Первого, большая часть которых основана на легендах — они представляют далекую петровскую эпоху так ярко, как не может отобразить ее ни одна из статистических таблиц и ни один из документальных обзоров. Мифы ярче, колоритнее, а иногда и глубже настоящей жизни.

Собранные здесь были и небылицы — это то, что показалось автору интересным в трехсотлетней истории Петербурга и Невского проспекта; что удивляло горожан прошлого, попадало в литературу, описывалось историками и журналистами, обсуждалось на вечерах и в салонах; что было тайной, а может, и осталось ею до сих пор — и, вероятно, навсегда. Вне привычных схем хрестоматий и учебников история выглядит живой и увлекательной, разнообразной и пестрой. Ее карнавальное разноцветье дает место самым разным сюжетам и героям: общепризнанным, ставшим уже классическими, и сомнительным, оставшимся в тени трех петербургских столетий. Все они присутствуют в этой книжке. И разве была определяющей для столицы та благостность, которая присутствует в образе «блистательного Санкт-Петербурга»? Ведь в старом Петербурге было место и аферистам, и террористам, и дамам легкого поведения, и бездушным властителям. Ведь вода в столичных реках была весьма и весьма далека от чистоты. Ведь в середине пушкинского времени — в 1819 году! — смотрителя-фонарщика у Знаменской площади искусал волк.

Если читатель пройдет с этой книгой (пусть и мысленно) Невский проспект из конца в конец, он узнает не только об этом, но и о многих других тайнах и историях. Часть из

них разыскана автором в старых книгах, журналах и газетах, что-то извлечено из литературы последнего двадцатилетия, а что-то известно достаточно широко, хотя, быть может, не во всех подробностях. Некоторые истории еще не публиковались в массовой печати...

Одно предуведомление. Невский проспект — центр Петербурга, и любое здание здесь чем-нибудь известно. Где-то жили выдающиеся писатели и художники, какие-то дома строили крупные зодчие, там и сям располагались театры, библиотеки, институты, банки... Если перечислять хотя бы все самое важное, читатель не дотянет и до середины списка: он займет сотни страниц. Мы пойдем другим путем. Наша задача — чтобы читатель нашел здесь не сухие исторические факты, а живые истории Невского проспекта; чтобы он мог без скуки погрузиться в прошлое Петербурга. В этой книжке — рассказ о прошлом без чопорной суровости, без претензий на абсолютную истину, вне традиций исторической науки...

О маршруте

Договоримся о маршруте. Если вы приехали в Петербург издалека, то вполне возможно, что впервые увидели наш город у Московского вокзала. Если вы петербуржец и предпочитаете пользоваться метро, то вам не составит труда подъехать к той же Знаменской (Восстания) площади. Ну а если вы прибудете на нашу прогулку с помощью наземного транспорта, то и в таком случае найти это место не будет для вас проблемой. Потому и пойдет наша прогулка от Знаменской площади к началу Невского проспекта, по самым знаменитым его местам, к Дворцовой площади и башне Адмиралтейства.

*«Папаша!
Кто строил эту дорогу?...»*

При императоре Николае Павловиче Россия медленно втягивалась в капитализм. Последние новинки цивилизации стали приживаться и у нас.

Вот и удобства полюбившейся петербуржцам пригородной железной дороги были очевидны. А когда удалось доказать и экономическую выгоду железных путей сообщения, решено было построить новую дорогу между двумя столицами — Петербургом и Москвой. Бытовала легенда, что император сам наметил маршрут пути, проведя по карте линейкой абсолютно ровную линию между городами. Так ли это, неизвестно, но дорога и действительно вышла очень прямой. Стала она тогда крупнейшей в мире двухпутной дорогой.

В 1851 году сообщение открылось, и первый царский поезд отошел от вокзала на Знаменской площади (вокзал этот стоит сейчас напротив круглого здания станции метро). Главные награды достались знаменитому администратору эпохи Николая I графу Клейнмихелю (читатель помнит, наверное, его имя из эпиграфа к стихотворению Некрасова «Железная дорога»: «Папаша! Кто строил эту дорогу? — Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька»). В царствование Николая Клейнмихелю очень везло, и поручения от императора сыпались на него одно за другим. Администрировать граф умел и, собственно, за это и стал графом. Зато деловая сметка была у него не на высоте, что проявилось и в деле с железной дорогой. Как только она была построена, ее отдали на откуп американским предпринимателям, свято соблюдавшим только свои интересы. Результат последовал быстро: поезда ходили лишь два-три раза в день, товары на станциях накапливались горами, а пассажиры третьего класса не могли приобрести билеты на поезд. Происшествие было по тем временам чрезвычайное!

Сделка Клейнмихеля с американцами долго обсуждалась светским Петербургом. Не случайно, когда через год после запуска железной дороги в Петербург прибыл персидский посол и ему показывали «все замечательное в столице», разговор об этом контракте снова всплыл на свет. Было это на приеме в Зимнем дворце; сопровождавшие посланника чиновники докладывали обо всем императору.

— Все ли замечательное показано на железной дороге? — спросил император, гордившийся своим новым приобретением.

— Все, — ответили ему.

— Нет, не показали самого редкостного и достопримечательного, — вступил в разговор известный придворный остряк, светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков.

— Чего же? — спросил император.

— Контракта, заключенного графом Клейнмихелем с американцами, — ответил Меншиков.

Этот князь, руководивший морским ведомством, судя по всему, имел с Клейнмихелем какие-то личные счеты и не упускал случая «ущипнуть» его по любому поводу. Особенно любил он прохаживаться на предмет многосторонности дел Клейнмихеля. Когда умер митрополит Серафим и в обществе обсуждали, кого же назначат на его место, Меншиков воскликнул:

— Наверняка Клейнмихеля!

Шутил, впрочем, Меншиков не только в адрес своего постоянного недруга. Доставалось от него и другим. Как-то в посещение им Москвы вместе с императором Николаем у них зашел разговор о том, что Москву справедливо называют святой.

— Да, ваше величество, — ответил Меншиков, — а с тех пор, как ею управляет граф Закревский, она еще и великомученица...

Пора вернуться к площади.

Интересная деталь: какое-то время директором вокзала на Знаменской был Николай Миклухо-Маклай — отец будущего этнографа и товарища папуасов.

Со временем железные дороги России начали расти. Все больше пассажиров прибывало на вокзал, и им надо было разъезжаться по столице. Предприимчивый купец Синебрюхов (родич знаменитого основателя пивного концерна «Koff») чутко уловил конъюнктуру и пустил от Московского

вокзала особые городские кареты, прозванные «синеврюховскими». Зимой кареты сменялись санями...

К началу нашего века пути от Московского вокзала вели не только в Москву: отсюда начиналась дорога в Сибирь и на Дальний Восток. Тогда же возник проект: почтить память императора Александра III, основателя Транссибирской магистрали, сооружением сразу двух его монументов — у начала и у конца этого пути, в Петербурге и Владивостоке. Петербургский памятник появился уже в 1909 году. Стоял он в самом центре площади — там, где находится сейчас безликая стела «Городу-герою».

Памятник был очень необычен: грузный император верхом на лошади-тяжеловозе с коротко подстриженным хвостом; на самые глаза Александра надвинута шапка. Угрюмую эту скульптуру можно было рассматривать со всех сторон площади — писали, что ее автор скульптор Паоло Трубецкой вывозил сюда модель в натуральную величину и «примерял» ее к местности.

Мнения о памятнике были весьма различные. Многие догадались, что Трубецкой создал тонко-ироническую фигуру, не слишком лестно обрисовывающую императора и его царствование. Августейшая семья поняла это, пожалуй, последней, когда памятник было снимать уже поздно.

А по городу ходили стихи. Например, такие:

На площади — комод,
На комоде — бегемот,
На бегемоте — обормот.

Или еще такие, написанные сатириком Александром Рославлевым:

Третья дикая игрушка
Для российского холопа:
Был царь-колокол, царь-пушка,
А теперь еще царь-жопа...

Этакий поэтический турнир завершил уже после революции Демьян Бедный. Его четверостишие под названием «Пугало» было выбито на всех четырех сторонах гранитного постамента:

Памятник Александру III *(С откритки начала XX века).*

Памятник был очень необычен: грузный император верхом на лошади-тяжеловозе с коротко подстриженным хвостом; на самые глаза Александра надвинута шапка. Угрюмую эту скульптуру можно было рассматривать со всех сторон площади — не случайно ее автор скульптор Паоло Трубецкой вывозил сюда модель в натуральную величину и «примерял» ее к местности.

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья,
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Победить, однако, в поэтическом соревновании пролетарскому рифмоплету не удалось. В его виршах оказалось сразу два «ляпа»: статуя была отлита из бронзы (не из чугуна), и к тому же неясно, как можно быть казненным не «при жизни».

То, что не сделала обиженная на скульптора царская фамилия, совершили новые власти. В 1930-е годы монумент с площади сняли и отправили «в почетную ссылку» во внутренний двор Русского музея. Хорошо, что хоть не переплавили на металл для народного хозяйства...

В ноябре 1994 года памятник совершил еще одно путешествие, переехав из двора Русского музея во двор Мраморного дворца на место некогда стоявшего там броневика Ленина. Собственный постамент памятника Александру III уже давно разобран и использован для других питерских памятников. Но во дворе Мраморного императору тесно и неуютно, и вопрос о дальнейшей его судьбе пока что открыт...

Беспокойные гости

Еще одно примечательное сооружение Знаменской площади — гостиница «Октябрьская», под разными именами существующая тут уже давно. Прежде, правда, находился здесь Слоновый двор (было это в середине XVIII века). А в 1851 году богатый граф Яков Эссен-Стенбок-Фермор построил дом для увеселительного заведения с казино и маскарадами. Увы, император не позволил устраивать развлечения вблизи главного вокзала страны.

Граф продал дом, и в нем устроили гостиницу. Вначале звалась она Знаменской, потом Северной или Большой Северной. Развлечения, вопреки запрету императора, в гостинице все же прижились, тем более что при ней имелся неплохой концертно-танцевальный зал. Здесь играл оркестр, устраивались публичные чтения с участием известных писа-

телей, выступали виртуозы. Привокзальное положение обеспечивало гостинице приток постояльцев, среди которых бывали и знаменитости.

26 сентября 1859 года, в половине девятого утра, в гостиницу прямиком с вокзала прибыл новый постоялец с сопровождающими. Гостям дали номер по требованию, и они отбыли в карете с визитом к генерал-губернатору. Представившись начальству, отправились в прогулку по Петербургу, осматривая памятники и особенно — Невский проспект. За это время слух о прибытии их в столицу успел уже распространиться в публике, и по возвращении в гостиницу гости встретили немалую толпу любопытствующих, желавших взглянуть на приезжую знаменитость. «Шамиль! Шамиль!» — носилось в толпе, пока бородатый и осанистый уроженец Кавказа выходил из кареты и пробирался к себе в апартаменты. Внимание петербуржцев льстило гостю, хотя и оказался он в столице не в самом выгодном положении. Это был легендарный имам Шамиль — вождь боровшихся с Россией горцев, пленение которого положило конец многолетней Кавказской войне. Шамиль сам сдался в плен и был весьма любезно принят победителями. Тифлис—Чугуев—Москва—Петербург—Калуга: такое «турне» совершил Шамиль по России, пока не осел на много лет в последнем из этих городов, определенном ему для постоянного жительства. Умер он, кстати, не в Калуге, а на пути в Мекку: власти дозволили ему совершить паломничество.

Но это было позже. А в Петербурге Шамилю шел только шестьдесят второй год, и он наслаждался жизнью. Ходил в театр и оперу, в огромных количествах ел русский мед, необычайно ему нравившийся. Поражался весьма открытым бальным платьям светских дам. И мог видеть в окнах большинства книжных лавок свои портреты, продававшиеся за полтинник серебром... А 7 ноября уехал в Калугу.

Другой обитатель Северной гостиницы наделал много шуму семью годами позже Шамиля — в апреле 1866 года. Тогда у решетки Летнего сада Дмитрий Каракозов выстрелил в Александра II, и его задержали. Террорист на допросах молчал, его никак не могли опознать. Случайная ниточка привела следствие в гостиницу: оказалось, что именно тут жил Каракозов накануне покушения. В номере его нашли документы, чрезвычайно важные для расследования и установления личности стрелявшего.

Но еще больше нашумел в гостинице другой гость.

31 марта 1904 года Северная гостиница вздрогнула. Постояльцы выглядывали за дверь, спрашивали у служащих о том, что произошло, но те и сами недоумевали. Скоро, впрочем, выяснилось: в одном из номеров произошел мощный взрыв. Прибывшая на место полиция обнаружила остатки большого склада взрывчатки; оказалось, что жил в гостинице член «Боевой организации» партии эсеров, бывший студент Алексей Покотиллов. Вместе с Борисом Савинковым он готовил покушение на министра внутренних дел Плеве, но гибель Покотилова спутала планы. Плеве, правда, не избежал своей судьбы: эсер Егор Созонов убил его, и произошло это 15 июля того же 1904 года.

Северной гостинице повезло: запас взрывчатки у Покотилова был не так уж велик. Куда меньше посчастливилось отелю «Бристоль» у Исаакиевского собора. Столь же случайный взрыв произошел там в ночь на 26 февраля 1905 года; номер, в котором жил эсер Швейцер (он готовил взрывчатку для Егора Созонова и других террористов), был полностью разрушен. Сильно пострадали все находившиеся рядом комнаты. Взрыв был таков, что, по описанию полковника Спиридовича, «часть вещей перекинуло в Исаакиевский сквер... там же были найдены части пальцев Швейцера».

Эсеры-террористы в 1904—1905 годах запугали весь город: взрывы, и спланированные, и случайные, раздавались то тут, то там. Но это была лишь артподготовка к последовавшим позже революционным баталиям...

Революции не обошли Знаменскую площадь стороной. В феврале 1917 года здесь столкнулись рабочие с полицейскими. Известный журналист Ефим Зозуля писал в 1936 году о чертах революционного времени:

«Здесь, на Невском, недалеко от Лиговки, стоял и плакал борец Фосс — феноменальный обжора. Начались голодные месяцы. Толстяк врывался в буфет Николаевского вокзала, где еще стояли на стойке бутерброды и лежали круги колбас. Он жадно поедал все это, громко плача и отбиваясь от официантов железными локтями и слоновыми ногами... Это был бич гостиниц и ресторанов. Куда девался он? С тех пор о нем ничего не слышно...

Здесь, недалеко от Лиговки, убили полную дородную даму. Она увидела вооруженных матросов с красными бантами, всплеснула руками и закричала:

— Ах, и матросы — изменники!

Молодой матрос выстрелил в нее из винтовки. Нельзя называть революционных матросов изменниками. Нельзя».

Столичное захолустье

Сейчас Знаменская площадь — достойное украшение города, но еще в пушкинское время она была захолустьем Петербурга.

...Холодным рождественским вечером 1819 года пожарный смотритель проверял фонари неподалеку от Знаменской площади. Внимательно оглядывался по сторонам, помня об опасности здешних мест. Все, казалось, было спокойно... Но не успел он заняться очередным фонарем, как что-то толкнуло его в спину, и он упал. То был огромный волк! Несчастный смотритель отбивался от голодного зверя, как мог, но тот успел-таки разорвать ему зубами левую щеку, после чего пустился наутек. Но не из города — в город! Пробрался на Бассейную, Сергиевскую, через Неву перебежал на Охту, потом снова вернулся на левый берег. За волком устроили целую погоню, но он был неутомим. И только около Смольного монастыря его удалось, наконец, убить.

А что же сам Невский? И он от Знаменской площади до Фонтанки считался прежде городской окраиной; застраиваться большими каменными домами начал в основном после эпохи великих реформ, в 1860—1870-е годы. Даже в 1866 году столичный обер-полицмейстер приказывал усилить ночную стражу «от Аничкина моста до станции Николаевской железной дороги» — «для пресечения грабежей». Это уже потом многие здания на нем перестраивались, и по несколько раз, многие расширялись ввысь и в глубину кварталов.

«Дофонтанкинская» часть Невского мало интересна с точки зрения архитектуры. Но ведь здесь находились знаменитые кафе, рестораны, театры, меблированные комнаты; тут случались необычайные происшествия; жизнь кипела. И нам поэтому есть, о чем вспомнить...

Первое, что задержит наше внимание — отходящая влево от нечетной стороны Невского Пушкинская улица. В глубине ее виднеется памятник поэту, сооруженный сто одиннадцать лет назад и обошедшийся тогда городской казне в десять тысяч рублей. Автор его, скульптор Опекушин, поставил памятник Пушкину и в Москве, на Тверском бульваре. Открытие московского монумента в 1880 году сопровождалось грандиозным Пушкинским праздником, на котором особенно запомнилась всем речь Федора Михайловича Достоевского о поэте. Достоевский и Пушкин — эти имена вместе были тогда на устах у многих, а здесь, на Невском, они близки и по сей день. Совсем недалеко от памятника Пушкину, на углу Невского и Пушкинской улицы, — дом (№ 77), ничем с виду не примечательный. А ведь постоянные визиты сюда Федора Михайловича Достоевского на протяжении полутора лет привлекали внимание публики.

В чем же было дело? Разумеется, не в самом доме. Просто здесь с 1873 года помещалась редакция еженедельника «Гражданин», который издавался идеологом контрреформ князем Владимиром Петровичем Мещерским. «Гражданин» этот был весьма популярным в обществе, особенно в светских кругах, но вот репутация Мещерского, весьма неприятного человека, была далеко не однозначной.

Князя, однако, поддерживал император Александр III, и скандалы, возникавшие из-за особых сексуальных наклонностей Мещерского, заминались свыше. После одного особенно шумного разоблачения император и вовсе приблизил его к себе и сделал даже своим доверенным лицом.

Окрыленный императорской поддержкой, Мещерский настойчиво сражался в «Гражданине» с духом либерализма. А Достоевский, который написал незадолго до этого своих знаменитых «Бесов», неожиданно для многих стал вдруг редактором «Гражданина».

Длилось это сотрудничество, впрочем, недолго. Достоевский, увидев вблизи кухню «Гражданина», тесно пообщавшись с Мещерским и его окружением, счел дальнейшее сотрудничество бесполезным. Его попытка поднять «Гражданина» на новый уровень не удалась. Через полтора года пос-

ле начала своего редакторства он покинул еженедельник, и в дальнейшем сотрудничал с ним лишь эпизодически.

Работая в газете Меццерского, Достоевский по обязанностям редактора часто бывал еще в одном здании Невского — в доме № 47 на углу Невского и Владимирского проспектов. Там находилась типография Траншеля, где печатали еженедельник.

«Биржа» на перекрестке

В 1843 году по предложению министра внутренних дел графа Льва Перовского проституция была регламентирована, и особый Врачебно-полицейский комитет начал регистрировать проституток и выдавать им знаменитые «желтые билеты». А новые Правила, принятые в 1861 году, оговаривали: проституткам запрещается появляться на Невском, в Пассаже, на нескольких других крупнейших городских улицах. Порядок этот сохранялся до революций 1917 года. И хотя, разумеется, проститутки все равно бродили по Невскому в поисках клиентов, их активность была явно ограничена. Полностью изгнать «ночных бабочек» с Невского проспекта, однако, не удалось никому. В начале столетия, и особенно в 1920-е годы, на углу Невского и Пушкинской собирались вполне «ортодоксальные» проститутки — и взрослые, и малолетние. «Красная газета» возмущалась в феврале 1924 года, описывая картину здешних нравов:

«По Невскому гуляет полуребенок. Шляпа, пальто, высокие ботинки — все как у “настоящей девицы”. И даже пудра, размокшая на дожде, так же жалко сползает на подбородок...

— Сколько тебе лет? Двенадцать? А не врешь?.. Идем!”

Покупается просто, как коробка папирос. На одном углу Пушкинской папиросы, на другом “они”. Это их биржа. Здесь “котируются” их детские души и покупаются их тела. Здесь же их ловят. “Манька, агент!” Брызгают в разные стороны, спотыкаясь и скользя на непривычно высоких каблуках, придерживая чертовски модные шляпы, теряя перчатки и... клиентов».

«Агент» — разумеется, не клиент, а сотрудник милиции.

Проститутток на Невском было много всегда, и нам не раз повстречаются эти сомнительные героини. Вот еще один их излюбленный адрес: клуб «Летучая мышь» — совсем недалеко от Пушкинской, по другую сторону проспекта. К нему мы скоро подойдем...

«На Невском 100, в театре Лин...»

В створе следующей выходящей на Невский улицы, носящей ныне имя француза Марата, а раньше Николаевской, стоит дом под номером 100. Давняя его примета — кинотеатр «Колизей», находящийся здесь с 1909 года. Вначале он именовался иначе — «Люкс». Экзотические имена, дошедшие до нас от первых лет существования кинотеатра, напоминают о необычайно красочных названиях кинематографов тогдашней столицы: «Фоли-Бержер», «Жар-Птица», «Ниагара», «Нью-Стар», «Паризиана», «Пикадилли», «Сплendid-Палас», «Баба Яга». В годы нэпа к ним прибавились отражавшие новую эпоху «Резец», «Молот», «Рабкор», «Культурфильм»...

Чудо кинематографа вызвало при своем появлении на свет волну восторгов. Сеансы в «Колизее» усердно посещались публикой. Но все же с 1914 года кинотеатр оказался в тени появившегося в доме № 100 другого увеселительного заведения. Это был популярный театр Валентины Лин, именовавшийся обычно проще — «Театр Лин». В начале века в столице было множество таких небольших театров, где давались фарсы (в том числе «фарсы с раздеванием»), оперетты, танцевальные и цирковые номера. На одном только Невском их насчитывалось около десятка. «Лин» слыл среди столичных театриков одним из самых знаменитых.

А в самом «Театре Лин» популярнейшим исполнителем был комик-куплетист Сергей Сокольский. Его песенки пользовались таким успехом у зрителей, что печатались нотными изданиями и даже были изданы двухтомником. Одна из песенок Сокольского именовалась «Петроградские женщи-

Сергей Сокольский.

А в самом «Театре Лин» популярнейшим исполнителем был комик-куплетист Сергей Сокольский. Его песенки пользовались таким успехом у зрителей, что печатались нотными издательствами и даже были изданы двухтомником.

ны»; приведем в сокращении ее слова, дабы читатель мог лучше почувствовать атмосферу представлений в театре Валентины Лин:

Звени же громче, бледный стих!
Поешь про здешних дам;
А бескорыстие у них! —
Им должное воздам.
Когда любимый с ней блондин,
Она как бы в бреду,
На Невском 100, в театре Лин,
В шестнадцатом ряду;
Не надо серег и колец,
Лишь поскорей бы под венец...
Пока нет около жены,
Открою вам секрет;
В него поверить вы должны, —
Имел я тет-а-тет.
Амур меня благословил
Вкусить запретный плод,
С красоткой я блаженство пил,
Как смелый санкюлот.
И вдруг в трагический момент
Такой выходит инцидент:
Она, красавица моя,
Спросила нежно у меня
(Как было слышать то поэту) —
«У вас клопов в кровати нету?»

Песня имела припев:

Петроградские женщины — душки!
Нас невольно всегда к ним манит;
Что за плечи, за шейка, за ушки!
Только сердце — холодный гранит.

Как и другие куплеты Сокольского, этот его «шедевр» имел очень недолгую славу. Вряд ли кто-то вспоминал о них и об их авторе, когда из-за революционных невзгод «Театр Лин» закрылся. Но до этого театр процветал, и Сокольский был на гребне успеха...

Не помешало успеху предприятия Валентины Лин появление во дворе за домами № 98 и 100 еще одного, помимо «Колизея», конкурента. Перед самой первой мировой тут открылось заведение под интригующим названием «Летучая мышь». Создал его опереточный артист (коллега Валентины Лин) А. Полонский. В «Мыши» был не только теплый «зимний» театральный зал: предприимчивый Полонский устроил еще и летнюю сцену, и даже ресторан. Крытая галерея объединяла все эти заведения вместе и тянулась от Невского вглубь квартала. Особенно оживленно было в «Мыши» летом: ведь в те годы летние рестораны дозволялось открывать только при театрах, и проголодавшаяся публика просто-таки рвалась в «Летучую мышь». Все столики были заняты; перед сценой бегали официанты, мороженщики...

Притягивал публику «Скетинг-ринг»: так назывались тогда крытые катки для роликовых и обычных коньков. Существовал здешний каток — в отличие от ресторана, закрывшегося с революцией, — и в 1920-е годы. Работал он тогда ежедневно с десяти утра до одиннадцати вечера, а трижды в неделю для катающихся играл оркестр. Каток посещали охотно, хотя посетители и жаловались иногда на дороговизну. Один из них сокрушался в 1923 году в журнале «Всеобщее и спорт»: «Вешалка сдана в аренду частному лицу. Последний дерет с катающихся за хранение платья 1 рубль, кроме того, входной билет на каток стоит 2 руб., — итого 3 рубля. Это много!»

По воскресеньям на катке играли хоккеисты. Для них каток был настоящим кладом: по воспоминаниям очевидца, удобное его расположение привлекло к хоккею новых зрителей и сделало игру необычайно популярной.

Петроградское общество любителей бега на коньках тоже переехало в 1920-е годы именно сюда, на Невский, 98/100. Было общество весьма знаменитым: ведь именно оно первым стало культивировать коньки в России. Началась его жизнь в Петербурге на прудах Юсупова сада еще в прошлом столетии; закончилась же — на Невском.

В довершение рассказа о катке — один характерный эпизод из тех же 1920-х... В феврале 1923 года в городе появились огромные афиши, оповещавшие горожан о готовящемся празднестве. «Единственный, небывалый в Пет-

рограде грандиозный ледяной бал» должен был состояться 4 февраля на Невском, 98/100. Увы, публика, пришедшая в назначенный день, была разочарована. Как сообщала пресса, «устроители-халтурники» так ничего и не подготовили...

На проблемы катка власти, впрочем, особенного внимания не обращали, а вот спустить грехи «Летучей мыши» было уже нельзя никак. Во время нэпа здесь организовался игорный клуб, излюбленное место дам легкого поведения. Многие «ночные бабочки» жили в нем безвыходно по пять дней — так велик и постоянен был наплыв клиентов. В конце двадцатых годов борьба с проституцией усилилась, и «Летучую мышь» закрыли.

Вспомним заодно о таком явлении проституции, как хипес. Хипесницами звались особы, получавшие деньги клиента вперед и не предоставлявшие ожидаемых интимных услуг. Две таких подружки действовали следующим образом: «выходили на Невский, одна из них подходила к какому-нибудь гражданину и предлагала пойти на лестницу. При согласии она шла, а подруга становилась “на стрему”. Когда деньги были получены, стоявшая на страже кричала — “Дворник”, девочка, бывшая с мужчиной, и мужчина бежали». Хипесницы часто оставались безнаказанными: жаловаться на них было некому, многие боялись публичного скандала. Хипес был популярен даже после нэпа: им промышляли и в 1934 году, в год исторического 17-го съезда партии...

Его называли «Скоробрешкой»

С левой стороны к Невскому подходит улица Марата. Перекресток отмечен двумя не слишком выразительными зданиями. Одно из них, под номером 71 (в нем сейчас ресторан «Невский» и вестибюль станции метро «Маяковская»), примечательно: здесь двадцать шесть лет жил и в 1890 году умер Григорий Петрович Данилевский. Этот известный исторический романист, написавший такие книги, как «Княжна Тараканова», «Мирович», «Сожженная Москва» и многие другие, отличался в быту своим небывалым пристрастием к вранью. Известный библиограф и журналист Петр Быков вспоминал:

«Это был большой виртуоз в области “не любо — не слушай”... То он, как близкий к правящим сферам, увольнял какого-нибудь министра, то торжественно объявлял о назначении кого-либо на высокий военный пост, рассказывал о никогда не бывшем “скандале в благородном семействе”, о только что прослушанном произведении Гончарова, которое не только никогда не писалось, но и не снилось автору... Изобретательность и фантазия Данилевского по этой части были поразительны. Во многих литературных кружках его называли “Скоробрешкой”. У него очень трудно было отличить ложь от правды, и опытные люди никогда не повторяли того, что им любезно передавал “виртуоз”...

Со старым журналистом Владимиром Рафаиловичем Зотовым Данилевский проделал такую штуку. Принес он ему для журнала “Пантеон”, где Зотов был помощником редактора, длинные стихи, что-то в роде поэмы. Зотов пробежал рукопись и вернул ее автору с излюбленной в пятидесятые и шестидесятые годы стереотипной фразой: “Длинность не выкупается забавностью”.

Данилевский выждал год, — срок, достаточный вполне для того, чтобы всякий редактор, заваленный рукописями, мог законно забыть о стихотворении, — одном из многих, которые он видел мельком. И вот почтенный Владимир Рафаилович получает из Харьковской губернии, из села Красные Гроздья, большую поэмку об адвокатстве женщины при следующем письме:

“Милостивый государь! Мне всего шестнадцать лет. Я живу безвыездно в глуши старой деревеньки. Сама себя образовала путем чтения. Я обожаю книги. Их много было в библиотеке моего дедушки, особенно старых журналов. В них я с наслаждением перечитывала ваши стихи, повести, театральные пьесы. И мне блеснула мысль показать вам, именно вам, а не кому другому, мои опыты в стихах. Над посылаемой вам поэмой я много думала, много трудилась. Я несколько раз переделывала ее. Мой знакомый, один учитель, немного причастный к литературе и бывавший в Петербурге, рассказывал мне, что вы сильно покровительствуете женщинам, пробующим свои силы в литературе. Скажу вам искренно, это еще больше подвинуло меня отослать вам мое сочинение. Отдаю его на суд ваш. Будьте снисходительны к шестнадцатилетней скромной поэтессе. Уважающая вас почитательница ваша Евгения Сарафанова.

Р. С. Ответа мне не надо. Напечатаете — буду в восторге; отвергнете — тихо перестрадаю”.

Зотов признался мне, что он был в восхищении и от письма, и от стихов. Он поместил их в ближайшей книжке “Пантеона” и ждал нового письма. Оно пришло, но не по почте. Его принес сам Данилевский.

Письмо было коротенькое:

“Плакала от счастья. Благодарю, благодарю. Напишу много, когда волнение мое уляжется. А пока, если можно, пришлите мне какое-нибудь вознаграждение: я девушка бедная. Преданная Сарафанова”.

Данилевский получил гонорар. Лишь спустя много лет Зотов узнал, что он был жертвой смелой мистификации...»

На доме, где Данилевский умер, висит мемориальная доска (она видна и с противоположной стороны Невского).

...В одно весеннее утро 1881 года из окна своей квартиры пожилой Данилевский мог наблюдать за передвижением необычной процессии. С Невского она свернула на Николаевскую улицу и двигалась медленно, так что при желании можно было разглядеть всех ее участников. Данилевский, к тому времени большой чиновник, заместитель редактора «Правительственного вестника», наверняка наблюдал за процессией с удовлетворением, хотя не все зрители, заполнившие в это утро Невский, разделяли его чувства... Чтобы, наконец, узнать, что это была за процессия, пройдем к месту, откуда она вывернула на Невский, — к выходу на проспект нынешней улицы Маяковского, именовавшейся прежде Надеждинской. Это место всего в нескольких десятках шагов от нас. Возле угла дома № 96 остановимся...

Цареубийцы

В половине девятого утра 3 апреля 1881 года движение по Невскому проспекту было остановлено. Публика вглядывалась вглубь Надеждинской, откуда слышался мерный рокот барабанов. Наконец, на проспект медленно выехала процессия. Первыми двигались две высокие позорные колесницы. В них сидели пять человек с повешенными на груди табличками «Цареубийца»: Желябов, Кибальчич, Ры-

саков, Михайлов, Перовская. Их, осужденных за убийство Александра II, везли к месту казни... За колесницами медленно следовали две кареты с пятью священниками в траурных ризах. Целый взвод барабанщиков неутомимо грохотал на всем протяжении пути. С Невского процессия повернула на Николаевскую, по ней проследовала на Семеновский плац (в районе нынешнего ТЮЗа), где в 9 часов 30 минут народовольцы были повешены.

Среди тысяч петербуржцев, от Шпалерной до Семеновского плаца следовавших за процессией, была, наверное, и Анна Петровна Кутузова. А может быть, она смотрела на медленное движение колесниц из окон своих меблированных комнат, находившихся в доме № 96 по Невскому проспекту. И не могла она не вспомнить при этом о своем недавнем жильце — милом, скромном человеке, оказавшемся товарищем цареубийц. И что совсем огорчало ее — сама Анна Петровна и посодействовала его разрушительным деяниям. Как же такое случилось? Ведь госпожа Кутузова и в мыслях не могла держать какого-нибудь зла против монаршей особы. И была она довольно-таки дружна с некоторыми агентами Третьего отделения, следившего в России за политическим порядком.

Анна Петровна не ведала, что об этой ее связи с Третьим отделением знали многие. Именно поэтому народовольцы отправили Николая Васильевича Клеточникова в ее меблированные комнаты. Замысел реализовался с блеском. Анне Петровне понравился тихий, щедрый, сутулый человек в очках, сбившийся с ног в поисках работы. Подумав немного, она рекомендовала Клеточникова чиновнику Третьего отделения Кириллову. А дальше карьера пошла успешно. Агент, правда, из щуплого Клеточникова не вышел, да и сам он стремился к другой работе — и уже скоро к общей радости его назначили переписчиком бумаг. Потом несколько раз его повышали по службе, пока он не стал младшим помощником делопроизводителя в одном из департаментов. На этом месте он имел доступ к секретнейшим документам и наладил информирование народовольцев о планах Третьего отделения. Революционеры стали почти неуязвимы.

Служба Клеточникова началась в начале 1879 года и длилась два года. Арест его стал делом случайности. Документы, обычно шедшие через Третье отделение, попали в другое ведомство, и он не узнал вовремя о провале одной из явок. Появившись там по срочному делу, он был арестован.

Суд состоялся в феврале 1882 года; это был знаменитый «процесс двадцати». Клеточникова приговорили к смерти, но затем заменили казнь пожизненной каторгой. Правда, исход это отодвинуло ненадолго. В июле 1883 года Клеточников, заключенный в Петропавловскую крепость, начал голодовку протеста, через неделю был насильственно накормлен и еще через три дня умер. Так закончилась жизнь одного из знаменитейших агентов-революционеров.

Напоследок скажем и о том, что Невский вообще богат народовольческими адресами. В гостинице на углу Невского и Владимирского проспектов (там был позже ресторан «Москва») жил шеф безопасности «Народной воли» Александр Михайлов; в доме № 44, в кондитерской Андреева, устраивались деловые встречи членов этой партии (ныне в этом помещении — кондитерская «Норд»); с домом № 75 связана история провала Александра Михайлова...

От сатириков до банкиров...

За Надеждинской улицей на четной, солнечной стороне проспекта дома на удивление однообразны. Только вывески добавляют им отличия друг от друга. В доме № 88 расположен кинотеатр «Стереокино» — единственный в городе, демонстрирующий фильмы со стереоэффектом. При входе в зал зрителям выдаются особые поляроидные очки, через которые они видят действие объемно, причем распространяется оно не только на экран, но и на зал. А вообще-то кинотеатр здесь (естественно, еще не стереоскопический) был открыт до революции под именем «Витограф».

Дом № 88 примечателен еще двумя эпизодами из прошлого. В первую русскую революцию охранка устроила здесь обыск и обнаружила огромный склад литературы партии эсеров. Издания эти были конфискованы. А через несколько дней обнаружилось, что и печатались брошюры и листовки тут же, в этом доме, в типографии Денисова и Ступникова...

Несколькими годами позже отколовшаяся часть сотрудников популярнейшего журнала «Сатирикон» (редакция его находилась в доме № 9 по Невскому) создала «Новый Сати-

рикон» и разместились здесь, на Невском, 88. Сюда ходили Аркадий Аверченко (он редактировал журнал), Саша Черный, Леонид Андреев, Александр Куприн, Александр Грин, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский, Борис Кустодиев, Константин Коровин и многие другие. «Новый Сатирикон», как и его предшественник, устраивал свои художественные выставки, издавал книги. Закрыт он был постановлением советского правительства — ведь октябрьский переворот сотрудники журнала приняли враждебно...

Правда, и до революции «сатириконцам» нетрудно было найти темы для язвительных эпиграмм и статей. В России, да и в Петербурге, хватало объектов для зубоскальства, и поэтому с конца прошлого века процветали многочисленные сатирические и юмористические журналы: «Будильник», «Стрекоза», «Осколки», «Шут»...

Популярными героями дореволюционных фельетонов были банкиры. Не все, конечно, а лишь некоторые из них — те, репутация которых была «подмочена» сомнительными операциями. Вот, например, некий Антон Зингер, в 1889 году угодивший за решетку. Судьба его пестрит переменами: беден — богат — снова беден — снова разбогател — разорился... — и опять по кругу. То Зингер открывает свою банкирскую контору на Невском, у пересечения с Мойкой, то лишается ее. Потом возрождает эту контору и — выпускает в свет сотни тысяч объявлений «о продаже в рассрочку билетов внутренних с выигрышами займов». После чего собирает деньги доверчивых горожан, играет на бирже, банкротится и попадает в тюрьму. Этим карьера и заканчивается.

Еще известнее был в свое время другой знаменитый банкир — Генрих Блокк. Вспомнился он не случайно: как раз напротив дома № 88 стоит на нечетной стороне Невского дом № 59, где находилась главная контора Блокка. Вначале он располагался только здесь, а потом занял еще и помещения в доме № 86 по Невскому, к которому мы скоро подойдем.

Вообще-то этот банкир был незаурядной личностью. Устроив массовый прием денег под выгодные проценты и до невозможности затемнив условия возвращения вкладов (сатирики шутили, что для того, чтобы рассчитать сроки и суммы возврата денег Блокком, нужно свободно владеть логарифмическим счислением), он не смог рассчитаться с долгами. Популярнейший в начале нашего века «Синий журнал» напечатал о Блокке:

«Турецкий подданный, типичный проходимец, но человек железной воли и энергии, этот “делец”, начав с конторских мальчиков в одном из банков, кончил собственной “банкирской конторой Генриха Блокка”.

Все дело было построено на рекламе, — самой широкой, лезущей в глаза, с оттенком американизма.

Кто из петербуржцев того времени не помнит синих дощечек с белой надписью на них: “Генрих Блокк”.

Больше ничего, ни слова.

Но эти синие дощечки с белыми надоевшими буквами лезли в глаза вам всюду, везде, в любой час дня и ночи, в любое время года.

На спинках садовых скамеек, на заборах строящихся домов, на буфетных стойках, на пепельницах, на вокзалах, на театральных занавесках, на столиках кафе, на страницах газет, на деревьях дачных садов...

Эти синие дощечки с белыми буквами “Генрих Блокк” приводили вас в отчаяние, нагоняли на вас тоску, почти панику, и они бежали за вами, когда вы весной пытались удрать от них — на дачу, в деревню или в Крым.

На каждой станции — на полу платформы, у расписания поездов, между бутылками вина в буфете вы опять находили — “Генрих Блокк”, и даже из окна поезда, который по голой степи уносил вас в Крым, вы видели огромный плакат на столбах, лезущий вам в глаза и нагло кричащий с синего поля своими белыми буквами — “Генрих Блокк”.

Генриха Блокка знали все. Даже уличные мальчишки, которые распевали:

Ах, помилуй Бог,
Всюду Генрих Блокк! —
На земле, в воде, на облаках...
Но сулит злой рок, —
Кто бы думать мог?! —
В заключение — “дому Блокка” крах!..

В один прекрасный день над Петербургом появился шар, под корзиной которого висел синий плакат со знакомой надписью: “Генрих Блокк”. Шар медленно плыл над Европейской гостиницей к дикой радости мальчишек...

Это оказался последний шар “банкира” Блокка. Через несколько месяцев его нашли в конторе на Невском, в соб-

ственном доме, в кабинете, повесившимся в несгораемом шкапу.

Весь капитал банка составляли... 3 рубля, найденные в том же шкапу...»

Разумеется, и после краха Блокка на Невском осталось множество банковских контор. Недаром его называли «улицей банков» — нигде во всей России не было такого скопления этих учреждений, включая самые крупные и всемирно известные. И сейчас банков на Невском становится все больше...

Финансисты любили Невский. Они охотно останавливались по соседству с домом Блокка в гостинице «Гермес» (Невский, 57), существовавшей до блокадного времени. Потом тут была гостиница рангом пониже — «Балтийская». А нынче здесь — роскошный отель «Невский палас», доступный только людям с тугим кошельком. Стало быть, по большей части тем же финансистам.

А через дом от конторы Блокка, в доме № 55, находился в начале века Финансовый клуб, к рассказу о котором мы еще вернемся...

Игроки

На солнечной стороне Невского стоит огромный желто-белый дом с колоннами, имеющий номер 86. В этой части проспекта он выглядит «белой вороной». Сейчас здесь находится Дом актера, а прежде роскошный этот особняк, возведенный еще в 1835 году, принадлежал князьям Юсуповым.

Нам особенно интересна в его истории одна страничка: на долгие годы это здание было облюбовано завсегдатаями клубов. Из помещавшихся тут собраний больше других прославились два: Английский клуб и Санкт-Петербургское шахматное общество.

Английский клуб переехал сюда в 1869 году. К тому времени существовал он уже не одно десятилетие и слыл самым престижным собранием столицы. Его членами состояли одновременно не более трехсот человек, и пройти отбор было нелегко. Основным развлечением в клубе была кар-

точная игра; поэт Николай Некрасов выиграл здесь у своих партнеров не один десяток тысяч рублей, чем изрядно пополнил свой карман. Министр финансов России Александр Абаза проиграл ему больше миллиона франков и оказался далеко не единственной «жертвой» поэта. А самый крупный разовый выигрыш Некрасова составил (по его собственному счету) 83 тысячи рублей.

В Английском клубе не только играли, но и вели светские беседы. Здесь все были друг с другом накоротке и давно знакомы. Членство в клубе означало причастность к числу сильных мира сего и освобождало от многих проблем. Тому же Некрасову его многолетний карточный партнер по клубу влиятельный царедворец граф Адлерберг выхлопотал право на издание тома его стихов, тогда как дело это считали невозможным.

Чопорность, присущая Английскому клубу, словно бы передалась другому знаменитому собранию, находившемуся в этом здании, — Шахматному обществу. Оно основалось в конце прошлого столетия, а в этом доме на Невском находилось с 1893 по 1898 год. Сенатор П. А. Сабуров, издатель М. А. Суворин и маэстро М. И. Чигорин, создавшие общество, переусердствовали по части ограничений приема. В общество не допускались несовершеннолетние лица, гимназисты, юнкера и нижние чины и даже — люди «нехристианского вероисповедания». Скандальные правила были последствием ссоры между Чигориным и маэстро С. З. Алапиным — оба они претендовали на лидерство в российских шахматах, обладая при этом нелегкими характерами. С новым уставом общества Алапин, еврей, «благополучно» остался за его пределами.

За время своей жизни Шахматное общество провело немало крупных соревнований. Самое знаменитое из них — матч Чигорина с маэстро Таррашем, проходивший в этом доме и закончившийся вничью. Случилось это в 1893 году, осенью. А через три года здесь же состоялся первый в России международный шахматный турнир, в котором победил Эммануил Ласкер, тогдашний чемпион мира. От него отстали Стейниц, Чигорин, Пильсбери, Тарраш...

Точно напротив Дома актера стоит дом под номером 55. С ним связан еще один эпизод истории петербургских шахмат. В начале нашего века шахматисты скитались по столице в поисках постоянного пристанища. И наконец нашли его

— здесь, под крышей Финансового клуба. Председатель клуба был давним поклонником шахмат. Правда, у «финансистов» процветала карточная игра, и шахматистам приходилось мириться с соседством азартных карточных игроков. Но хозяева Финансового клуба относились к шахматистам очень дружелюбно: выделили для них две большие комнаты, да и при случае не отказывались помочь деньгами.

Вообще Невский проспект оставил немалый след в шахматной истории России. Особенно прославилось кафе «Домино», о котором мы еще расскажем: шахматисты собирались в нем десятилетиями; там начинались карьеры...

Пока же, прежде чем идти дальше, закончим рассказ о доме № 86. В начале нашего века он запомнился петербуржцам еще одной своей достопримечательностью. Здесь в 1907 году открылся паноптикум — музей восковых фигур. Внимание посетителей особенно привлекала полуобнаженная фигура Клеопатры, которую методично, раз за разом, жалила черная резиновая змейка. Публика толпилась вокруг восковой царицы, показывая на нее пальцами. Поодаль от шумных зрителей частенько стоял в этом паноптикуме посетитель, смотревший на Клеопатру «оцепенело и скорбно». Это был Александр Блок.

...Она лежит в гробу стеклянном,
И не мертва, и не жива,
А люди шепчут неустанно
О ней бесстыдные слова...

Эти строки — из блоковского стихотворения «Клеопатра», посвященного восковой царице с Невского проспекта.

Около «вшивой биржи»

За кинотеатром «Паризиана» на четной стороне Невского (построенным еще в 1913 году) — перекресток. Здесь Невский пересекается сразу с двумя магистралями: налево уходит Владимирский проспект, а вправо — Литейный.

Когда-то в прошлом столетии местность эта не была еще

столь обжита. Стояли здесь небольшие дома, а вокруг виднелись «поля, равнины, на которых можно выстроить заштатный городишко». В те годы перекресток Невского и Владимирского носил название «вшивой биржи». Не слишком приятное прозвище произошло от понятных причин. Здесь, у перекрестка, собирались в ожидании работы носильщики, и сюда же приходил к ним уличный парикмахер. Он сажал клиентов прямо на тумбу тротуара, волосы падали на землю, и привыкшая к человеческому обществу живность разбегалась во все стороны...

Правда, когда по одну из сторон Владимирского появился ресторан «К. П. Палкин», а по другую — гостиница («Москва», в доме № 49), соседство «вшивой биржи» показалось хозяевам заведений малоподходящим. И она была изгнана.

А вот «Москва» существовала до недавних пор в качестве ресторана. Раньше, до революции, это была гостиница с тем же именем, и еще в 1896 году путеводители относили «Москву» к тому разряду отелей, которые «при сравнительной дешевизне, дают приезжему известные удобства и даже некоторый комфорт». Цены номеров в гостинице колебались от 75 копеек до пяти рублей. Среди ее постояльцев был Антон Павлович Чехов, нечастый гость Петербурга. В номерах «Москвы» жил юный Василий Суриков; здесь останавливались народолюбивцы...

В первые послереволюционные годы под влиянием общего развала «Москва» своей репутации не сохранила. Облава, проведенная в ней в ночь с 1 на 2 сентября 1919 года, установила, что «гостиница эта является в полном смысле этого слова притоном, где проделывают свою вакханалию женщины, продающие себя, и уголовные элементы... Арестовано 25 человек, найден кокаин...» На некоторое время гостиницу закрыли.

Перекресток революций

В правую сторону от Невского проспекта, к Неве, уходит Литейный проспект. Его имя — одно из самых старых в Петербурге (оно утверждено еще в 1738 году и происходит от Литейного двора, крупного предприятия

петровского времени). Один эпизод из жизни перекрестка Литейного и Невского проспектов красочно обрисовал уже знакомый нам Ефим Зозуля:

«На углу Невского и Литейного (теперь проспект Володарского) в 1918 году было кафе с весьма преждевременным названием. Оно называлось “Семейное кафе”. Удивительное название! В нем было немало кровавых драк и убийств. В нем играли на скрипках три разбойника, а четвертый дирижировал. Проститутки и бандиты, спекулянты и всякий сброд заполняли это “кафе”. Дирижер этого скрипичного оркестра дирижировал одно время в другом кабаке — при нем за что-то убивали официанта табуретами, а ему велено было дирижировать и не оглядываться, чтобы не скоплась “публика”. На узкой спине дирижера от ужаса взвился люстриновый пиджачек».

Именем Володарского Литейный назывался до 1944 года, и удостоился этого названия в память большевистского пропагандиста Моисея Гольдштейна (партийный псевдоним В. Володарский).

Яростный борец за власть Советов, Володарский прославился участием в процессах против «буржуазной печати» — так в 1917—1918 годах именовали еще не закрывшиеся не-советские газеты. Не повезло, например, газете «Новый Вечерний Час», редактором которой был известнейший журналист, специалист по театру Александр Кугель. Политическая физиономия редактора доверия не внушала. И твердил Володарский революционному трибуналу, что газету надо закрыть. Доказывал: «Гражданин Кугель возмущен тем, что я хочу обвинять его за заголовки... Я скажу больше... В Петрограде три миллиона жителей. Насколько я знаю, все вечерние газеты, которые читаются, вряд ли превысят триста тысяч экземпляров, не более. Но, тем не менее, сведения, которые помещаются в этих газетах, узнаются всем населением. Каким образом? Очень просто. Мальчишки, которые продают газеты, не читают текста вашего, им все равно, поставили ли вы вопросительный знак или нет, поставили ли словцо “де” или нет: мальчишка берет вашу газету и бежит по улицам, и кричит: “Мирбах требует срочного введения германских отрядов в Москву...” И дело злое, дело преступное содеяно, прежде чем кто-нибудь успеет обратиться к вашей газете. Но даже и тот, кто газету вашу купит, не гарантирован от того, что он будет спасен от лжи... Он берет

газету, в глаза ему бросается афишка, которая его поразит. Он читает, что Мирбах требует введения отряда, и у него это залегает в утомленный мозг... У читателя украли спокойствие».

Жизнь Володарского оказалась недолгой. В июне 1918 года он был застрелен эсером Сергеевым, вследствие чего «счастливо» избежал репрессий и был многократно увековечен. На месте его гибели по сей день стоит памятник, а один из невских мостов так и именуется — Володарский.

Перекресток Невского и Литейного остался в истории революций не только благодаря Володарскому. 5 января 1918 года открывалось Учредительное собрание, и большая демонстрация, около 60 тысяч человек, приветствовала его. На этом перекрестке колонну встретили оружием, и большая часть демонстрантов была рассеяна. По улицам валялись тела погибших. Руководили операцией члены специально созданного штаба — Ленин, Свердлов, Подвойский, Урицкий, Бонч-Бруевич...

А в ночь с 6 на 7 января совсем неподалеку отсюда произошло еще одно трагическое событие русской революции. Для рассказа о нем свернем на Литейный проспект, где вблизи Невского располагается Мариинская больница, главный корпус которой выстроен великим Джакомо Гваренги. Ее официальный адрес — Литейный, 56.

У Мариинской больницы

Юрист Федор Федорович Кокошкин и врач Андрей Иванович Шингарев не были очень уж здоровыми людьми. И потому заключение в Петропавловской крепости, в которое их отправили большевики, сказалось на них губительным образом.

Попали они в тюрьму случайно, оказавшись во время обыска у графини С. В. Паниной на ее квартире. Но, попав однажды в крепость, остались тут надолго: как руководители кадетской партии, они не были сторонниками большевизма.

Заметив, однако, нездоровье узников, новые власти проявили к ним изысканное великодушие: разрешили перевести пленников в Мариинскую больницу. Переезд состоялся 6 ян-

варя 1918 года, узников сопровождали родные, которые помогли расположиться на новом месте. Воспользовавшись случаем, они спешили переговорить о своих делах и проблемах.

Сестра Шингарева вспоминала: в середине ее разговора с братом в палату вошел красногвардеец Басов, потребовавший с них деньги на извозчика. «У Андрея сразу померкло лицо при виде этого солдата, и особенно неприятно поразили его слова о деньгах; ему раньше говорили, что их можно купить и продать за деньги, но он не хотел верить, а здесь сам красногвардеец приходит и под первым попавшимся предлогом просит денег», — записала потом Александра Ивановна.

Что это было — знак судьбы?

Родственники разошлись, арестанты остались в больнице, каждый в своей палате. Весь вечер Шингарев читал «Трех мушкетеров» и около двенадцати часов лег спать. А в половине первого ночи в больнице снова появился красногвардеец Басов со своими революционными товарищами. Сказав, что идет сменять караул, он направился в палату Шингарева. Там он светил взятой у сиделки лампой, а его сообщники расстреляли Шингарева тремя выстрелами в лицо, грудь и живот. Потом они пошли в комнату Кокошкина и убили его тоже. Растерявшиеся сиделки от страха не знали, что и делать. Проснувшиеся больные подняли тревогу, прибежал дежурный врач. Кокошкин был уже мертв, Шингарев же прожил еще полтора часа, и повторял: «Дети, бедные дети!»

Мариинскую больницу и Петропавловскую крепость объединяет еще один сюжет — к счастью, не кровавый, хотя отчасти тоже связанный с революционными перипетиями.

В воскресный день 3 февраля 1863 года мимо Мариинской больницы шел один из бесчисленных петербургских чиновников — мелкий служака, кормилец большой семьи. На снегу он заметил вдруг розовый сверток и поднял его; там оказались исписанные мелким почерком бумаги — чья-то рукопись. Выкидывать находку чиновник не стал, а через несколько дней был вознагражден: в газете появилось объявление о пропаже с обещанием целых трехсот рублей тому, кто вернет ее на квартиру законному владельцу, в дом на углу Литейного и Бассейной улицы. Туда чиновник и отправился незамедлительно, и получил в обмен на рукопись деньги. Огромные для него деньги!

Так была найдена рукопись романа «Что делать?», написанная узником Петропавловской крепости Николаем Чернышевским. Потерял же ее, а потом расплатился за возвращение деньгами, Николай Некрасов, редактор «Современника». И скоро уже роман был напечатан.

Маркиз с шампанским — у Палкина...

Но вернемся на Невский. Дом № 47 выходит к углу Невского и Владимирского; в нем сегодня находится кинотеатр «Титан». Прежде здесь блистал знаменитый ресторан, основанный еще в 1808 году купцом Павлом Васильевичем Палкиным. Разумеется, в пушкинские годы ресторан помещался в более обжитой части Невского проспекта и лишь потом переехал к Владимирскому. Произошло это немногим более века назад; к тому времени Палкина уже не было в живых, и заведением руководил его сын Константин Павлович — сам купец и ресторатор. Ресторан был знаменит русской кухней; в нем бывали Чайковский, Лесков, Блок, Брюсов, Чехов. В отдельных кабинетах ресторана устраивал конспиративные встречи неудавшийся адвокат Ульянов.

У Палкина играл, кстати, превосходный орган, едва ли не лучший в столице. «Бывает даже, — писал в 1865 году репортер «Петербургского листка», — что целые семейства приезжают исключительно с целью послушать его».

Разумеется, в ресторане Палкина можно было не только поговорить и послушать музыку, но и приятно пообедать. Вот меню ресторана в один из дней — 3 января 1893 года:

«Суп Ошпо. Консоте а-ля жиров. Котлеты из ершей а-ля финансьер. Седло дикой козы а-ля гранд. Жаркое: фазаны, цыплята и дичь. Салат. Спаржа с крюшонами. Маркиз с шампанским». Поясним туманные слова. Маркиз — это сорт груш, а консоте — крепкий мясной бульон...

Плотно откушав, посетители разъезжались на извозчиках-«лихачах», которые постоянно дежурили рядом с «Палкиным» в ожидании клиентов. Чужих извозчиков сюда не допускали, а между своими существовала договоренность о ценах. И брали здесь с ездока раз в пять больше, чем обычно. Расчет был верен: вряд ли станет джентльмен спорить

РЕСТОРАНЪ „К. П. ПАЛКИНЪ“

== В. І. СОЛОВЬЕВЪ. ==

Невскій, уг. Владимірской.

ЗАВТРАКИ, ОБЪДЫ, УЖИНЫ

ПО КАРТЪ и ПО ЗАКАЗУ

КУХНЯ ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ ЛУЧШАГО ПОВАРА.

Вина лучшихъ русскихъ и иностранныхъ погребовъ.

Отдѣльные роскошно отдѣланные кабинеты. Зимній садъ.

По воскреснымъ днямъ обѣды отъ 5 до 8 час. вечера съ музыкою.

МАГАЗИНЫ ФРУКТОВЫХЪ, ГАСТРОНОМИЧЕСКИХЪ ТОВАРОВЪ,
ВИНЪ И РАЗН. ДЕЛИКАТЕСОВЪ.

- 1) Уголъ Невскаго и Литейнаго пр., д. Кекпна.
- 2) Уголъ Владимірской и Литейнаго пр., д. Палкина.
- 3) Уголъ Николаевской и Невскаго, д. № 1—71.

Большой выборъ всевозможныхъ гастрономическихъ товаровъ высшаго достоинства по умереннымъ цѣнамъ.

В. І. Соловьевъ.

Объявление ресторана Палкина.

В ресторане Палкина можно было не только поговорить и послушать музыку, но и приятно пообедать. Вот меню ресторана в один из дней — 3 января 1893 года: «Суп Ошпо. Консоме а-ля жиров. Котлеты из ершей а-ля финансьер. Седло дикой козы а-ля гранд. Жаркое: фазаны, цыплята и дичь. Салат. Спаржа с крошонами. Маркиз с шампанским».

при даме из-за денег. Да и захаживали к Палкину, как правило, весьма обеспеченные граждане, которые не смущались выложить вместо двадцати копеек целый рубль.

Ресторан Палкина сменил в доме на углу Невского и Владимирского другое популярное заведение — фруктовую лавку братьев Набилковых. В 1860-е годы здесь любили собираться столичные журналисты и писатели: им нравился устроенный при лавке погребок, в котором подавали горячий и холодный пунш. Один из «пишущих людей» вспоминал позже: «Там за стойкой стоял приказчик, который тоже кропал стихи и давал их всем для прочтения и исправления, но стихи были так плохи и безграмотны, что не поддавались никакому исправлению. Ко всем пишущим он чувствовал какое-то рабское почтение... Здесь, под веселую руку, поэты хвастались друг перед другом рифмами и каламбурами и писали их карандашом на столе, а приказчик благоговейно старался сохранить эти автографы...»

Знаменитое «заведение общественного питания» находилось и в соседнем доме, под номером 45. До 1917 года была здесь булочная — кондитерская-кофейная Д. И. Филиппова, крупнейшего владельца подобных заведений в России. Кофейная, выходившая на угол Невского и Троицкой улицы (ныне улицы Рубинштейна), славилась несравненным выбором выпечных изделий.

О необычных манерах

На другом углу Невского и Троицкой, в доме № 43, в те же предреволюционные годы находился ресторан-бар «Квисисана». Это был дешевый ресторан «с тухлыми котлетами на маргарине, разбитым пианино и жидким кофе». Но популярностью «Квисисана» пользовалась бешеной: сюда сходились многочисленные сутенеры, хлыщи и жуиры в разнообразных костюмах и мундирах — не ради еды, а из-за женщин. Известный журналист, скрывшийся под псевдонимом «Ю. Ангаров», не пожалел красок для живописания образов «Квисисаны»: «Все нечистое, блудливое, зараженное, бездомное, все холостяки, бобыли, прожигатели жизни — все стекается между 12 и 3 часами ночи сюда...

Шарль Дидло.

«На улице его нельзя было не заметить, — писал современник, — настолько характерны были его внешность и манеры. Он был в непрерывном движении, точно в его жилах была ртуть вместо крови. Голова его была непрерывно занята сочинением или какого-нибудь па, или сюжетом нового балета, и потому его непрерывно как-то подергивало; ноги его были необыкновенно выворотны, одну из них он каждую минуту то поднимал, то отбрасывал в сторону. Это он делал даже ходя по улице, точно он страдал пляскою святого Витта. Кто видел его в первый раз, мог принять его за помешанного...»

Все возбуждены до крайности вином, женщинами, пряной обстановкой, щекочущими духами, духотой... Думают и говорят только о наслаждениях». Не редкостью в ночной «Квисисане» были драки, пьяные выходы проституток и их клиентов; дым стоял столбом; столики были расставлены так тесно, что прохода почти не оставалось — но мест все равно не хватало...

За пределами ночного времени «Квисисана» оставалась дешевым, но довольно спокойным ресторанчиком, и в ней собиралась иногда совсем другая клиентура. Частым посетителем ее был оригинальный и самобытный писатель Алексей Ремизов. В годы первой мировой войны он часто бывал здесь вместе с художником Юрием Анненковым. Анненков позже вспоминал: «Мы присаживались в Квисисане к столику, заказывали скромно чай. Посетители косились на нас, то есть, — скорее на Ремизова. В его внешности, очень своеобразной, было, мне казалось, что-то от ежика, принявшего человеческий образ: в походке, во взглядах, в поворотах головы... У Ремизова была особая манера говорить: он, в сущности, не говорил, а щебетал. Он щебетал так же, забавно улыбаясь из-под очков, о раскрашенных девицах из Квисисаны, которая в этой части города была их штаб-квартирой; он щебетал, конечно, и о войне. Мы жили во время войны... Девиц из Квисисаны Ремизов дружески называл «кикиморами». К столикам завсегдатаев «кикиморы» присаживались просто так, по знакомству, без задней мысли. Присядут, покалякают, выкурят папироску и отойдут...»

На месте нынешнего дома № 43 прежде находился меньших размеров особняк. В нем в 1820-е годы жил знаменитый балетмейстер Шарль Дидло. Отсюда он ходил на службу в Театральное училище, руководителем которого состоял. «На улице его нельзя было не заметить, — писал современник, — настолько характерны были его внешность и манеры. Он был в непрерывном движении, точно в его жилах была ртуть вместо крови. Голова его была непрерывно занята сочинением или какого-нибудь па, или сюжетом нового балета, и потому его непрерывно как-то подергивало; ноги его были необыкновенно выворотны, одну из них он каждую минуту то поднимал, то отбрасывал в сторону. Это он делал даже ходя по улице, точно он страдал пляскою святого Витта. Кто видел его в первый раз, мог принять его за помешанного...»

Стоит прибавить, что частенько балетмейстер сам танцевал в балетах, а после возвращался домой в театральном костюме. Вместо шляпы он имел тогда лавровый венок, или фантастическую корону, или еще что-нибудь причудливое; остальные детали его костюма тоже поражали прохожих...

Среднего роста, рябой, худощавый, лысоватый Дидло был реформатором балета. Он придумал трико (эту новую одежду Дидло заказал парижскому мастеру Трико), тунику из газа, а также ввел в балет не условные, а исторические костюмы. Драматическое искусство балетов, поставленных Дидло, было для своего времени исключительным. Гениальный балетмейстер был, однако, и неограниченным деспотом на сцене, вспыльчивым человеком. Его уход из театра — следствие конфликта с директором императорских театров князем Гагариным. После ссоры Гагарин посадил Дидло под арест. Отбыв наказание, балетмейстер заявил: «Такого человека, как Дидло, не сажают», — и ушел в отставку.

Мастера искусств

На четной стороне Невского внимание привлекает отмеченный современным «козырьком» дом № 72 — в его дворовом флигеле находится сейчас кинотеатр «Кристалл-Палас». Так звался он с момента своего открытия в 1910 году. Позже, в советские уже годы, кинотеатр вошел в историю — благодаря тому, что в 1929 году здесь впервые в нашей стране состоялся сеанс звукового кино. Фильмов со звуком еще не существовало, и публике показали «Звуковую сборную программу № 1». Восторгу не было предела...

...А в 1917 году в доме № 72 помещалась редакция эсеровской газеты «Дело народа». Существовала она недолго, и о газете скоро все забыли, а вот секретарь-машинистка «Дела» запомнилась многим. «Щедрая природа одарила ее чувственными губами на лице круглом, как тарелка, — описывал ее имажинист Анатолий Мариенгоф. — Одарила задом величиной с громадный ресторанный поднос при подаче на компанию. Кривоватые ноги ее ходили по земле, а потом и по сцене, как по палубе корабля, плывущего в качку...» Осо-

бенно был очарован женственной красавицей пришедший в редакцию Сергей Есенин, тогда еще совсем молодой поэт. В марте он свел с ней знакомство, а в июле предложил отправиться вместе в поездку на Север. Секретарша согласилась. В поезде Есенин сделал ей предложение. После недолгих размышлений она согласилась и на это. И 4 августа 1917 года Зинаида Райх (так звали секретаршу газеты «Дело народа») стала женой Сергея Есенина.

Союз их был недолог: уже к 1921 году они развелись. Правда, за это время родились двое детей — Константин и Татьяна.

Тот же Мариенгоф, друг Есенина, вспоминал:

«Кого любил Есенин?

Больше всех он ненавидел Зинаиду Райх.

Вот ее, эту женщину с лицом белым и круглым, как тарелка, эту женщину, которую он ненавидел больше всех в жизни, ее — единственную — он и любил...

Мне кажется, что и у нее другой любви не было. Помани ее Есенин пальцем, она бы от Мейерхольда убежала без зонтика в дождь и в град».

Вскоре после развода с Есениным Райх стала женой Всеволода Мейерхольда и ведущей актрисой его театра. В 1930-е годы Мейерхольд был арестован, а вскоре после ареста Зинаиду Райх жестоко, злодейски убили у нее на квартире. Кто убил — неизвестно до сих пор...

Весьма памятный визит Есенина в дом № 72 относится к 1924 году. Тогда находился здесь Свободный театр — популярное эстрадное заведение с пестрой программой, на подмостках которого выступали Леонид Утесов, Рина Зеленая и многие другие, не столь известные артисты. В воспоминаниях Рины Зеленой есть такой эпизод:

«Во время одного из концертов в Свободном театре я пела песенку с Л. Утесовым. Шел какой-то смешанный концерт, народу было страшно много, но сидели зрители только в передней половине зала, а дальше стояли и даже ходили. Сзади шумели, зрители оборачивались, шикали. Потом до нас донеслись какие-то громкие голоса. В антракте мы узнали, что произошла целая история. Какие-то кретины из числа присутствующих начали задевать дурацкими, оскорбительными репликами Сергея Есенина. Он легко поддавался на такие провокации... Короче, началась драка... На другой день одни могли рассказать, что заступились за Есе-

нина, другие — что хотели проучить его. Участие в таком скандале — уже реклама для них: глядишь, и их ничтожные имена упомянут в хронике рядом с Есениным. После концерта все что-то оживленно рассказывали, обсуждали, а я почему-то отнеслась к инциденту спокойно. И вот на другой день после концерта в Свободном театре я сидела в своем «Англетере». В дверь постучали. Вошел Есенин. Я этого не ожидала. А он пришел просить у меня прощения, будто там, в зале, все произошло из-за него. Просит простить. Я его утешала. Он меня поцеловал и был, по-моему, рад, что я не сердилась...»

Биограф Есенина Л. Карохин полагает, что скандал в Свободном театре с участием поэта состоялся 16 апреля 1924 года, а визит Есенина в «Англетер» — днем позже, 17 апреля.

Был еще один есенинский визит в дом № 72 в 1924 году. На сей раз сохранились материальные свидетельства его прихода — фотографии. Дело в том, что Есенин побывал в этот раз на квартире у знаменитого фотохудожника Моисея Наппельбаума. Вначале дочь Наппельбаума Ида сняла поэта в центре группы молодых писателей, а затем и сам мэтр сделал снимок Есенина — уже уходящего, в шубе, с папиросой в руке. Снимок этот обошел множество книг как одна из лучших фотографий поэта.

А фотоателье Наппельбаума находилось в доме долго: еще с предреволюционных лет до окончания нэпа. С этим ателье связаны не только многие знаменитые портреты, сделанные мастером; в 1920-е годы дочери Наппельбаума Ида и Фредерика устраивали здесь известные всему Петрограду литературные «понеделники». Ахматова, Мандельштам, Гумилев, Ходасевич, Зощенко, Шварц, Тынянов — это только некоторые посетители «понеделников», на которых сходились и молодые писатели, и уже знаменитые. Они читали стихи, беседовали между собой, а иногда — невиданная роскошь по тому времени, возможная только благодаря широкой практике Наппельбаума! — угощались бутербродами. И, разумеется, фотографировались...

Дом № 72 с «Делом народа» и литературными «понеделниками» Наппельбаумов открывает небольшой «литературно-журнальный» отрезок Невского проспекта. Несколько следующих по четной стороне проспекта домов продолжают эту тему.

Зинаида Райх

(Фото М. Наппельбаума).

«Вот ее, эту женщину с лицом белым и круглым, как тарелка, эту женщину, которую он ненавидел больше всех в жизни, ее — единственную — он и любил...»

Сергей Есенин

(Фото М. Наппельбаума).

Есенин побывал в этот раз на квартире у знаменитого фотохудожника Моисея Наппельбаума. Вначале дочь Наппельбаума Ида сняла поэта в центре группы молодых писателей, а затем и сам мэтр сделал снимок Есенина — уже уходящего, в шубе, с папиросой в руке. Снимок этот обошел множество книг как одна из лучших фотографий поэта.

Дом под номером 70, построенный в классическом вкусе — нынешний Дом журналиста. Возвели его в первой половине прошлого века для заслуженного и уже пожилого генерала от артиллерии Ивана Онуфриевича Сухозанета. Герой Отечественной войны 1812 года, он оказал в декабре 1825 года ценнейшую услугу только что вступившему на престол императору Николаю Павловичу. При общей неразберихе Сухозанет твердо принял сторону Николая, а затем командовал картечным расстрелом бунтовщиков. Как и любой военный, он «исполнял приказ». А еще несколькими годами позже отважный генерал в одном из сражений лишился ноги...

Сухозанет прославился не только военной удачей, но и азартным поведением на совсем других полях сражения — зеленых, картежных. Мария Толстая, вспоминая раут у графини Лаваль в 1837 году, отметила, что Сухозанет «целый вечер, не вставая, как приклеенный, просидел за карточным столом и то и дело придвигал к себе по зеленому сукну целые груды червонцев и империалов... Государь Николай Павлович не раз подходил к этому столу, внимательно следил за игрою Сухозанета, и видно было, что он им не очень-то доволен...»

В 1861 году Сухозанет умер от апоплексического удара, а дом его перешел к сыну. Через три года дом попал в руки столичного Купеческого общества, находившегося тут до самой революции.

О литературе и не только...

История дома № 68, выходящего к Фонтанке, будучи описана полностью, заняла бы изрядных размеров том. Не случайно это здание именуют «литературным»: здесь жили крупнейшие литераторы России — Белинский, Тургенев, Панаев, Булгарин, Писарев, Марко Вовчок... Тут квартировал известнейший издатель Андрей Краевский.

Оставим исследование жизни революционных демократов на долю их ценителей и вспомним только один эпизод из жизни Дмитрия Ивановича Писарева.

Четыре года своей недолгой жизни критик просидел в Петропавловской крепости: с 1862-го по ноябрь 1866-го. Освобождение не только не успокоило Писарева, но и даже выбило его из колеи; он жаловался на нездоровье, был нервен и вспыльчив. Психика его и прежде была не в порядке: еще будучи студентом университета, он заболел сильнейшим нервным расстройством с манией величия и был помещен в частную лечебницу. В тот раз, кстати, он не долечился, и скрытые рецидивы болезни возникали частенько.

Вскоре после выхода на свободу Писарев возобновил знакомство со своей дальней родственницей Марией Маркович, писавшей под псевдонимом Марко Вовчок (сделанные ею переводы Жюль Верна переиздаются до сих пор). Знакомство их было давним, еще с 1850-х годов, но в этот раз болезненное состояние Писарева и его одиночество повернули все по-новому: он страстно влюбился...

Маркович была старше юного критика на полтора десятка лет и испытывала к нему дружескую симпатию. Об ответной страсти с ее стороны не было и речи. Но Писарева ничто не могло остановить, он страдал и мучился. Другьям говорил, что не в состоянии делать что-либо, «пока не добьется ее взаимности». Современников это удивляло еще и потому, что Маркович была «дебелая матрона», и «единственным украшением ее лица были густейшие, можно сказать, даже мохнатые брови».

Время шло, Писарев изводился все больше и больше. Мать его, опасаясь за здоровье сына, писала его возлюбленной: «...ты ведь добра, умоляю тебя, сделай Мите жизнь легкой и счастливой... И отчего бы тебе не полюбить его? Он так сильно тебя любит...» Письмо это было написано меньше чем за год до гибели Писарева.

Подействовало ли письмо, ореол ли писаревской славы оказал свое влияние, или причины были иные — Маркович уступила. Осенью 1867 года Писарев поселился рядом с ней, в доме № 68 на углу Невского и Фонтанки. Он занял квартиру по соседству, а работал и вовсе в одном с Маркович кабинете.

Но ожидаемого счастья не наступило. Хоть пламенная страсть Писарева и нашла в душе Маркович отклик, но не

Мария Маркович (Марко Вовчок).

Маркович была старше юного критика на полтора десятка лет и испытывала к нему дружескую симпатию. Об ответной страсти с ее стороны не было и речи. Но Писарева ничто не могло остановить, он страдал и мучился. Другьям говорил, что не в состоянии делать что-либо, «пока не добьется ее взаимности».

Дмитрий Писарев (С рисунка И. Н. Крамского).

Подействовало ли письмо, ореол ли писаревской славы оказал свое влияние, или причины были иные — Маркович уступила. Осенью 1867 года Писарев поселился рядом с ней, в доме № 68 на углу Невского и Фонтанки... Но ожидаемого счастья не наступило.

была воспринята ею с тем же жаром. Разница характеров, возрастов, привычек давала себя знать. А Писарев, возбужденный ее уступкой, писал опять письма: «Я весь целиком отдался тебе, я не могу и не хочу взять себя обратно...»

Писарев жил рядом с Маркович почти год. Летом 1868 года он поехал отдыхать в Дуббельн на Рижский залив и там утонул.

Не рыдай так безумно над ним

— написал Некрасов по случаю смерти Писарева в стихотворении, посвященном Маркович. Это был, похоже, лишь поэтический образ, хотя и известно: смерть Писарева Марко Вовчок пережила тяжело.

Как и жизнь Писарева, его критическая деятельность была пронизана нервным возбуждением, душевным нездоровьем. Его сочинения вызывали шок у читателей и способны поразить даже сейчас. Вот несколько фраз из статьи Писарева «Пушкин и Белинский»:

«Воспитывать молодых людей на Пушкине, значит готовить из них трутней...»

«Для тех людей, в которых произведения Пушкина не возбуждают истерической зевоты, — эти произведения оказываются вернейшим средством притупить здоровый ум и усыпить человеческое чувство...»

«В так называемом великом поэте я показал моим читателям легкомысленного версификатора, опутанного мелкими предрассудками, погруженного в созерцание мелких личных ощущений и совершенно неспособного анализировать и понимать великие общественные и философские вопросы нашего века...»

Как лейтмотив в статье звучат слова «наш маленький Пушкин»... Как тут не вспомнить эпиграмму Дмитрия Минаева, написанную после выхода этой статьи (Минаев назвал ее: «Пушкину, после вторичной его смерти»):

Гоним карающим Зевесом,
Двойную смерть он испытал:
Явился Писарев Дантесом,
И вновь поэта расстрелял...

На другой стороне Невского углом к набережной Фонтанки выходит огромный красно-желтый дворец Белосельских-Белозерских. История этого дома делится на несколько периодов. Вначале, еще до постройки нынешнего роскошного «палаццо», здесь находился небольшой дом, владельцем которого одно время был сенатор Петр Мятлев, отец знаменитого поэта.

Из мятлевской жизни здесь больше всего запечатлелся один краткий эпизод. В правление Екатерины II обнаружена была огромная кража денег из столичного Заемного банка: кассир Кельберг сумел похитить аж 600 тысяч рублей. Была назначена особая следственная комиссия, в которую вошли Гавриил Романович Державин, петербургский генерал-губернатор Архаров и Мятлев. В его доме комиссия и собиралась, заседания иногда тянулись далеко за полночь. Напряжение этой работы сказалось на всех и прежде всего на Мятлеве: он заболел и вынужден был ездить на сенатские слушания больным...

После Мятлева дом дважды переходил из рук в руки и, наконец, оказался во владении семьи Белосельских-Белозерских. Они и заказали архитектору Штакеншнейдеру перестройку дома в дворец, существующий ныне.

А в 1880-е годы хозяева продали дворец великому князю Сергею Александровичу, женившемуся тогда на Елизавете, сестре будущей императрицы России Александры. Дворец располагался очень удобно для великого князя: ведь рядом, через Фонтанку, в Аничковом дворце жил его августейший брат император Александр III...

Сразу после покупки дворец немного отремонтировали, и первый въезд молодых в него состоялся торжественно в день свадьбы, 3 июня 1884 года. «Биржевые ведомости» рапортовали: «...Тронулся поезд высоконовобрачных ко дворцу их высочеств, что у Аничкина моста, дом бывших князей Белосельских-Белозерских. По всему Невскому горели газовые звезды, масса народа стояла по тротуарам, оглушительное “ура” раскатывалось по всему пути... Горела иллюминация, пылали бенгальские огни...»

Брак высокопоставленных особ не стал счастливым. Сергей Александрович был гомосексуалистом, чего и не скрывал.

Говорили, что супруге он советовал подобрать себе «настоящего мужа» из числа свиты. Сергей Александрович прославился еще и жестокостью в бытность на посту московского генерал-губернатора, и в Москве его убил террорист Иван Каляев. Случилось это в 1905 году.

Елизавета Федоровна, в чьем распоряжении остался дворец, не жила в нем подолгу. Она предоставила его своему воспитаннику, великому князю Дмитрию Павловичу, с которым связана одна из самых заметных страниц дворцовой истории.

...Поздней декабрьской ночью 1915 года в ворота дворца въехал автомобиль. Прислуга почтительно подбежала к вышедшим из него людям. Неожиданно один из приехавших заглянул в машину и что-то удивленно воскликнул. На возглас обернулись остальные; вместе они стали осматривать машину и отыскивали в ней мужской бот, а на ковре, устилавшем автомобиль, увидели пятна крови.

Самый молодой из приехавших на автомобиле господ — это был великий князь Дмитрий Павлович — повернулся к слугам и отдал приказание забрать бот и ковер и сжечь. Это исполнено было незамедлительно.

Так закончилась эпопея убийства Григория Распутина. Бот, найденный в машине, принадлежал ему. Заговорщики пытались убить «святого старца» в Юсуповском дворце на Мойке, затем уже на самой набережной Мойки; после они отвезли тело на Малую Невку и сбросили под лед. Тогда-то и забыли выкинуть упавшую обувь.

Среди приехавших ночью во дворец на Невском были, кроме Дмитрия Павловича, думский депутат Пуришкевич и доктор Лазаверт.

Когда весть о случившемся дошла до императрицы, она приказала заключить Дмитрия Павловича под домашний арест в этом же дворце. Здание было оцеплено полицией, выходить из него запрещалось. Прибывший вскоре в столицу император не отменил решения своей супруги. А сестра императрицы Елизавета горячо приветствовала убийство Распутина и прислала в этот дворец телеграмму поддержки...

Через несколько дней Дмитрий Павлович был послан на персидский фронт, благодаря чему уцелел в революционном хаосе. Умер он в Америке в 1942 году. Елизавета Федоровна была убита большевиками в Алапаевске, а позже причислена Православной церковью к лику святых.

И еще два сюжета — две свадьбы, предшествовавших убийству Распутина и сложным путем связанных с ним. В ноябре 1894 года здесь, у своей сестры, жила Алиса Гессен-Дармштадтская, невеста Николая II. 14 ноября состоялся их брак, и молодые переехали в Аничков дворец, где жил тогда Николай (Аничков стоит напротив дворца Белосельских-Белозерских, на другом берегу Фонтанки, и к нему мы еще подойдем).

А через двадцать лет после императорской свадьбы в том же Аничковом состоялась еще одна свадьба, сыгравшая в деле Распутина роковую роль. На этом торжестве присутствовали император с императрицей. Позже Николай II записал в дневнике, что «все прошло очень хорошо».

Как эта свадьба связана со знаменитым убийством? Вспомним: убивали Распутина на Мойке, во дворце князя Феликса Юсупова. «Приманкой», привлечшей Распутина в дом его старого врага, стала супруга Феликса Ирина, племянница императора Николая II и дочь великого князя Александра Михайловича; «старец» был очарован этой красавицей и жаждал с ней познакомиться. Когда он приехал в Юсуповский дворец, Ирины там не было; его поджидали заговорщики...

А свадьба Феликса и Ирины как раз и состоялась в Аничковом дворце в феврале 1914 года.

Фонтанов нет, название осталось

Фонтанка, пересекающая Невский проспект, — одна из главных петербургских рек. В первые годы Петербурга именовалась она Безымянным Ериком, а позже, когда в Летнем саду (мимо которого течет эта река) были пущены фонтаны, имя ее сменилось на современное. Фонтанов уже давно нет — они погибли в наводнение 1777 года, — а память о них сохраняется до сих пор.

В прежние времена Фонтанка была далеко не так благоуобразна, как сейчас. Она местами расширялась, углубляясь иногда заливами в берег; посредине реки существовало множество небольших островков, покрытых густой травой. Пре-

образование ее началось еще при Петре I: вбивались сваи, засыпалась земля, река сужалась. Потом были уничтожены и острова. Появились набережные из гранита.

В конце XVIII века Фонтанка еще не загрязнилась: писали, что вода в ней течет «чистая, невская». Увы, прогресс не пошел реке на пользу. В 1859 году одна из газет Пруссии сообщила пораженным немцам, что петербуржцы, пользуясь водой из Фонтанки и других городских каналов, пьют прямо-таки «экстракт издохлых кошек и собак». А через шесть лет петербургский полицмейстер косвенно подтвердил этот факт, издав приказ «о воспреещении брать воду для питья из Фонтанки ниже моста Симеоновского». В районе Невского, похоже, пить воду было тоже нельзя...

Впрочем, сейчас воды Фонтанки не так грязны, как раньше: прежде всего потому, что на ней стало меньше промышленных предприятий.

«Кажется, будто отдохнул!..»

Пересечение Невского с Фонтанкой украшает один из знаменитейших мостов Петербурга — Аничков. Открытие его произошло осенью 1841 года. Вскоре на мосту появились две конные группы из бронзы: они стояли на западной, дальней от нас стороне моста. На другой стороне поставили две повторявшие их гипсовые скульптуры, окрашенные под бронзу. Под действием непогоды они быстро начали разрушаться: появились трещины, затем у одной из лошадей отвалился хвост. Наконец, гипсовые группы были заменены на бронзовые, но те простояли недолго: их по распоряжению императора отправили в подарок неаполитанскому королю. На опустевших пьедесталах вновь появились гипсовые отливки. Лишь в 1850 году здесь были установлены две новые скульптурные группы — те, что стоят на мосту и поныне.

Ансамбль «Укрощение коня» произвел на публику громадное впечатление. Популярная газета «Голос» писала в 1867 году: «Аничков мост приводит в восхищение всех жителей Петербурга. Толпами собираются они полюбоваться удивительной пропорцией всех частей моста и лошадьми —

смело скажем, единственными в мире... Въехав на мост, кажется, будто отдохнул...»

Мастерство автора этих скульптур, барона Петра Клодта, вызвало восторг не только у обывателей. По слухам, сам император Николай Павлович удостоил скульптора на открытии весьма оригинального комплимента: «Ты, Клодт, делаешь лошадей лучше, чем жеребец!» Фраза, достойная занесения в антологию солдатского юмора.

Правда, не ведал император о тайной особенности клодтовских коней (вернее, одного из них). На мошонке того коня, что стоит ближе всех к Аничкову дворцу, изображен мужской профиль. Историки спорят: то ли Клодт «увековечил» образ любовника своей супруги, то ли досталось от него генералу Бонапарту — ведь скульптор был, как известно, ярким антибонапартистом.

А императору на его армейский комплимент Клодт ответил — да еще как! Но не при жизни монарха, а гораздо позже, — ведь именно ему было поручено изваять конную статую усопшего Николая Павловича для Исаакиевской площади. Клодт исполнил задание с блеском: поставил монумент всего на две точки опоры — задние ноги коня. Такого не добивался ни один скульптор в мире! Но попутно появилась на памятнике и другая отличительная черта: надпись на шее императора. Увы, это слово из трех букв, самое короткое русское ругательство... Мнения специалистов и здесь не сходятся: некоторые считают, что надпись эта вырублена уже в нашем веке, в первые годы советской власти — вернее, в годы безвластия. Но другие утверждают, что надпись эта — ровесница памятника, и предлагают делать выводы об ее авторстве самостоятельно...

Оставим нерешенные вопросы и вспомним напоследок, как отливал Клодт свои скульптуры для Аничкова моста.

«Художественная газета» уведомляла своих читателей: «Как торжественна была отливка из бронзы конных групп Клодта для Аничкова моста. Часов в одиннадцать утра огромные трубы литейной начали дымиться и весь Васильевский остров знал по черному дыму, что барон Клодт отливает свои статуи. В верхнюю часть литейной, где находились плавильные печи, стекалась масса народу... Все с любопытством следили за результатом отливки, которая продолжалась несколько часов. Мастерская под конец наполнялась бе-

лым дымом, точно туманом. Статуя охлаждалась медленно, даже через несколько дней, когда форму разбивали, фигура еще была очень горячей».

Великий зодчий был некрасив

За Фонтанкой, на нечетной стороне Невского привлекает внимание двухэтажное длинное здание Кабинета Его Императорского Величества. Оно было возведено по проекту Джакомо Гваренги (его именуют еще Кваренги) в начале прошлого века. Кабинет — известие о том, что мы, перейдя Фонтанку, как бы перешли и из эпохи в эпоху. Здесь, по Аничкову мосту, проходила еще в пушкинское время граница парадного Петербурга.

Отвлечемся ненадолго от домов и вспомним о Гваренги, авторе не только Кабинета, но и многих знаменитейших сооружений Петербурга.

Этот гениальный архитектор, создавший множество прекрасных проектов, был удивительно некрасив. Язвительный мемуарист Ф. Ф. Вигель подметил: «Старик Гваренги часто ходил пешком, и всяк знал его, ибо он был замечателен по огромной синеватой луковиче, которую природа вместо носа приклеила к его лицу». Портит внешность не только нос: современники единодушно описывают зодчего неуклюжим человеком с большим животом, маленькими глазками и резким, неприятным голосом. Не голос ли подал повод к тому, что фамилия Кваренги стала обыгрываться шутниками, и звукоподражание «ква-ква» прочно приклеилось к облику зодчего? По крайней мере, на карикатурах, посвященных архитектору, оно встречается неоднократно.

Чтобы избежать назойливого «ква-ква», зодчий, видимо, и подправил написание своей фамилии. Гваренги — так стал подписываться он сам, так именовали его в указах, так значился он в адресных книгах.

Увы, уважение к личности — то, чего России традиционно не хватает. Зодчий умер, а потомки и исследователи пренебрегли его волей, вернувшись к грамматически более точному: Кваренги. Один только В. Я. Курбатов, историк архитектуры, боролся за восстановление воли великого масте-

Джакомо Гваренги (*Шарж работы
А. О. Орловского*).

Этот гениальный архитектор, создавший множество прекрасных проектов, был удивительно некрасив. Язвительный мемуарист Ф. Ф. Вигель подметил: «Старик Гваренги часто ходил пешком, и всяк знал его, ибо он был замечателен по огромной синеватой луковице, которую природа вместо носа приклеила к его лицу».

ра, настаивал на этом. Поддержали его немногие, и сторонники грамматической точности возобладали...

Аничков дворец и его обитатели

За корпусом Кабинета хорошо виден светло окрашенный Аничков дворец. Это самое старое сооружение Невского, сохранившееся в своих первоначальных формах с небольшими изменениями. К Невскому дворец обращен боком, а главный его фасад выходит в сторону Фонтанки, к границе города. В восемнадцатом столетии дворец торжественно оформлял въезд в российскую столицу. При нем были пруды, фонтаны и цветники — почти как в Петергофе! Павильоны, службы и дворцовый сад с оранжереями располагались тогда на огромном пространстве от Фонтанки до Садовой улицы.

Аничков дворец менял хозяев множество раз. Еще в 1920-е годы историк Петр Столпянский насчитал двенадцать его переходов из рук в руки, и только в конце 1930-х Аничков стал Дворцом пионеров (ныне — Дворец творчества юных).

Построили это великолепное здание в 1740—1750 годах для императрицы Елизаветы Петровны, но уже скоро она подарила его графу Алексею Разумовскому, своему фавориту и, как говорили, морганатическому и тайному супругу. Елизавета очень внимательно следила за возведением дворца, не раз ездила осматривать его строительство. Вдоль Невского тогда были посажены березки, и, прибыв сюда в первый раз, императрица удивилась неопрятному виду деревьев. На них сушилось белье, висела зимняя одежда (ее готовили к укладке в сундуки до будущих холодов). На некоторых ветвях виднелась и посуда — горшки и кувшины для молока. Елизавету Петровну разгневал такой непотребный вид, и следствием того стал строгий указ «о запрещении с.-петербургским жителям развешивать что-либо на березках на Невской перспективе».

Конечно, запрет императрицы лишь ненамного улучшил облик Невского. Он застраивался тогда беспорядочно раскиданными домишками и до настоящего великолепия было

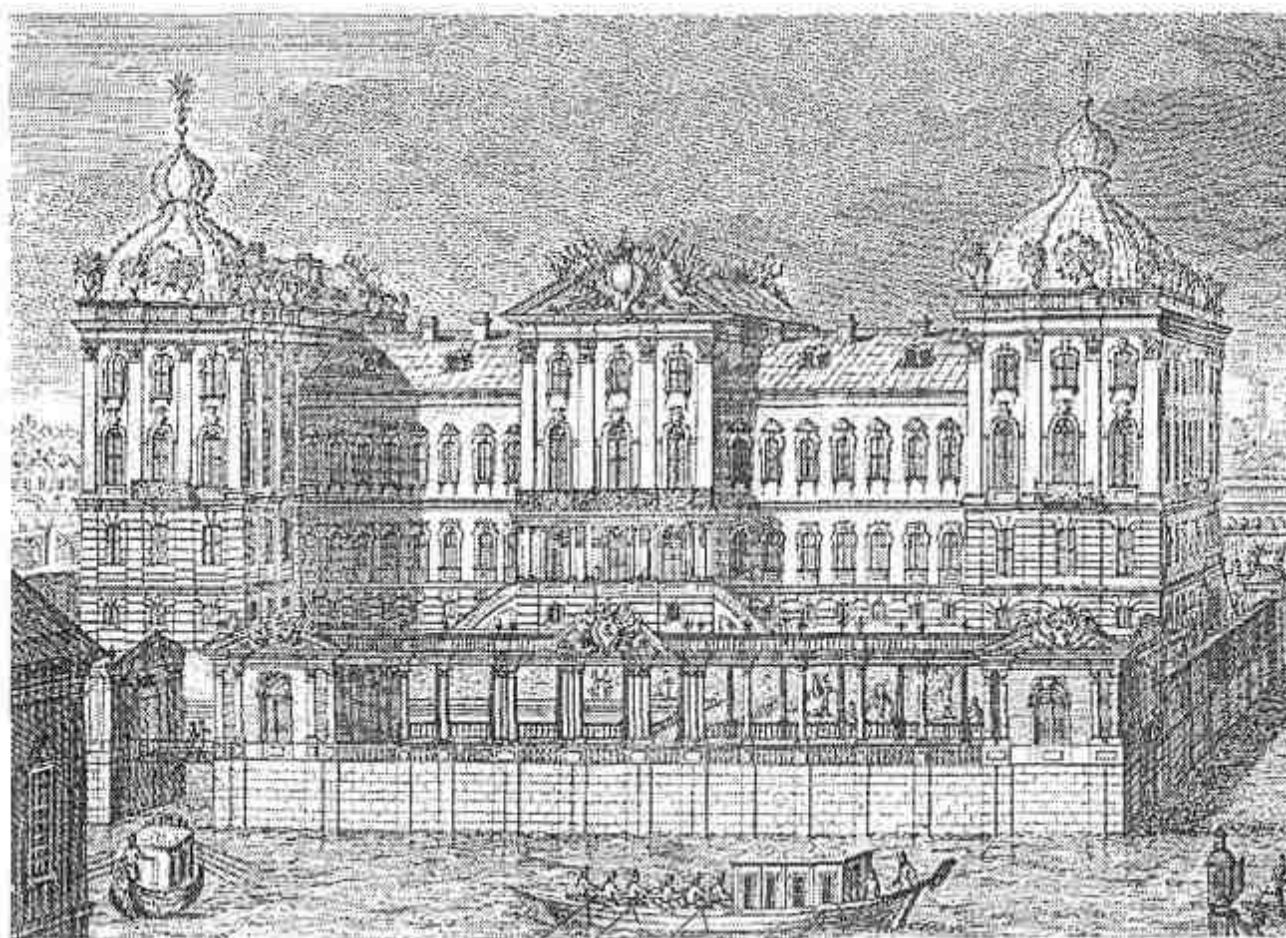
еще очень далеко. Но постепенно дело шло...

Аничков дворец построили успешно, и Разумовский долго владел им. А потом хозяином дворца стал фаворит другой российской императрицы, Екатерины II — Григорий Потемкин. Длинная череда покупок и продаж закончилась только в начале XIX столетия: Аничков откупили в казну и объявили его императорским дворцом. После этого здесь жили члены царской фамилии. Некоторое время дворец был главной резиденцией Николая I, двадцать пять лет прожил здесь Александр III; тут прошли детские и отроческие годы Николая II. Здесь, у Аничкова дворца, хотели убить Александра III боевики группы Александра Ульянова. Попытка не удалась: заговорщиков арестовали в день покушения, а затем они были казнены.

Многих знаменитостей видел дворец уже после 1937 года: ведь его посещение частенько входило в официальную программу визитов в Ленинград высоких иностранных гостей. Индира Ганди и Джавахарлал Неру, Урхо Кекконен, Ив Монтан и Симона Синьоре... А однажды, в 1975 году, здесь выступал с сеансом одновременной игры новый чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов, и упорное сопротивление оказал ему один юный участник. Чемпион сумел свести партию вничью. Играл с ним — Гарри Каспаров. Так будущие соперники, два великих «К», встретились впервые.

О недавней и современной жизни дворца можно говорить много: достаточно хотя бы того, что его шахматная школа, возглавлявшаяся Владимиром Заком и другими тренерами, дала старт множеству блестящих карьер. Здесь начинали Виктор Корчной, Борис Спасский, Валерий Салов, Александр Халифман, Гата Камский и многие другие гроссмейстеры...

Но вернемся в давние времена — когда дворец принадлежал еще императорской фамилии. При Николае I, в пушкинское время, здесь давались придворные балы. В 1834 году император пожаловал Пушкина званием камер-юнкера своего двора — с тем, чтобы поэт с женой, красавицей Натальей Николаевной, бывал в Аничковом на балах. «Двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове», — записал в дневнике Пушкин, негодуя по поводу слишком позднего «пожалования». Обычно камер-юнкерами становились юнцы, и тридцатипятилетний Пушкин выглядел среди них белой вороной.

Аничков дворец в 1750-е годы.

Это самое старое сооружение Невского, сохранившееся в своих первоначальных формах с небольшими изменениями. К Невскому дворец обращен боком, а главный его фасад выходит в сторону Фонтанки, к границе города. В восемнадцатом столетии дворец торжественно оформлял въезд в российскую столицу. При нем были пруды, фонтаны и цветники — почти как в Петергофе! Павильоны, службы и дворцовый сад с оранжереями располагались тогда на огромном пространстве от Фонтанки до Садовой улицы.

Пушкину приходилось бывать в Аничковом не только по камер-юнкерским делам. Особенно запомнился ему один визит: 23 ноября 1836 года он побывал во дворце по официальному приглашению императора. Николай Павлович сообщил поэту, что ему известна вся история ссоры его с бароном Геккереном, и потребовал не доводить дело до дуэли. Ни под каким предлогом. В случае необходимости самодержец обещал сам вмешаться в дело... Увы, все повернулось иначе. До гибели Пушкина оставалось меньше трех месяцев.

Вернемся, однако, к делам камер-юнкерским. Как-то в письме Пушкин пренебрежительно отозвался о своем камер-юнкерстве, но на беду его письмо шло через московского почт-директора Александра Булгакова. Тот не посовестился вскрыть послание, а затем переслал его Бенкендорфу, от которого «крамола» попала в руки царю. Гнев самодержца был велик, но еще больше — гнев Пушкина, возмущенного перлюстрацией частной переписки. «Негодяй Булгаков», — клеймил он виновника этой истории...

Не меньше Александра Булгакова запомнился Петербургу его сын, гвардейский офицер Константин Булгаков. И хотя самая заметная часть его жизни приходится на после-пушкинское время, нелишне рассказать сейчас о нем — ведь благодаря своим шалостям и проделкам младший Булгаков вошел в историю. Одна из его выходок началась с того, что император Николай заметил, будто офицеры гвардии стали носить слишком короткие (по его мнению) сюртуки, и обратил на это внимание великого князя Михаила Павловича. Тот отдал приказ о новой длине сюртуков, причем за норму был принят высокий рост. Портные, поняв ошибку в приказе, стали шить сюртуки соответственно росту заказчика. Но Булгаков, чей рост был ниже среднего и уж гораздо ниже взятого за основу в приказе, потребовал от портного сшить себе сюртук в точном соответствии с приказом великого князя. В новом сюртуке он и вышел на Невский проспект, вызывая смех окружающих: полы сюртука прикрывали ему икры. Повстречавшийся великий князь возмущился видом офицера и приказал ему отправляться на гауптвахту, но Булгаков был наготове: достал из кармана приказ и убедил Михаила Павловича в правильности одеяния. Посмеявшись, князь освободил Булгакова от наказания и распорядился дополнить приказ указанием трех норм длины для разных типов роста.

На Невском пушкинского времени можно было увидеть не только карикатурные одеяния. Посоветуем любителю литературы перечитать еще раз «Невский проспект» Гоголя: там представлено блестящее описание модников и модниц столицы. А что касается необычных мод... Молодые модники ходили зимой в белых шляпах и при первых же лучах солнца спешно раскрывали зонтики, дабы сохранить белизну кожи своего лица. Гусары — и солдаты, и офицеры, все до единого, — носили в ушах серьги, переняв такой обычай с Кавказа. Многие щеголи румянили и белили свои лица; другие носили знаменитые шляпы «боливары», в которых невозможно было войти в узкие двери...

Державин торговал умело

Обратим внимание на большой зеленый дом под номером 66 — на его углу, выходящем к Аничкову мосту, находится аптека. Это знаменитая «Аничковская» аптека — старейшая в Петербурге. В дом на углу Невского и Фонтанки она переехала еще в начале прошлого века...

В «Сказе о тульском Косом Левше и стальной блохе» эта аптека неожиданно всплывает на свет. Придворные, нашедшие в одной из дворцовых шкатулок непонятную блоху, решают вызвать специалиста.

«Позвали от Аничкина моста из противной аптеки химика, который на самых мелких весах яды взвешивал, и ему показали...»

Дальнейшее действие повести известно; добавим лишь, что «противная» значит в этой цитате «противоположная», — ведь император жил тогда в Аничковом дворце, напротив аптеки.

Аничковская аптека не раз еще становилась местом действия литературных произведений: известны несколько водевилей, герои которых оказываются в ней. Стоит, правда, уточнить: если сейчас аптека находится на первом этаже дома, то в прошлом столетии она занимала второй этаж. И вход в нее был не с угла, а с Невского проспекта...

Последняя капитальная перестройка этого дома случилась в середине прошлого века. Тогда он превратился в до-

ходный, с меблированными комнатами и многочисленными постояльцами. А 27 февраля 1881 года на квартире одного из постояльцев, революционера Тригони, был арестован Андрей Желябов, лидер «Народной воли». Его «изъяли» из революционной борьбы как раз накануне намеченного покушения на Александра II. Желябова заменила Софья Перовская; под ее руководством император и был убит 1 марта 1881 года...

Задолго до всех народовольческих перипетий участок дома № 66 оказался связан с еще одним известным именем. Гавриил Романович Державин получил его в свое владение, а затем продал — с изрядной для себя выгодой. Он умел не только писать стихи...

«По улицам слона водили...»

Дом № 66, одной стороной выходящий на Фонтанку, с другого фасада ограничивается Караванной улицей. Название ее восходит к XVIII веку: тогда, в годы царствования Анны Иоанновны, неподалеку отсюда находился Слоновый двор. Там обитали слоны, подаренные персидским шахом российскому двору, а с ними жили и погонщики, прозававшие свои постройки Караван-сараем. Вначале слон был один; а так как петербуржцы видели столь диковинное животное лишь во второй раз (первый слон был прислан из Персии Петру Великому), то во время прогулок вокруг него собирались обыватели, солдаты гвардейских полков. Они потешались над слоном, бранились и даже бросали в животное и его проводника палки и камни.

Интересны привычки слона, проявившиеся во время его пребывания в Петербурге. Он не только ел сахарный тростник, пшено, муку, сахар, но и немало пил, а точнее «выпивал»: в год ему причиталось 340 ведер виноградного вина и 60 ведер водки. Вкус у слона был изысканный: однажды слоновщик сообщил в донесении, что «к неудовольствию слона водка неудобна, понеже явилась с пригарью и некрепка». Правда, до сих пор не выяснено, кто употреблял упомянутые напитки в большем количестве: сам слон или три приставленные к нему служителя...

Сделаем по Караванной несколько шагов — трудно удержаться от того, чтобы не рассказать об одном из примечательных мест этой улицы. Далеко идти не придется: уже дом № 26, второй от Невского, и есть наша цель.

Когда-то, еще в пушкинские времена, здесь стоял небольшой дом, в котором жил граф Карл Васильевич Нессельроде, немец по происхождению, управлявший Иностранным ведомством России. Некоторое время он делил свой пост с греком Иоанном Каподистрией, но тот своей независимостью сильно подорвал царское доверие к себе. Нессельроде же был осторожен. В одном из писем он сообщал: «Каподистрия сам вызвал перемену настойчивостью и неосторожностью, с которыми он выражал мнения, по совести, ошибочные». Речь шла о выступлениях грека на одном из конгрессов Священного союза.

Сюда, в дом у Невского, принадлежавший графине Гурьевой, к Нессельроде являлись иностранные дипломаты, прибывавшие в Петербург. А в 1824 году здесь собралась дипломатическая конференция России и Северо-Американских Соединенных Штатов. Результатом ее стало определение границы между странами на севере американского континента — иными словами, границы Аляски. Увы, граница эта действовала только сорок лет: уже в 1867 году царское правительство продало Аляску Америке.

Нессельроде к этому времени уже не было во главе российской дипломатии. Он руководил ею до 1856 года, причем долгое время числился вице-канцлером — исключительно высокий пост! И, как подытоживали его жизнь современники, «заслужил имя искусного дипломата».

Доносы и разносы

Дом № 64 по Невскому богат литературным и особенно журналистским прошлым. В 1820-е годы, еще до того, как дом приобрел свой нынешний вид, здесь жил широко известный Александр Федорович Воейков, ре-

дактор «Русского инвалида», а уже в начале советских лет находилась тут горьковская газета «Новая жизнь», отличавшаяся неистовой резкостью борьбы с большевиками.

Воейков был одним из самых заметных деятелей пушкинского периода русской литературы и журналистики. Это был умный, желчный и язвительный человек, абсолютно без принципов.

«Хромоногое и как бы искалеченное, полуразрушенное существо, с повадкой старинного подъячего, желтым, припухлым лицом и недобрым взглядом», — в этой характеристике Воейкова, сделанной И. С. Тургеневым, видна тень презрения. И не случайно. Служба Воейкова в Дерптском университете прервалась из-за того, что новый попечитель университета поданные ему Воейковым доносы на сослуживцев раздал героям этих донесений. «Я писал не доносы, — оправдывался Воейков в письме Жуковскому, — а благонамеренные советы».

Брак (как писали современники, «совсем необъяснимый») с племянницей Жуковского, воспетой Василием Андреевичем в балладе «Светлана», изрядно помог карьере Воейкова. Жену его многие уважали и любили и ради нее помогали предприятиям мужа. Сам же Воейков обращался с женой чрезвычайно грубо, закатывал ей истерические скандалы. Более того, слишком часто бывал пьян...

Когда жена Воейкова умерла, отчуждение вокруг него возросло многократно. Его уважали на правах «ветерана словесности», сотрудничали в его изданиях, но относились, как правило, с недоверием. Многие опасались, что желчный Воейков напишет на них злобную и острую эпиграмму в своей знаменитой поэме «Дом сумасшедших», куда он включил описания множества литераторов. «Корсар», «разбойник», «вампиры» — вот лишь некоторые из эпиграмматических прозвищ Воейкова...

Добавим лишь, что Жуковский некоторое время жил в этом же доме на Невском, соседствуя с Воейковыми.

Смерть Воейкова стала «лакмусовой бумажкой» всей жизни этого человека. Иван Иванович Панаев так описал ее в своих мемуарах:

«За ним ухаживала в последние минуты какая-то девушка. Он беспрепятственно просил пить, и всякий раз, когда она подносила ему питье, он щипал ее и схватывал за волосы. Чтобы избежать этого, девушка поставила перед ним

стакан на стол и уже не подходила близко к постели... Воейков начал стонать, кряхтеть, охать, жаловаться на свое беспомощное положение, клялся, что не может поворотить ни рукой, ни ногой и слабым, умоляющим голосом обратился к девушке, прося, чтобы она Христа ради поднесла ему стакан к губам... Но лишь только она исполнила его желание, он приподнялся с постели, снова с ожесточением схватил ее за волосы и упал, ослабевший от этого усилия, на постель.

Через четверть часа после этого, он снова и сильнее прежнего начал стонать, охать и звать к себе девушку, говоря, что он умирает...

Она не поверила. Он прохрипел и остался недвижим. В этот раз это было уже не лицемерие, а действительная смерть; но девушка еще долго не решалась подойти к постели умершего, все думая, что Воейков притворяется умирающим...»

...Газета Горького «Новая жизнь», в которой он напечатал свои знаменитые «Несвоевременные мысли», издавалась в этом же доме. Газета немало сделала для развенчивания самозванных спасителей России. Вот только несколько цитат из нее за ноябрь—декабрь 1917 года.

«Ленин вождь..., а потому он считает себя вправе проделывать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу».

«Жизнь, во всей ее сложности, не ведома Ленину, он не знает народной массы, не жил с ней, но он — по книжкам — узнал, чем можно поднять эту массу на дыбы, чем — всего легче — разъярить ее инстинкты. Рабочий класс для Ленина то же, что для металлиста руда... Чем рискует Ленин, если опыт не удастся?»

«И я особенно подозрительно, особенно недоверчиво отношусь к русскому человеку у власти, — недавний раб, он становится самым разнузданным деспотом, как только приобретает возможность быть владыкой ближнего своего».

«Грубость представителей “правительства народных комиссаров” вызывает общие нарекания... Разная мелкая сошка, наслаждаясь властью, относится к гражданину, как к побежденному... Все это творится от имени пролетариата и во имя социальной революции... и все это является торжеством звериного быта».

К чести Ленина нужно сказать, что после всех уничтожающих характеристик он «всего лишь» закрыл горьковскую газету, но самого Горького не тронул. И более того — предоставил ему возможность стать влиятельной фигурой в культурном мире большевистской России. Такое положение помогло Горькому хлопотать за других, вести активную издательскую деятельность. И опять: в этом же доме на Невском, 64 было открыто знаменитое издательство «Всемирная литература», основанное при участии Горького и дававшее в голодные годы работу множеству прекрасных русских писателей и переводчиков.

Из жизни денежных мешков

А следующий дом по Невскому, под номером 62, связан в прошлом (да и сейчас) с деньгами — большими деньгами. Прежде на месте этого каменного строения стоял небольшой особняк, в котором жил внучатый племянник князя Потемкина-Таврического — тоже Потемкин, но граф. Этот богач был в пушкинское время одним из самых горячих театралов обеих столиц и участвовал во всевозможных проделках и проказах светской молодежи. Московское житие графа закончилось тем, что после одного театрального скандала его посадили на «съезжую», куда он приказал перенести всю свою роскошную обстановку и где задавал пиры. Но как только его освободили из-под стражи, Потемкин навсегда покинул Москву и переехал в Петербург. Память о хлебосольстве графа надолго сохранилась в столице. Он и здесь остался страстным поклонником театра; еще в середине прошлого века его каждый день видели в первом ряду кресел Александринского театра. Ходить в театр было ему недалеко: Александринка стояла почти напротив графского дома, через Невский проспект.

К концу прошлого века граф Потемкин уже умер; дом его был перекуплен, а в самом конце столетия перестроен для банка. После некоторых перемен и банковских слияний здесь поселился Русско-Азиатский банк — крупнейший в дореволюционной России. Оборот его составлял накануне первой мировой войны почти 60 миллиардов рублей. По всей

стране банк имел больше ста филиалов. Вскоре после прихода большевиков к власти он был национализирован. Банк здесь и сейчас — но другой...

Предприимчивые супруги

За сквером Аничкова дворца открывается панорама «площади Островского» — или, по прежнему, Екатерининского сквера. В глубине его стоит Александринский театр, в центре сквера — памятник Екатерине II, а справа — здание Публичной библиотеки. В сквере можно присесть и отдохнуть, пока мы будем вспоминать прошлое окружающих нас зданий и мест. Сейчас в сквере, по счастью, нет прежней «выставки продажной красоты» (так изящно намекали в начале нашего века на контингент постоянных посетительниц сквера), и вряд ли что-то помешает нам углубиться в историю.

Начнем наши воспоминания с 1845 года...

«В тусклый туманный октябрьский день 1845 года к скверу подъехала маленькая избушка на колесах, и из нее выскочила не старая-престарая баба-яга, а хорошенькая молодая голландка в национальном костюме. На избушке, которая остановилась посреди сквера, было написано большими буквами: “Голландские вафли”, и молоденькая голландка стала печь эти вафли и предлагала их “скушать”, приветливо улыбаясь. Эта затея пришлась по вкусу петербуржцам и хорошенькая голландка Софья Тер-Реген, уроженка города Граннинген в Голландии, торговала очень бойко, так что, по словам газеты того времени, с утра до вечера перед фургоном стояли экипажи, а в домик было трудно пробраться. В декабре того же года Софья Тер-Реген поместила в “Полицейских ведомостях” такие строки: “Принося искреннейшую благодарность за внимание, которым меня удостоили высокоуважаемые многие жители сей столицы, имею честь уведомить почтенную публику, что я принимаю на себя изготовление вафлей по заказу и в домах с моим на сие особо устроенным аппаратом и я уверена, что мои вафли во всех отношениях заслужат то лестное одобрение, которого они удостоены были во всех посещаемых мною столицах”».

Так пишет историк Петр Николаевич Столпянский. Он редко ошибается, но здесь не точен в одной детали: Софья Тер-Реген вовсе не была хороша собой. Хотя важно ли это?

Успешная торговля в сквере у Невского дала предприимчивой Софье стартовый капитал. И уже через несколько лет, как только был выстроен на Невском роскошный Пассаж, Софья перебралась туда. Там ее специальностью стали вдруг «кабинеты восковых фигур», разные выписанные из-за границы «Голиафы» и другие диковины.

Но и в Пассаже Софья не задержалась долго. Юлиус Гебгардт, представлявшийся доктором зоологии, а на самом деле — антрепренер и предприниматель, покорила ее сердце. Карьера Гебгардта до встречи с молодой голландкой была блистательна. Прославился он в России в качестве антрепренера знаменитой Юлии Пастраны — бородатой женщины и, при этом, танцовщицы. Лицо Юлии, сплошь поросшее густой шерстью, сильно напоминало обезьянье, и охочая до диковин публика с радостью созерцала это чудо природы. Роли «вожатого» бородатой дамы показалось, видимо, Гебгардту мало: он — вряд ли под влиянием чувств, скорее по расчету — стал ее любовником. На беду, при родах Юлия умерла, а расстроенный Юлиус отдал ее тело (и тело мертворожденного своего ребенка) в один из московских музеев.

Неудача его не сломила. Одно время он был главой детского кукольного театра в Петербурге — первого специализированного театра для детей в нашей стране. А сочетавшись браком с Софьей Тер-Реген, Гебгардт снова отдался былой страсти к чудесам природы.

У Софьи уже был к тому времени маленький зверинец, но Гебгардт решил поставить дело на широкую ногу и открыть в столице России большой зоопарк. Деньги нашлись, у Невы был огорожен участок земли, и дело пошло вперед. Особенно полезной была помощь одного из великих князей, который, по слухам, состоял с Софьей в любовной связи. Имени его историки не называют, но в грехе можно заподозрить Александра Михайловича — ведь именно он подарил новому зоопарку леопарда и двух корейских пони... Кто бы ни был благодетель Софьи Гебгардт, помощь его сказалась и в том, что участок для зоопарка был выделен ей бесплатно. Немалая льгота!

В 1865 году заведение открылось. Нынешний петербургский зоопарк ведет родословную именно с тех давних времен.

Юлия Пастрана

(Из журнала «Русский художественный листок», 1852).

Прославился Гебгардт в России в качестве антрепренера знаменитой Юлии Пастраны — бородатой женщины и, при этом, танцовщицы. Лицо Юлии, сплошь поросшее густой шерстью, сильно напоминало обезьянье, и охочая до диковин публика с радостью созерцала это чудо природы. Роли «вожатого» бородатой дамы показалось, видимо, Гебгардту мало...

Увы, Гебгардтам слишком мало довелось наслаждаться обществом друг друга. Через шесть лет после открытия зоопарка Юлиус подхватил холеру и умер... Неутомимая, уже 60-летняя вдова недолго оставалась неутешной. Брак с сыном немецкого каретника Эрнестом Ростом вернул ей покой, и до самой кончины она в согласии с мужем управляла своим детищем. Здесь жители столицы впервые увидели жирафа, орангутана, африканского слона и муравьеда...

Императорская драма

Александринский театр... За 160 лет жизнь его изобиловала самыми разнообразными эпизодами — скандалами и шумными успехами, феноменальными актерскими достижениями и провалами. Рассказать историю этого театра даже вкратце невозможно, и напомним лишь, что его планировал и строил великий зодчий Карл Росси — автор всей планировки площади вокруг театра. Увы, замысел Росси не устоял перед натиском времени: при нем театр стоял в центре пустой площади, окруженный созвучными ему по архитектуре строениями. Позже здесь появились сквер и памятник, а здания в «русском» стиле в глубине площади вовсе имеют далекое отношение к первоначальному проекту. Что осталось от него? Театр, здание Публичной библиотеки, Театральная улица за театром, да два небольших павильона у сада Аничкова дворца, которые так и принято называть — павильонами Росси.

Когда Росси уже выстроил театр, между ним и театральной дирекцией произошла ссора. Накануне открытия Александринки дирекция сообщила архитектору о своем решении предоставить ему «безденежное кресло». Росси взвился:

— Как? Архитектору Модюи за возобновление Большого театра дали ложу, а мне — только кресло?! Не нужно мне кресла!

Об отказе доложили царю, который разрешил предоставить и Росси персональную ложу во втором ярусе театра «по смерти его»... Через много лет, когда зодчий постарел и нуждался в деньгах, он обратился к дирекции театров с просьбой: взамен ложи выдать ему некоторую сумму. Дирек-

ция отказалась пойти навстречу. Тогда Росси стал сам (через посредника) продавать места в своей ложе. Это заметили, и зодчего предупредили, что ложу у него могут отобрать...

Но обратимся к собственно театральной жизни и расскажем два примечательных эпизода из нее, запечатленных верным хронописцем Александринки Александром Вольфом. Надо сказать, что вообще-то в прошлом столетии императорский драматический театр — а именно он размещался в Александринке — не был слишком популярен в светских кругах. Рафинированная публика предпочитала оперу и французскую драму. Но все же иногда случались даже «высочайшие посещения» русской труппы.

Однажды актеров навестил император Николай Павлович. Лицезрев пьесу «Дочь второго полка» Доницетти, он за кулисами высказал комплимент тогдашней прима театра Надежде Самойловой. Та сделала глубокий реверанс. Дальше излагает Вольф:

«Государь изволил сказать: “Как вы это ловко делаете”. Причем сам сделал реверанс, и затем спросил: “Ну, а ниже этого нельзя?”»

Надежда Васильевна сделала реверанс еще ниже.

Его Величество сделал так же и опять спросил: “Ну а ниже этого, вероятно, нельзя?”»

Надежда Васильевна сделала реверанс еще ниже.

Государь засмеялся и сказал: “Нет, уж извините, я так не сумею”».

Таковыми «историческими анекдотами» воспитывали любовь к монарху и демонстрировали, как он прост в общении. Вот и еще анекдот «от Вольфа» — он связан с тем же императором Николаем и с замечательным, крупнейшим артистом Александринки Александром Мартыновым.

«Покойный Государь, — повествует Вольф, — любил Мартынова и заставлял его иногда представлять кого-нибудь из известных лиц. Один раз Государь потребовал, чтобы Александр Евстафьевич Его самого представил. Тот долго отнекивался, но наконец принял обычную позу Государя, заложил большой палец правой руки за нижнюю пуговицу и громким голосом сказал стоявшему тут Министру Двора: “Волконский, дать Мартынову тысячу рублей из Кабинета за его ревностно-усердную службу”. Эффект вышел поразительный! Все присутствующие переглянулись, не зная, как Государь примет эту выходку, но Его Величество рассмеялся

Александр Мартынов.

«...Государь любил Мартынова и заставлял его иногда представлять кого-нибудь из известных лиц. Один раз Государь потребовал, чтобы Александр Евстафьевич Его самого представил. Тот долго отнекивался, но наконец принял обычную позу... и громким голосом сказал стоявшему тут Министру Двора: "Волконский, дать Мартынову тысячу рублей из Кабинета за его ревностно-усердную службу"...»

Надежда Самойлова.

Однажды актеров навестил император Николай Павлович. Лицезрев пьесу «Дочь второго полка» Доницетти, он за кулисами высказал комплимент тогдашней прима театра Надежде Самойловой. Та сделала глубокий реверанс... Государь изволил сказать: «Как вы это ловко делаете». Причем сам сделал реверанс, и затем спросил: «Ну, а ниже этого нельзя?» Надежда Васильевна сделала реверанс еще ниже...

и, обращаясь к князю Волконскому, изволил сказать: “Исполнить в точности мое приказание, переданное тебе Мартыновым”». Забавно, что в точности такой же анекдот приписывали другому корифею Александринского театра — Василию Каратыгину...

Отец России

Раз уже мы вспомнили исторические анекдоты из жизни Николая Павловича, то расскажем и другие, с театром не связанные. Тем более что этот император удостоился почему-то небывалого числа анекдотов и легенд, в чем превзошел и Петра Первого.

«Прогуливаясь раз по Невскому, император встречает студента, одетого не по форме и возвращавшегося, как оказалось потом, с попойки. Шинель он накинул на плечи, шляпу ухарски сдвинул на затылок... Заметив столь неприятные ему признаки неряшливости, суровый государь остановил студента с вопросом:

— На кого ты похож?!

Студент же, с перепоею не поняв сделанного ему вопроса, ответил робко:

— На маменьку!»

Другая история:

«На одной из гауптвахт Петербурга содержались за проступки два офицера: гвардеец и моряк. Первый из них, договорившись с караулом (где был его приятель), сбежал на несколько часов домой, а моряк остался в заключении. Недовольный и обиженный, он сделал донос об отпуске арестанта. Гвардейца и его приятеля предали военному суду, который приговорил их к разжалованию в солдаты. Но император Николай наложил на решение такую резолюцию: «Гвардейских офицеров перевести в армию, а морскому за донос дать в награду третнее жалование, с прописанием в формуляре, за что именно он эту награду получил».

Исторические анекдоты призваны были показывать отеческую суровость и милосердие монарха. Еще пример: перед самой императорской каретой Невский перебегает какой-то человек; его задерживают; оказывается, что он спешит к

жене, трудно рожавшей; царь прощает и ободряет его. Вывод рассказчика: «этот случай был началом счастья для новорожденного и всей его семьи». Таких историй рассказывалось множество.

Вот еще одна — в нашем рассказе последняя.

«Государь посещал один из полков гвардии. На фланге стоял кадет головой выше императора. Николай Павлович обратил на него внимание.

— Как твоя фамилия? — спросил он у молодца.

— Романов, Ваше Величество.

— Никак, родственник мне, — изволил пошутить государь.

— Точно так, Ваше Величество, — отрапортовал гвардеец.

— И в какой же степени? — император пристально взглянул на отвечающего.

— Ваше Величество — отец России, а я — сын ея!

Император, в умилении, изволил милостиво расцеловать своего «внука»...»

«Дело» богослова Пихлера

Публичная библиотека, корпуса которой тянутся вдоль Екатерининского сквера, известна во всем мире. Здесь хранится самое полное в мире собрание русских книг, а по общим размерам своих фондов библиотека делит пятое-шестое места в мире. В России крупнее ее только находящаяся в Москве бывшая Ленинская библиотека.

Публичке уже исполнилось двести лет. В ней бывали и служили выдающиеся люди, в числе которых — знаменитый Иван Андреевич Крылов. Он трудился в библиотеке почти тридцать лет: с 1812-го по 1841-й, и занимал довольно высокий пост заведующего русским отделом. Жил баснописец в одном из домов библиотеки — с обратной стороны главного здания, на Садовой улице. Нрав и характер Крылова были предметом анекдотических рассказов, куда более ярких, чем анекдоты из императорской жизни. Крылов сам давал к этому немало поводов и сам рассказывал о себе байки.

Благодаря этим рассказам оказалась увековечена картина, висевшая в квартире Крылова аккуратно над диваном. Она была повешена всего на один гвоздь и рисковала упасть кому-нибудь на голову — вероятнее всего, самому Крылову. Но когда ему указывали на эту опасность, Крылов отговаривался: он-де рассчитал траекторию падения картины, и она обязательно опишет дугу и упадет мимо его головы.

Осмеивались в обществе манеры Ивана Андреевича. Еще в молодости, живя у Летнего сада, он сподобился как-то играть на скрипке у раскрытого к саду окна. Сам же при этом был то ли в одной рубашке, то ли вовсе голый. Наконец из сада пришел полицейский, который заявил, что из-за Крылова «дамам в этой части сада гулять невозможно!», и упрямил будущего баснописца закрыть окно. В другой раз, уже куда позже, будучи представлен императрице, Крылов вознамерился поцеловать августейшей особе ручку — и чихнул на нее.

А уж об обжорстве Крылова и говорить нечего! Он и умер от его последствий, потому что ел весьма неумеренно и при любой возможности...

Для библиотеки, однако, Крылов сделал немало полезного: некоторые крыловские идеи используются до сих пор.

...Проблема для любой библиотеки — обеспечить сохранность книг. Для Публички, разумеется, тоже. Еще в прошлом веке, в 1871 году, на шумела история доктора Алоизия Пихлера.

События начинались таинственно. С полок библиотеки стали пропадать книги, причем их недосчитывались неожиданно и помногу. В один «прекрасный» день библиотекарь читального зала, отправившись к одной из полок за томом Вольтера, обнаружил, что все 70 томов вольтеровского собрания отсутствуют.

Версии выдвигались разные. Ходили даже слухи о привидениях, таскающих книги, ибо масштабы пропаж были велики, и обнаруживались все новые недостатки. Трудно было поверить в то, чтобы кто-то из читателей мог в таких количествах выносить бесценные издания. Привидения, впрочем, решили не брать в расчет: оставалось искать «книголюба» среди сотрудников.

Заведовавший читальным залом Василий Иванович Соболевыч (он, кстати, основал в Публичке отдел «Россики»

— иностранных сочинений и изданий о России, — и он же составил проект нового читального зала библиотеки, сооруженного в 1860—1862 годах) был проницательным человеком. Подозрения его сразу обратились на одного из сотрудников библиотеки, служившего в ней всего два года и отличавшегося странностями в поведении. Это был 38-летний доктор богословия, капеллан и приват-доцент Мюнхенского университета Алоизий Пихлер.

«Человек выше среднего роста, брюнет, с симпатичной наружностью... держит себя развязно, объясняется чрезвычайно пространно, по временам входит в пафос», — такой портрет Пихлера оставил один из современников.

Доктор Пихлер происходил из чрезвычайно бедной семьи, однако выдающиеся способности позволили ему достичь немалых успехов в богословии и высокого положения по службе. Интересно, что когда он, окончив гимназию в своем родном городке, пошел поступать в Мюнхенский университет, то не имел даже денег на дорогу и просил по пути милостыню.

В Россию Алоизий Пихлер прибыл по приглашению правительства летом 1869 года и сразу был хорошо принят в светском обществе Петербурга. Он имел успех. Благодаря этому получил протекцию при назначении в Публичную библиотеку, где ему было предоставлено сверхштатное место старшего библиотекаря по отделению богословия с жалованием в 3000 рублей и, что особенно важно, с правом бесконтрольного пользования книгами.

Служба Пихлера началась; сослуживцы, по крайней мере часть их, говорили о нем в превосходных степенях. Директор библиотеки тайный советник граф И. Д. Делянов уверял, что верит Пихлеру, как самому себе. Да и как было не верить ученому богослову, с блеском окончившему университетский курс и успевшему написать несколько европейски знаменитых сочинений?! К тому же Пихлер выполнял некоторые тайные поручения Министерства внутренних дел России, так что беспокоить его не следовало. Почтение к Пихлеру выразилось и в том, что за свои труды он был пожалован российским орденом Святого Станислава 2-й степени.

Но уже с августа 1869 года в поведении доктора Алоизия стали замечаться странности. Он входил в залы в пальто и калошах, жалуясь при этом на холод; по несколько раз

Иван Андреевич Крылов.

Он трудился в библиотеке почти тридцать лет: с 1812-го по 1841-й, и занимал довольно высокий пост заведующего русским отделом. Жил баснописец в одном из домов библиотеки — с обратной стороны главного здания, на Садовой улице. Нрав и характер Крылова были предметом анекдотических рассказов, куда более ярких, чем анекдоты из императорской жизни. Крылов сам давал к этому немало поводов и сам рассказывал о себе байки.

за день отправлялся домой и возвращался обратно; книги не читал внимательно, а только просматривал. Коллеги поначалу «списывали» это на счет его творческой отрешенности от мира сего. Когда стали обнаруживаться пропажи, Пихлер был вне подозрений; он даже принял активное участие в поиске вора, называя возможные кандидатуры и презрительно утверждая, что «такое» может случиться только в России, где «книги можно вынести, как дрова». Сам, кстати, русского языка не знал.

Один только Собольчиков предположил, что именно Пихлер замешан в краже. Его, однако, не слушали; директор Делянов, когда узнал о подобных подозрениях, рассердился и заявил, что не допустит скандала: подозревать и обыскивать ученого с европейским именем!

Собольчиков отступил. Книги продолжали пропадать. Выручил случай.

Неожиданно прорвало трубу водопровода, вода залила подвал, в котором находились квартиры сторожей, и тех временно перевели в канцелярию. В связи с этим библиотекари стали ходить не через черный ход с Садовой, а по парадной лестнице мимо швейцара.

Неутомимый Собольчиков поручил швейцару следить за Пихлером. Когда богослов выходил из библиотеки, швейцар бросился к нему со щеткой, выражая почтительное желание почистить ученому слегка запылившийся сюртук. Пихлер уворачивался, швейцар не отставал. Ему удалось таки провести своей щеткой по одежде Пихлера один-другой раз, и этого хватило: рука нащупала под одеждой спрятанный в особом мешке фолиант. Богослова вежливо задержали и предложили «распаковаться»; в мешке, хитроумно устроенном специально для выноса книг, оказался средневековый, в переплете из свиной кожи, том сочинений святого Амвросия.

Даже тут Пихлер не смутился. Он принялся уверять, что спрятал книгу только из-за подозрительности сторожей, мешавших выносить нужные ему для работы книги обычным путем. Число вынесенных им томов он определил в пять-шесть, изъявив готовность завтра же вернуть их в библиотеку.

Пихлеру не поверили; к нему на квартиру в доме Финской церкви на Большой Конюшенной отправилась целая де-

легация. Квартира состояла из многих комнат; но жил он, однако, только в одной. В ней, действительно, лежали пять-шесть книг. Но когда открыли другие — «пустующие», — там обнаружили целый склад книг, вырванных и вынутых гравюр, вырезок. Общее число найденных томов составило, судя по описи, 4478, а гравюр — 427.

Все это произошло 3 марта 1871 года; на следующий день Пихлер написал покаянное письмо директору библиотеки, признавшись в хищении книг.

Библиотекари тем временем приступили к возвращению в Публичку украденных сокровищ. Для этого потребовалось семь огромных возов! Пихлер крал со знанием дела, отбирая наиболее ценные книги и эстампы — стоимость похищенного составила несколько тысяч рублей серебром. Часть книг была уже упакована в ящики для отправки в Баварию, куда Пихлер собирался вернуться после успешного завершения своей петербургской «карьеры». На многих книгах экслибрис Публичной библиотеки был вытравлен и заменен на другой: «Ex biblioteca Pichleriana» («Из библиотеки Пихлера»).

Убедившись в неизбежности суда, Пихлер решил бежать за границу. Попытка не удалась: 10 марта он был арестован на Варшавском вокзале. 16 марта Пихлера уволили из библиотеки, 24 июня состоялся суд. Хотя доктора Алоизия защищал видный адвокат К. К. Арсеньев, пытавшийся доказать, что его подзащитный болен kleptomanieй и потому должен быть оправдан (речь Арсеньева длилась два с половиной часа), все же вор был осужден. Пихлера приговорили к ссылке в Сибирь и взысканию 1703 рублей за поврежденные переплеты.

Однако полностью отбыть наказание в России ему не пришлось. По просьбе баварского правительства он был помилован и выслан на родину.

Но в Мюнхене кара настигла его. Скандальное происшествие не могло не отразиться на карьере богослова; университет был для него закрыт. Судя по некоторым мемуарам, он умер в нищете.

А последний акт драмы вокруг хищений в Публичке состоялся все-таки не в Мюнхене, а в Петербурге. Василий Иванович Собольчиков, на здоровье которого злоключения с немецким богословом отразились самым пагубным образом, скончался уже через год после разоблачения вора, в октябре 1872 года. Ему было шестьдесят четыре года.

Точно напротив Александринского театра стоит высокое здание (Невский, 56), отделанное гранитом и стеклом. Это — Елисеевский магазин, бывший торговый дом купцов Елисеевых. Первый свой магазин основатель династии Петр Елисеев открыл еще в 1813 году на Невском, 18: там продавали «иностранные вина и колониальные товары». А о размахе деятельности его наследников говорит то, что на празднование векового юбилея фирмы было отпущено в 1913 году 100 тысяч рублей. Огромные деньги по тому времени!

Елисеевы имели в Петербурге несколько магазинов. Самый большой из них — на Невском, 56 — специализировался на винно-гастрономических товарах. Он поместился в специально для него построенном доме, завершенном к 90-летию фирмы. Облик здания вызвал тогда массу возмущенных высказываний; дом именовали «кондитерским пирогом» или «тортом». Основания для этого были: соперничество с Александринским театром елисеевский дом явно проигрывает...

Прежде, до постройки этого роскошного здания и перестройки соседнего, здесь стоял обычный четырехэтажный дом, типичный для рядовой застройки Невского. Он оказался связан с одной из необыкновенных страниц истории партии «Народная воля».

Известно, что народовольцы неоднократно пытались убить царя. Однако попытки не удавались одна за другой; динамит не взрывался, царь менял маршруты. Наконец, изучив путь императора Александра по городу, террористы решили действовать наверняка и для этого устроить подкоп.

Как его сделать? Из всех улиц столицы, по которым ехал царь, надо было выбрать самую узкую: здесь легче было докопаться до проезжей части. Искали и «базовый лагерь» — место, откуда подземный ход мог начинаться. После поисков остановились на Малой Садовой, на той ее части, где она выходит к Невскому проспекту. Народовольцы сняли на время лавку, находившуюся в полуподвальном этаже дома Менгдена, и начали рыть землю.

Наружную стену лавки обшили деревянной панелью, скрывавшей подкоп. Работы вели ночью, по два человека в

смену. Вырытая галерея имела в диаметре меньше метра — столько, чтобы можно было пролезть и заложить взрывчатку. Днем владельцы лавки «Кобозевы» (ими были народо-вольцы Богданович и Якимова) торговали сыром, но делали это так неумело, что соседи и пристав заподозрили неладное. Как-то в лавку зашел полицейский генерал и провел обыск, но сделал это поверхностно и ничего не отыскал.

Подкоп, однако, не пригодился. В день покушения император изменил свой маршрут и через Малую Садовую не поехал. Но это его не спасло: на набережной Екатерининского канала его поджидали бомбометатели... Александр II был убит.

Читатель, должно быть, помнит: убийством императора руководила Софья Перовская. Несколько дней после взрыва на Екатерининском она скрывалась от властей; по всей столице ее разыскивал околоточный надзиратель в сопровождении знавшей Перовскую лавочницы (у нее революционерка делала покупки). Наконец, 10 марта около пяти часов вечера сыщики столкнулись с ней как раз напротив лавки «Кобозевых», у Екатерининского сквера. Перовская была арестована.

Дочь Италии, любимица Петербурга

«З а несколько минут до начала агонии по Невскому прогремел пожарный обоз. Все отпрянули к квадратным запотевшим окнам, и Анджиолину Бозио — уроженку Пьемонта, дочь бедного странствующего комедианта — *basso comico*, — предоставили на мгновение самой себе.

Воинственные фиоритуры петушиных пожарных рожков, как неслыханное брио безоговорочного побеждающего несчастья, ворвались в плохо проветренную спальню демидовского дома. Битюги с бочками, линейками и лестницами отгрохотали, и полымя факелов лизнуло зеркала. Но в потускневшем сознании умирающей певицы этот ворох горячего казенного шума, эта бешеная скачка в бараньих тулупах и касках, эта охапка арестованных и увозимых под конвоем звуков обернулась призывом оркестровой увертюры. В ее маленьких некрасивых ушах явственно прозвучали пос-

ледние такты увертюры к «Duo Foscari», ее дебютной лондонской оперы...

Она приподнялась и пропела то, что нужно, но не тем сладостным металлическим, гибким голосом, который сделал ей славу и который хвалили газеты, а грудным необработанным тембром пятнадцатилетней девочки-подростка, с неправильной неэкономной подачей звука, за которую ее так бранил профессор Каттанео.

Прощай, Травиата, Розина, Церлина...»

Такой отрывок из так и не дописанной исторической повести «Смерть Бозио» Осип Мандельштам включил в повесть «Египетская марка». Увы, других следов этого его замысла не сохранилось...

Анджелине (у Мандельштама — Анджиолине) Бозио довелось выступать в России всего четыре сезона. Своим нежнейшим сопрано и изящной внешностью певица покорила петербургскую публику, а Виолетту в «Травиате» она исполнила так, как, по общему мнению, до нее в столице никто не исполнял. Успех был ошеломителен. Бозио поразила и благородством своих манер: не только на сцене, но и в жизни. С Бозио считали за честь дружить дамы общества.

Но случайная весенняя поездка в Москву, холодный прием тамошней публики, простуда на обратном пути — и развязка оказалась неожиданно скорой. 13 апреля 1859 года 29-летняя певица скончалась в своей квартире в доме № 54 по Невскому проспекту.

Горе ее поклонников было велико. Они пристально следили за течением болезни певицы; почти все газеты печатали бюллетени о состоянии ее здоровья. Увы, лечение не помогло. Квартиру умирающей завалили цветами. Когда гроб с телом Бозио выносили из дома в костел святой Екатерины на Невском, 30-32, сопровождать его собралась огромная толпа. Полиция, испугавшись такого сборища, приняла в день похорон Бозио особенные предосторожности: церковь была оцеплена, а траурную колесницу сопровождал до кладбища эскадрон жандармов, подкрепленный несколькими взводами городских. Публики собралось много, но беспорядков не произошло.

Интересную подробность сообщает летописец петербургских театров Александр Иванович Вольф:

«На могиле Бозио сооружен был вскоре великолепный мраморный памятник иждивением одного престарелого

князя, страстно влюбленного в артистку, разумеется платонически. Потеря любимой женщины окончательно помрачила разум старца и он, подобно Навуходоносору, вообразил себя превращенным в животное, ползал на четвереньках и не хотел есть иначе, как из корыта; он не долго пережил предмет своей последней любви».

Бозио была похоронена на столичном Выборгском католическом кладбище, ныне уже не существующем; в советское время ее надгробие перенесли в Некрополь мастеров искусств в Александро-Невской Лавре.

Добавим немного сведений о доме № 54. Еще в 1841 году здесь открылись меблированные комнаты под названием «Демидовской гостиницы». Содержательница их, подруга архитектора Монферрана Огюстин Шатильон, сдавала комнаты только заезжим артистам. В 1843 году, в первый свой триумфальный приезд в Петербург, в этой артистической гостинице жила Полина Виардо — певица, потрясшая столичных любителей оперы. А 1 ноября того же года здесь в квартире «на самом углу» дома, где жила Виардо, состоялось ее знакомство с молодым русским помещиком и писателем Иваном Тургеневым. Любовь их продолжалась всю жизнь, и Тургенев умер во французском доме Виардо и почти что на ее руках...

«Двенадцать»

Мы дошли до Садовой улицы, одной из самых длинных магистралей города. В отличие от Невского, именовавшегося прежде, как мы говорили уже, «улицей банков», Садовую прозвали «улицей рынков». И это было вполне справедливо: здесь находились крупнейшие рынки и торговые центры столицы. Один из них — и поныне крупнейший универмаг города «Большой Гостиный двор». Он находится на углу Садовой и Невского и занимает вдоль нашего маршрута целый квартал.

Впрочем, оставим пока Гостиный и сделаем несколько шагов вправо по Садовой улице. Жаль пропустить без рассказа дом № 12 по Садовой — второе здание на этой улице, считая от Невского.

Дом № 12 называют часто «домом с четырьмя колоннадами»: на его фасаде, действительно, есть сразу четыре портика с колоннами.

При императрице Елизавете Петровне на месте этого дома находилась Тайная канцелярия — контора, ведавшая политическим сыском. Позже при раскопках здесь обнаружили потайной ход, застенок с разными «пытошными» устройствами и даже скелеты замурованных в стены людей. Жесток был восемнадцатый век!

Второй интересный период истории дома выпал на начало нашего столетия. В залах нынешнего кинотеатра «Молодежный» помещался до революции маленький театр-кабаре «Павильон де Пари». В нем выступали «феноменальная балерина-самородок», «гениальный ребенок мадмуазель Анюта», другие подобные «феномены». А в августе 1915 года на сцену «Павильона» впервые вышел в гриме и костюме Пьеро исполнитель оригинальных «песенок» Александр Вертинский, будущий знаменитый певец и артист.

И позже, вплоть до нэповских лет, в доме № 12 размещались увеселительные заведения и кафе. Например, театр «Вольная комедия», кинотеатр «Балаганчик», кофейные «Ампир», «Двенадцать»... Кафе «Двенадцать» пользовалось вначале небольшим успехом, но затем вдруг его облюбовали проститутки и — дело пошло! С одиннадцати вечера и до утра жизнь здесь кипела: «дамы» знакомились с клиентами и отправлялись «на места»...

Были в доме № 12 и торговые заведения — но разве они могли конкурировать с лавками знаменитого Гостиного двора? Поэтому выживали в основном увеселительные заведения, куда сходились зачастую те же гостинодворцы и их покупатели.

У Гостиного двора

Гостиных дворов в старом Петербурге было несколько. Но самым знаменитым был именно этот: здесь находились лучшие магазины, здесь торговали знаменитейшие купцы. Сюда сходились петербургские обыватели, все

литературные знаменитости России. И не только литературные...

В один из осенних дней 1799 года публика, собравшаяся около Гостиного, была заинтригована необычным зрелищем. К торговцу, продававшему пирожки с лотка, подошел изящно одетый иностранец. Купив пирожок, он разломил его и — обнаружил внутри золотую монету. Тут же он купил еще пирожок, и чудесная находка повторилась. Иностранец приобрел еще несколько пирожков, и в каждом из них находилось по золотому. Остолбеневший торговец, наконец, отказался продавать свои пирожки и принялся лихорадочно их разламывать. Увы, монет в них не оказалось...

Секрет разъяснился тут же. Галантный иностранец щедро расплатился с торговцем, объяснив публике, что это был всего лишь фокус. И представился: Жан-Жозеф де Вильдаль, кавалер Пинетти, маркиз де Мерси. Профессор и демонстратор физики, член многих академий, кавалер ордена святого Филиппа, приближенный прусского двора. Все эти титулы Пинетти заработал своим блестящим искусством манипулятора и иллюзиониста. Иными словами — фокусника.

Необычный «дебют» Пинетти у Гостиного двора дал прекрасный эффект: слухи об удивительном кавалере распространились по Петербургу. И уже скоро не было отбоя от приглашений посетить частные дома... В рядах поклонников Пинетти оказался и император Павел Петрович, давно уже прослышавший о европейских успехах маэстро.

Для Пинетти Россия была последним шансом обрести успех: перед этим он по ряду причин был вынужден покинуть Францию, а затем и Пруссию. Отчасти его планы сбылись...

Чем восхитил Пинетти публику — так, что петербургские газеты вспоминали о его выступлениях спустя полвека, пересказывая разные легенды? Например, о том, как Пинетти был зван ко двору к семи часам вечера, а явился к восьми. В ответ на недовольство предложил посмотреть на часы. У всех присутствующих часы показали семь. А еще через минуту, после извинений Пинетти, часы стояли на восьми. Что принесло успех?

Стиль работы Пинетти был для его времени новинкой. Он создал образ салонного аристократа, занимающегося фокусами из интереса, — и светская публика принимала его

«за своего». А сами фокусы поражали воображение. Одним пистолетным выстрелом маэстро гасил три свечи и одновременно зажигал три другие. Стрелял в изображение голубя — и на сцену падал настоящий мертвый голубь. Демонстрировал удивительные автоматы: например, механического фазана, который без запинки насвистывал любые мелодии по заказу зрителей.

Когда в 1800 году Пинетти отбывал из Петербурга, говорили, что он умудрился выехать одновременно из пятнадцати городских застав. На обратном пути из Петербурга в Европу он и умер.

...Встречались у Гостиного двора и личности другого рода. Например, в середине прошлого века по линиям Гостиного ходил необычайный персонаж — тощий старик из бывших чиновников, занимавший прежде весьма высокий пост, но получивший отставку из-за каких-то проступков. Казалось бы, что странного в таком старике? Но этот был совсем не такой, как все.

«Он мог по неделям и более ничего не есть, а также употреблял непременно пищу испортившуюся, прокислую и с запахом. Для него купцы нарочно гноили мясо, пироги, которые давали ему, и он все это истреблял у них на глазах; ему нередко предлагали по полусотне протухлых яиц, которые он съедал не поморщась, даже со скорлупой. Этот отставной чиновник до того исхудал от ненормальной пищи, что тело его уподобилось скелету и, казалось, создано было лишь для анатомических занятий. Он попытался воспользоваться этим, как средством для своего существования, и в своем небольшом углу начал за известную плату показывать себя, как живой скелет. Спекуляция удалась гораздо лучше, чем можно было ожидать. Привлечены были не только любопытные купцы, но и доктора приходили исследовать этот живой костяной остов. Спустя несколько лет у него было достаточно средств, чтобы удовлетворить свой голод, но, увы, благословение обратилось ему в проклятие. Чем он больше

На Вербе (Из журнала «Стрекоза», 1889).

С утра до вечера здесь гулял «весь малолетний Петербург, в сопровождении маменек, старших сестер, гувернанток...»

НА ВЕРБЕ.

— Ничего не нашёл для моей Зини?

— Удивляюсь! Если ты ей понравился — значит она не раз борщив!

— Мамочка, дитя гусаря, который к нам ходит — ты его тоже на вербёх купишь?

— Ерёмюха, ты что-то жидкой пучек вербы выбрала.

— А на что же больше? Если кого случится бить — так у тебя кулачки!

— Душа, а на что ты эту вербу себя купишь?

— Чтобы тебя, дурака, пороть: не ходи ко мне и к соседской куфарке.

— Наша, отчего ты на вербах не продаешься?

— ???

— Види ты же свои ноги: ты за грошь продашь другого.

— Чего это барыни удивляются, что мои шары летают? Шары — чей — легкость, а вот, поди какие есть тяжёлые кушны, да и ты легко об вербёх издеваешься.

— Анна Семеновна, я вовсе люблю!
— А за это насъ надо — вербой: кь чужимъ женомъ не подмалкиваться.

ел, тем, конечно, становился жирнее, пока, наконец, не принужден был прекратить свое ремесло и так как в сытые дни он ничего не скопил, то принужден был возвратиться к своему старому ремеслу уличного нищего. На этом поприще и унесла его смерть».

Несчастный едок был не единственным странным обитателем линий Гостиного двора; купцы любили наблюдать такие «чудеса природы» и охотно их прикармливали и приманивали.

...Одной из примет дореволюционного Гостиного был ежегодный весенний праздник Вербы. В эти дни галерея первого этажа и пространство около него заполнялись бесчисленными столиками с игрушками, сладостями, вербами и другими товарами. С утра до вечера здесь гулял «весь малолетний Петербург, в сопровождении маменек, старших сестер, гувернанток...» В советские годы «Верба» переехала от Гостиного двора на Малую Конюшенную улицу, к которой мы еще подойдем.

Сейчас Гостиный Двор — крупнейший универмаг Петербурга. Он состоит из одной длинной сети магазинов, соединенных сквозным проходом почти по всему периметру здания. Раньше было не так: каждый магазин имел свое помещение, отделявшееся от других капитальной стеной. Когда в 1960-х годах на Невской линии ломали одно из таких перекрытий, внизу, под полом, был обнаружен немалый клад: больше полутораста килограммов золота. Спрятали его владельцы бывшего здесь до революции ювелирного магазина...

Напротив Гостиного

Противоположная Гостиному сторона Невского — еще один традиционный центр петербургской торговли. В этом убеждает и огромное количество вывесок и красочных витрин на нынешних фасадах домов; а раньше торговцев здесь было еще больше, и обитали они почти в каждом здании. Но, естественно, торговая жизнь составляет лишь часть биографии этих домов...

Дом № 50 на углу Садовой улицы и Невского. Прежде, до революции, тут находилось «Невское отделение» редак-

ции популярнейшего журнала «Огонек». Он стал прообразом современного «Огонька», воссозданного Михаилом Кольцовым. Огромное количество фотографий, сопровождаемых кратким текстом, произведения наимоднейших литераторов — это обеспечивало «Огоньку» успех.

Этот же дом напоминает о разгуле преступности в Петрограде в 1920-е годы. Здесь в витрине постоянно вывешивались для опознания фотографии убитых людей...

В двадцатые годы преступники, особенно налетчики, чувствовали себя вольготно. В городе пустовали целые дома, в которых устраивались «малины»; на Крестовском острове бандиты устроили даже свою «базу» для обучения стрельбе и пристрелки оружия.

Особенной известностью пользовался тогда Ленька Пантелеев, чья деятельность была окружена легендами. Этот хитрый и жестокий бандит исключительно ловко уходил от преследования. Основной его специализацией считались налеты на квартиры и конторы нэпманов.

На счету у неутомимого налетчика были сотни ограблений и краж. За один только последний месяц своей жизни Пантелеев с двумя своими сообщниками совершил десять убийств, около двадцати уличных грабежей и пятнадцать вооруженных налетов.

В городе были устроены двадцать засад, которые поджидали Пантелеева. Наконец, в феврале 1923 года он попался в одну из них и был застрелен. На следующий же день газеты сообщили эту радостную для горожан новость. Некоторые нэпманы, запуганные пантелеевским террором, требовали даже, чтобы тело Леньки было для всеобщего успокоения выставлено на обозрение. Этого, правда, не сделали, но число налетов в городе с гибелью Пантелеева существенно уменьшилось.

Какой Пассаж!

Единственный из магазинов Невского, который может соперничать с Гостиным двором по размаху торговли — знаменитый «Пассаж» (дом № 48). Он куда моложе Гостиного, хотя и ему уже скоро будет полтора века.

До «Пассажа» здесь стоял двухэтажный дом, связанный с несколькими интересными именами. При императоре Александре Павловиче им владела княгиня Е. Н. Вяземская — «теща дипломатического корпуса», как прозвали ее в свете. Прозвище объяснялось тем, что старая княгиня выдала двух своих дочерей замуж за иностранных посланников — сардинского и датского. От Вяземской дом перешел к внучке ее, графине Влодек, пленившей некогда императора Александра. Влодеки жили здесь недолго, и квартиры дома стали сдаваться внаем.

В конце 1836 года в дом Влодеков въехал новый постоялец. Он превратил свою квартиру в настоящий музей; знакомые вспоминали потом, что «квартира его была наполнена образцами старинного изделия и между ними действительно не имелось ни одной посредственной вещи».

Вместе с хозяином квартиры жил его приемный сын и, как говорили, любовник — «один из самых красивых кавалергардов и наиболее модных людей». В начале 1837 года молодой человек женился, и супруга его поселилась здесь же.

Хозяином квартиры (возможно, читатель уже догадался об этом) был голландский посланник барон Геккерен, его приемным сыном — Жорж Дантес, а супругой Дантеса — сестра Натальи Пушкиной Екатерина Гончарова... История этой семьи многократно описана в книгах и повторять ее не стоит. Напомним лишь, что венчались Дантес и Гончарова совсем неподалеку отсюда — в костеле святой Екатерины, в доме № 30—32 по Невскому.

После истории с дуэлью Дантес был разжалован и покинул Россию. С ним отправилась и новоиспеченная «баронесса Екатерина Николаевна Геккерен, французская подданная»; она умерла за границей через шесть лет. Чуть позже отбыл и старший барон Геккерен. Перед отбытием из квартиры он устроил широкую распродажу имевшихся у него вещей и раритетов. «Дом его превратился в магазин, среди которого он сидел, продавая сам вещи и записывая продажу. Многие воспользовались сим случаем, чтобы сделать ему оскорбления. Например, он сидел на стуле, на котором выставлена была цена; один офицер, подойдя к нему, заплатил ему за стул и взял его из-под него». Говоря проще — выдернул стул из-под барона.

Лет через десять после этой истории дом № 48 на Невском купил богач граф Яков Иванович Эссен-Стенбок-Фер-

мор. Купил не для того, чтобы здесь жить — для того, чтобы построить новый, невиданный в Петербурге магазин.

Открытие состоялось в солнечное майское воскресенье 1848 года. Молебен с водосвятием, музыка сразу двух оркестров — струнного и духового, пение хора московских цыган Ивана Васильева. Не обделили строивших «Пассаж» рабочих: для них на верхней галерее стоял стол с вином, пивом, пирогами и закуской. Длина стола составила аж 130 метров! — так много было рабочих на постройке этого магазина, тогда самого крупного во всей Европе.

Но труды были не напрасны: публика ахнула! Ладно бы только магазины: в конце концов в Гостином дворе напротив их тоже было немало. Но «Пассаж» отличался другим: здесь находились еще и рестораны, и выставки, и свой театр, и всякие другие диковины. Тут пели соловьи и скворцы, в особом помещении обитали два огромных крокодила, в некоем «музее Лента» демонстрировалась девица «без нижней части туловища», здесь же обосновалась знакомая нам Софья Тер-Реген. В «Пассаж» поэтому стекались не только за покупками, но и в жажде развлечений. Шум, смех, «множество пышно разодетых дам легкого поведения в сопровождении кавалеров» — такими были черты старого «Пассажа». В большом ресторане на втором этаже стояли семь бильярдных, посередине зала мерно журчал фонтан, столики блистали мрамором. Стекались сюда студенты, приказчики, отставные офицеры — и зал ресторана, вследствие его общедоступности, был насыщен табачным запахом, испарениями пива и разных вин. Высший свет сюда не заходил.

В начале нашего века популярнейшей среди «пассажевских» ресторанов и кафе слыла подземная кофейная. Тогдашний хроникер писал:

«Под Пассажем, во всю длину его, от Невского до Итальянской, тянется широкий подземный коридор, в котором устроилось популярное в Петербурге кафе. Днем сюда забегают биржевые зайцы выпить на скорую руку стакан кофе, пробежать газету и обменяться сведениями с нужным человеком. Перед вечером кафе пустеет, посещаемое в эту пору дня лишь случайной публикой. Но лишь зажгутся на улице фонари, подземное кафе начинает наполняться. Сюда стекаются “эти дамы” и кавалеры, нуждающиеся в их услугах. И до поздней ночи в подземелье стоит гул голосов, и в облаках табачного дыма и людских испарений носятся заму-

ченные лакеи. Кафе превращается в биржу продажной любви».

Одной из достопримечательностей «Пассажа» всегда считался театр. Здесь бывали Горький и Чехов, здесь работала Комиссаржевская и сотрудничал с ней Мейерхольд, здесь плясала и пела оперетта. Оперетта и пользовалась наибольшей славой. Приехавший однажды в театр «Пассажа» знаменитый Франц Легар удостоился от публики золотой лиры ценою в две тысячи рублей (тогдашних!)... Некоторое время одним из содержателей здешней оперетты состоял знаменитый фабрикант водки Смирнов; он был женат на примадонне Пионтковской...

Сейчас там, где пела оперетта и где работала Комиссаржевская, существует театр имени Комиссаржевской. От остальных же развлечений «Пассажа» не осталось и следа: все заняли магазины.

«Движущаяся фотография» и «застывшая музыка»

А в доме под номером 46, наоборот, в наше время не стало магазинов: их место занято ресторанами. Между тем, одна из находившихся тут лавок вошла в историю: в ней в мае 1896 года открылся первый в нашей стране (временный, устроенный наскоро) кинотеатр. Публика охотно повалила смотреть диковинные «движущиеся фотографии». Первые ленты были просты: прибытие поезда на станцию, игра детей, ссора мужчин, выход рабочих с фабрики Люмьеров — изобретателей кино... Кинематограф недолго оставался в столице единственным; уже скоро открылись десятки подобных заведений. А в начале нашего века начали возводить особые помещения для кинотеатров.

Репертуар старых кинотеатров строился зачастую по одному типу. Документальные киножурналы составляли познавательную часть, а основой программы были мелодрамы — «шедевры синематографии», как именовались они в программках. Например, «художественная картина» под названием «Огненный квадрат» содержала такие сцены: «Ночи безумные, ночи бессонные», «Анатоль не поддается искуше-

нию», «Папа, я умираю, но клянусь, что невиновен»... Владельцы кинематографов красочно рекламировали эти шедевры: «Редко драматические моменты и художественная игра артистов невольно заставляют зрителя с напряженным вниманием следить не отрываясь за всеми моментами». Яснее, как говорится, не бывает.

На заре кинематографа сеансы длились всего 15—20 минут, но публика была в полном восторге. Потом и требования у нее повысились, да и кино шагнуло вперед: в начале нашего столетия посетители высиживали в кинотеатрах по полтора-два часа...

Афоризм о том, что кинематограф — «движущаяся фотография» — лишь одно из высказываний, сближающих разные искусства. Знаменита также фраза, что архитектура — это «застывшая музыка». Мы вспомнили ее не случайно: дом, находившийся в восемнадцатом столетии на месте дома № 46 по Невскому, теснейшим образом связан с одним из величайших мастеров «застывшей музыки».

...Второго августа 1762 года «Санкт-Петербургские ведомости» поместили объявление частного лица: «Граф Растрелли с фамилиею своею едет отсюда на некоторое время в свое отечество; и имеющие до него какое дело, явиться могут в доме его, что на Невской першпективой против Гостиного двора».

Чуть больше месяца прошло со времени печального события в Ропше: императора Петра III убили дюжие гвардейцы, и на престол взошла Екатерина II. Она горестно сожалела о «геморроидальных коликах», якобы сведших ее мужа в могилу.

Новое правление принесло новые порядки. Начальствовать Канцелярией от строений был назначен Иван Иванович Бецкой, а обер-архитектора двора графа Растрелли перевели Бецкому в подчинение. Зодчий взбунтовался: прежде он подавал проекты на утверждение лично императрице Елизавете и рассчитывал в дальнейшем действовать тем же порядком. Почтительнейшее и цветистое его письмо новой императрице содержало просьбу восстановить старый порядок или уволить его в отставку. Отставка последовала немедленно: Бецкой был куда дороже Екатерине, нежели итальянец-архитектор.

Расстроенный Растрелли покинул Петербург, но ненадолго: в следующем году он возвратился, надеясь на пере-

мену участи. Однако, наоборот, был уволен ото всех дел «в рассуждении старости и слабого здоровья». Конечно, особенно здоров Растрелли не был: ведь стукнуло ему уже шестьдесят три года — но все же год назад он руководил гигантской стройкой Зимнего дворца, и здоровья хватало...

Неприязненное отношение молодой императрицы, да и постепенное затухание прославившего Растрелли барокко сильно осложняли его жизнь в России. В судьбе наступил перелом. Правда, до сих пор неизвестно, как в точности прошли последние годы Растрелли и где он умер — в Петербурге, как пишут современные энциклопедии, или в Лугано, как утверждал в прошлом столетии историк П. Н. Петров. Достоверно известно немного: в 1765 году Растрелли покинул Петербург и отправился в Италию. Вернулся ли он, чтобы умереть на русской земле?

Даже если вопрос о месте кончины зодчего-графа не будет окончательно прояснен, одно несомненно: отставка, в которую отправила архитектора Екатерина, обрекла Растрелли на недостойное его гения прозябание. Но обречь на забвение его имя было императрице не под силу.

Продавец алмаза «Орлов»

Армянская церковь стоит в глубине квартала, между домами № 42 и 40. Сейчас она принадлежит петербургской армянской общине. Храм и оба дома при нем обязаны своим возникновением богатейшему банкиру, армянину Ивану Лазареву.

Этот незаурядный человек играл ключевую роль в деле о приобретении Россией знаменитого алмаза «Орлов» — одного из самых крупных в мире. В легендах о появлении этого алмаза у Лазарева переплетены правда и вымысел; утверждали, что Лазарев купил его в Персии, а шах, узнав об этом, принуждал Лазарева продать алмаз ему, на что «Лазарев, сделав разрез в ляжке, спрятал туда бриллиант, и так как бриллиант у него не был найден, то его наконец выпустили на свободу. Он приехал в Петербург, где, по просьбе его, сделали ему операцию». Романтическая история, увы, сочинена. Алмазом владел дядя Ивана Лазарева, Григорий

Сафрас; потом он продал Ивану «половинную часть» бриллианта, и тот стал искать покупателей на диковину. Наконец, такой нашелся: им стал князь Григорий Орлов. Правда, на самом деле оплатил покупку не Орлов: деньги тайно дала императрица. Ей не хотелось приобретать алмаз открыто, ведь тогда остро требовались деньги на разгром Пугачева — и был риск прослыть легкомысленно тратящей средства. Орлов преподнес императрице бриллиант в 1773 году в день ее именин «вместо букета», и с тех пор «Орлов» принадлежит к богатствам российского алмазного фонда... А Лазарев получил от этой сделки 400 тысяч рублей — сумму, несколько меньшую рыночной цены замечательного алмаза. За это императрица пожаловала Лазаревых дворянским званием.

Постройка Армянской церкви и двух при ней домов, принадлежавших Ивану Лазареву, началась в 1770 году, немногим раньше истории с алмазом. После смерти Лазарева по его завещанию дом № 42 был отдан в управление церковному попечительству, а соседнее здание находилось еще до 1904 года во владении наследников Лазарева, после чего тоже, по условиям завещания, отошло церкви.

Тютчев, Батеньков и другие

Мемориальная доска на доме № 42 напоминает, что он — место жительства Федора Ивановича Тютчева: здесь прожил поэт и дипломат восемнадцать лет, здесь пережил величайшее горе своей жизни — смерть любимой им Елены Денисьевой. Ей и ее памяти он посвятил лучшие свои стихи.

А 28 ноября 1866 года — не в этом ли доме?! — Тютчев написал свое знаменитейшее:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

...Задолго до Тютчева, с 1823 года в доме № 42 жил Михаил Михайлович Сперанский, выдающийся государ-

ственный деятель и создатель Полного собрания законов и Свода законов России. Вместе с ним жил здесь Гавриил Степанович Батеньков, давно дружный со Сперанским. Батеньков был членом тайного сообщества будущих декабристов и вел в нем свою игру. Человек скрытный и властолюбивый, он рассчитывал в случае успешного переворота занять видное положение. Но не хотел рисковать в случае провала выступления, и потому в событиях 14 декабря 1825 года участия не принимал, а наоборот — присягнул в этот день на верность императору Николаю Павловичу. Тем временем его товарищи, которых Батеньков к этому выступлению подталкивал, и вышли на Сенатскую...

Казалось бы — неприятная личность! Иное, однако, впечатление оставляет биография Батенькова до участия его в заговоре декабристов. Двадцатый ребенок в семье, он рос нервным и впечатлительным. Когда ему было двадцать, в 1814 году, во время победоносного шествия русской армии по Европе, французы буквально подняли его на штыки. Батеньков чудом остался жив; на его теле насчитали десять или одиннадцать штыковых ранений; была пробита шея. Даже к концу жизни эти раны кровоточили и мучили Батенькова.

Нахождение на волосок от смерти, конечно, добавило странностей в характере Батенькова, обострив его нервную чувствительность. И каково было ему, впечатлительному и не вполне уравновешенному человеку, попасть в тюремную одиночку! И провел он в ней не год, не два — почти двадцать! Тогда как его товарищи по декабристскому заговору отбывали каторжные сроки в Сибири, Батеньков, приговоренный за участие в заговоре к пятнадцатилетней каторге, томился в одиночке Петропавловской крепости...

Двадцать лет без общения с людьми, взаперти, без надежды когда-то выйти из камеры... Он почти разучился говорить, одичал, мысли потеряли связность. Впрочем, насчет его мыслей тюремного времени нет единого мнения. Кто-то считает, что все, что он писал тогда, — типичный бред сумасшедшего, что Батеньков в тюрьме находился в состоянии умопомрачения и в этом причина его столь долгого заключения. Другие не без основания утверждают, что нескладные его мысли обладают какой-то высшей, непонятной нам логикой, и, быть может, когда-то они будут признаны откровением. Просветление и сумасшествие — два состояния, в глазах людей очень похожие: вспомним прорицателей-юро-

дивых. Может быть, таким стал Батеньков во время своего беспримерного заключения?

Случайность помогла ему выйти на свободу. Новое жандармское руководство заинтересовалось узником Петропавловской крепости, о котором все давно забыли. Через некоторое время его отправили в Томск. Здоровье Батенькова оказалось неожиданно крепким: он уже скоро восстановил свои навыки и умения. И постоянно помнил о тех двадцати годах, «которые необходимо должны были очистить душу и освятить», — так он писал в одном из посланий.

Почему же на долю Батенькова выпало такое необычное заключение? Наиболее вероятные версии обсуждаются историками. Скорее всего, Батеньков был все же близок к сумасшествию. Посмертная врачебная экспертиза назвала наиболее вероятный его диагноз: истерический реактивный психоз, продолжавшийся много лет и начавшийся сразу после следствия. Но если так, император проявил к Батенькову почти что милость, ведь обращение с больными в сумасшедших домах (куда могли отправить на лечение Батенькова) было куда хуже тюремного обхождения. А в тюрьме Батеньков сам отказался от общества дежурного офицера, от возможности читать и писать. Лишь иногда он брался за перо и запечатлевал на бумаге странную смесь возвышенной религиозности с мыслями о государстве и о себе...

Неизлечимый

Одна интересная, довольно-таки необычайная жизнь связана одновременно с обеими домами Армянской церкви — № 40 и 42.

Когда престарелый уже Батеньков (напомним: жилец дома № 42) был, наконец, амнистирован, он сблизился с молодым архитектором, руководившим строительством в некоторых усадьбах, принадлежавших родственникам декабристов. Архитектор не был чужд литературе, переводил революционных поэтов и даже помогал Некрасову собирать материалы для его поэм. Были 1850-е годы...

Строительство недолго занимало нашего нового героя, и молодой человек всецело обратился к литературе. И снискал

успех: фельетонами и блестящими пародиями. Успех уже скоро сменился осуждением; Лесков писал, что сочинитель этот «только и делает, что выискивает, чем бы человека обидеть, приписав ему что-либо пошлое».

С 1876 года он становится завсегдатаем «Нового времени» — газеты, контора которой большую часть своей истории находилась в доме № 40 по Невскому. Редактор этой газеты, популярнейший в России журналист Алексей Сергеевич Суворин, постоянно печатал сочинения этого своего сотрудника, хотя и не любил его. Печатал потому, что сочинения эти нравились слишком многим читателям...

Скончался же этот журналист, так оскорблявший своих современников и пугавший их, уже не в Петербурге — в Ленинграде, в августе 1926 года. Было ему, собеседнику Батенькова и свидетелю сталинского «Великого перелома», 85 лет.

Прежде наш герой в представлениях не нуждался, но нынешнему читателю представить его необходимо. Итак: Виктор Петрович Буренин, он же — граф Алексис Жасминов (таким был его язвительный псевдоним). Знаком он нынешнему ценителю литературы разве что по стихотворению Дмитрия Минаева:

Бежит по Невскому собака,
За ней Буренин, тих и мил.
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!

Минаев был не одинок. Дорошевич свой фельетон о Буренине озаглавил куда резче — «Старый палач». Не восторженными были и другие заголовки, посвященные журналисту-пародисту: «Под маской культурности», «Неизлечимый», «Старейший порнограф»...

Чем же разгневал Буренин коллег — ведь остротой статей и пародий удивить кого-нибудь было трудно. Общее мнение выразил не литератор — композитор и давний читатель «Нового времени». «Неприличие тона, сальность и мерзость выражений переходят решительно за границы всякого приличия», — так оценил сочинения Буренина не кто-нибудь, а Петр Ильич Чайковский.

Буренин в своих пародиях и фельетонах «бросался» буквально-таки на всех (в том числе на Чехова, на Леонида Ан-

Идетъ по улицѣ собака... За ней Буренинъ—
тихъ и милъ...
— Городовой! Смотри, однако, чтобъ онъ ее не
укусилъ.

Виктор Буренин *(С открытки начала XX века).*

...молодой человек всецело обратился к литературе. И
снискал успех: фельетонами и блестящими пародиями.
Успех уже скоро сменился осуждением; Лесков писал, что
сочинитель этот «только и делает, что выискивает, чем
бы человека обидеть, приписав ему что-либо пошлое».

дреева, на Бунина, на Горького), и коллеги платили ему ответными чувствами.

Таким был один из постояннейших сотрудников «Нового времени». Уживался он в этой газете с Василием Васильевичем Розановым, с самим Сувориным, с другими талантливыми и неординарными журналистами. И — газету читали, уважали. Или ругали без оглядки, чем тоже, косвенно, подтверждали ее авторитет. Не случайно «великой» газетой назвала «Новое время» великая газета другой страны — лондонская «Таймс».

Издательская же деятельность Суворина, отчасти связанная с домом № 40 по Невскому, не ограничивалась только газетой. Популярный журнал «Исторический вестник» тоже имел контору в этом доме и издавался под суворинской эгидой. Были и другие журналы, и все они — читались!..

А в еще более ранние, пушкинские времена находилось в доме № 40 популярнейшее кафе-ресторан Ивана Ивановича Излера, будущего основателя и содержателя курорта в Новой Деревне близ Петербурга. В этом кафе сходилась вся петербургская знать 1830—1840-х годов, и основной приманкой для публики служили знаменитые «излеровские» пирожки. В Великий пост здесь пекли 28 сортов пирожков ценой 5 и 10 копеек за штуку. В обычные дни пирожки Излера выпекались по особенному расписанию — в зависимости от дней недели. На каждый из дней приходилось четыре сорта пирожков; во вторник, например, были такие: «просто прелесть!», «мал золотник, да дорог!», «с вариациями», «на здоровье». А вот и другие названия: «в добрый час!», «успокоительные», «с боровичками», «повтори!».

Оживленный перекресток

Михайловская улица выходит к Русскому музею и к Михайловской площади (она звалась также площадью Искусств). Музей мы видим в створе улицы, а местонахождение площади запомним: в дальнейшем рассказе мы вернемся к ней, ведь здесь был смертельно ранен шеф жандармов Мезенцев...

Роскошный отель «Европа», стоящий на углу Невского и Михайловской, имеет большую родословную, а сейчас считается самым престижным (и дорогим) отелем Петербурга. В прежние годы здесь была Европейская гостиница, принимавшая самых богатых и привилегированных постояльцев, знаменитостей с мировым именем... Среди ее гостей были миллиардер Джон Пирпонт Морган, композитор Рихард Вагнер, певец Элтон Джон, экс-президенты США Ричард Никсон и Джеймс Картер, английский принц Чарльз, многие другие правители и президенты, российские музыканты Петр Ильич Чайковский, Федор Иванович Шалапин, Игорь Федорович Стравинский...

По другую сторону Невского Михайловскую улицу продолжает Думская. Она названа так из-за того, что в угловом с Невским здании находилась прежде Городская дума. А башня этой самой Думы — одно из примечательнейших зданий Невского, не заметить которое нельзя.

Башню венчает необычная металлическая конструкция, похожая на каркас. На ней в старые годы вывешивались шары: они укреплялись по два или по три на длинных веревках — в разных сочетаниях, с разным расстоянием между шарами. Сведущие петербуржцы сразу понимали смысл этих сигналов: они сообщали о том, что в какой-то части города случился пожар. А сочетание шаров указывало как раз на эту конкретную часть.

К башне Думы примыкает корпус бывших Милютинских или Серебряных рядов — еще одно торговое сооружение в этой части Невского.

Петербургские иезуиты, и не только они...

Между домами № 32 и 34, в глубине квартала, находится католический храм — костел святой Екaterины. Он напоминает несколько интересных историй. Одна из них началась в 1800 году во время царствования непредсказуемого и взбалмошного Павла Петровича.

...Император сразу полюбил этого человека. Придворные смотрели на его возвышение с опаской, но поделать ничего не могли: ведь Гавриил Грубер исцелил от двух болез-

ней супругу Павла Петровича. Попутно, видимо, продемонстрировал он императору и другие свои таланты, что было для него не слишком сложно: Грубер был искусным математиком и механиком, прекрасно знал физику, химию и, разумеется, медицину, а также вполне профессионально владел кистью. Очарованный Павел разрешил Груберу доступ в свой кабинет в любое время. А попутно подписал указ, которым дозволялось Ордену Иисуса совершать в Петербурге богослужения. Ордену был предоставлен костел святой Екатерины, отобранный по этому случаю у доминиканцев.

Орден Иисуса — так официально назывались иезуиты. Обаятельный Гавриил Грубер был негласным руководителем этого Ордена, распущенного в 1773 году. Поддержка Павла придала Груберу новые силы; иезуиты обосновались в Петербурге. Здесь было построено здание иезуитского пансиона, в который многие сановники отдавали детей. Воспитательная система иезуитов стояла на высоте! Многие из их учеников, окончив пансион, перешли в католичество. Этому уже власти стерпеть не могли, и император Александр I особым указом закрыл пансион, а попутно изгнал иезуитов из столицы.

Гавриил Грубер не стал свидетелем такого бесславного изгнания. Выбранный в 1802 году генералом Ордена Иисуса, он через три года погиб при таинственных обстоятельствах во время пожара Дома иезуитов в Петербурге. Поговаривали, что он был убит.

Что же касается костела святой Екатерины, то иезуиты владели им пятнадцать лет, а потом храм вернули доминиканскому ордену. Собор часто посещали русские католики: Чаадаев, Михаил Лунин, Зинаида Волконская. Здесь в 1837 году состоялось бракосочетание Жоржа Дантеса и Екатерины Гончаровой, сестры Натальи Гончаровой-Пушкиной.

Здесь же, в этом храме, были похоронены два выдающихся деятеля XVIII—XIX столетий: последний польский король Станислав Август Понятовский и французский маршал Жан-Виктор Моро. Между прочим, хранилась здесь и челюсть еще одного польского короля — Станислава Лещинского...

Судьбы погребенных здесь были необычайны. Моро — полководец и соперник Наполеона. После прихода Бонапарта к власти он бежал из Франции и в итоге долгих мытарств и скитаний оказался в России. Со смертью Кутузова именно Моро возглавил российскую армию, но его служба на этом

Костел Святой Екатерины в 1810-е годы (с картины И. О. Барта).

Между домами № 32 и 34, в глубине квартала, находится католический храм — костел святой Екатерины. Он напоминает несколько интересных историй. Одна из них началась в 1800 году во время царствования непредсказуемого и взбалмошного Павла Петровича...

посту была недолгой: вскоре он получил смертельное ранение на поле сражения и через две недели умер.

Станислав Август Понятовский побывал в Петербурге еще задолго до своего посмертного «переселения» в костел. В 1750-х годах он был фаворитом тогдашней великой княгини (а позже императрицы) Екатерины. Эта связь и российская поддержка придали Понятовскому вес в глазах соотечественников — именно его избрали в 1764 году королем Польши. Через тридцать один год после этого, в ноябре 1795 года, Станислав Август отрекся от престола — и последний, третий раздел Польши вступил в свои права. А бывшему королю уже через год было предоставлено убежище в Петербурге: Павел I дал ему свой дворец на Каменном острове. Понятовский писал там мемуары, представил императору проект возрождения Польши.

Впрочем, ученые занятия не занимали всего времени Понятовского, и он вел роскошный образ жизни, из-за чего приходилось залезать в долги. Ростовщики не слишком охотно кредитовали бывшего короля и доверяли лишь королевскому камердинеру, некоему господину Риксу. Был этот Рикс, не в пример королю, богат, и кредиторы даже подшучивали иногда: Рикс, мол, внушает больше доверия, чем «Рекс» (Rex — король).

Привольная жизнь Понятовского в Петербурге длилась недолго. В феврале 1798 года он неожиданно умер при весьма неясных обстоятельствах. Подозревали даже отравление. При похоронах Понятовскому были — по приказу Павла I — отданы королевские почести. Уже в нашем столетии прах последнего польского короля возвратился на родину...

Богатые домовладельцы и «Храм очарований»

Дом под номером 30, стоящий на углу проспекта и канала Грибоедова (прежде Екатерининского) — одно из самых примечательных петербургских зданий. Красной нитью через всю его историю проходят две темы: музыка и публичные увеселения...

Уже в конце восемнадцатого столетия здесь проводились концерты и маскарады, а иногда выступали совсем диковин-

ные артисты. Об одном из необычайных представлений в этом доме (тогда еще не перестроенном в свой нынешний вид) писали в 1806 году «Санкт-Петербургские ведомости». Объявление это можно привести почти полностью:

«Итальянец Иосиф Солларо уведомляет почтеннейшую публику, что привезены им: I. Американец, родившийся с большим, на груди висящим зобом и одаренный в груди такою силою, что может одолевать самых сильных зверей. II. Жена его, которой от роду 20 лет, ростом в три фута, также имеет зоб, прибавляющийся вместе с летами, грудь же имеет однокостную. Дитя, рожденное от нее на дороге из Амстердама до Утрехта, умерло; но она теперь вторично беременна. Оба сии Американца питаются одною только сырою говядиною и сырыми травами и кореньями,... а одеты в платье обычая их земли свойственное. III. Молодой мущина, родом из Брабанта, восемнадцати лет, имеющий три руки и одну ногу. Он большой искусник и делает разные штуки, как то: 1. Играет на скрипке третьею рукою, а правую попеременно держит то пистолет, то саблю. 2. Ест и пьет третьею рукою столько же искусно, как и проворно. 3. Держа табакерку, насыпает табаком трубку и раскуривает ее тою же третьею рукою. 4. Тою же третьею рукою берет пистолет, заряжает и стреляет. 5. Всеми тремя играет на двух инструментах, под музыку которых оба Американца вместе пляшут. 6. Трерукой аккомпанирует четырьмя тарелками марш, играемый музыкантами. Представление будет всякой день с трех часов по полудни до девяти часов вечера. Знатные особы платят по соизволению, впрочем каждая особа платит по одному рублю, а дети и служители по 50 коп.»

Особенно здание на углу Невского и Екатерининского канала прославилось в пушкинские годы, когда оно получило имя «дома Энгельгардта».

Кто такой Энгельгардт, которому принадлежал знаменитый дом? Василий Васильевич Энгельгардт был в молодые годы приятелем Пушкина; столице он запомнился как отставной полковник, богатый меценат. Дом достался ему в приданом жены, Ольги Михайловны Кусовниковой, дочери известного и богатейшего откупщика.

Михаил Кусовников слыл в Петербурге неисправимым оригиналом и любил разыгрывать из себя сказочного Гаруналь-Рашида. Частенько заходил он в богатые лавки, одетый в длиннополый зипун, подвязанный кушаком, и лапти. При-

казчик смотрел с удивлением на «мужика», а Кусовников уверенно распоряжался:

— Эй, малый, — кричал он, — подай бутылку мне шампанского!

Малый, однако, не спешил за бутылкой и объяснял покупателю, что бутылка эта стоит целых три рубля.

— Три рубля? — переспрашивал Кусовников. — Что ж, недорого. Подай, пожалуй, две бутылки.

Приказчик бежал к хозяину, рассказывал ему о странном мужике. Лавочник распоряжался подать шампанское, проследив только, чтобы мужик не ушел, не заплатив деньги.

Малый подавал бутылку Кусовникову, пристально глядя за ним. Тот усмехался:

— Что смотришь? Сам, видно, шампанского хочешь? Ну, неси стакан, я уж тебя попотчую.

Изумленный приказчик открывал одну из бутылок, выпивал стакан шампанского вместе с покупателем.

— Правда твоя, хорошо шампанское, — говорил Кусовников и доставал деньги. Но и тут не обходился без шутки: целая куча червонцев была им сложена в большую кожаную рукавицу, и, достав ее, он высыпал монеты на стол.

А пока удивленный слуга проверял червонцы, вертя их в руках, к лавке по знаку «мужика» подъезжал роскошный, цугом запряженный экипаж, куда и садился Кусовников. И такие сценки повторялись неоднократно — благо лавок в Петербурге было много...

Иногда для полноты маскарада он брал в руки бочонок с сельдями или лукошко яиц и, приходя к ювелиру, требовал показать ему что-нибудь дорогое, непременно с бриллиантами. После долгих сцен изумления и недоумения со стороны хозяина лавки следовал тот же финал: откуда-то доставались золотые деньги, и «мужик» отбывал в собственном экипаже...

Дурачества Кусовникова не затмили, однако, его доброй славы. Он был приветливым и веселым человеком. После службы в милиции в 1807 году он получил право носить особый мундир — кафтан и треугольную шляпу с зеленым пером. В нем и разгуливал по улицам Петербурга. За ним иногда тянулась колоритная пара сопровождающих: выездной лакей, постоянно вязавший на ходу какой-то чулок, и конторщик со счетами подмышкой, с пером и чернильницей.

Если Кусовникову в голову приходил какой-то выгодный коммерческий расчет, конторщик тут же проверял его на счетах и записывал...

После перехода дома к супругам Энгельгардтам и последовавшего ремонта жизнь здания стала оживленнее. Здесь проходили знаменитые «энгельгардтовские» маскарады, описанные Лермонтовым в драме «Маскарад». Тут праздновался в 1838 году юбилей И. А. Крылова. А с самого начала XIX века и до 1840-х годов в доме проходили концерты крупнейших музыкантов России и Европы. «Торжественная месса» Бетховена была исполнена здесь полностью впервые в мире!

Но не только маскарадами и концертами славился этот дом. В частности, сюда переехал уже давно поражавший петербургскую публику Антон Маркович Гамулецкий де Колла. Сам он был тогда 76-летним старичком — живым, веселым, седым, как лунь, и никогда не носившим очков (что немало удивляло жителей столицы).

В самом конце XVIII века Гамулецкий служил в Петербурге брандмайором и отличился при пожаре дачи всесильного графа Безбородко, за что был пожалован повышением по службе и большой премией.

Гамулецкий устроил в доме Энгельгардта «Храм очарований, или Механический, физический и оптический кабинет».

Посетители «кабинета» бывали шокированы. На верхней площадке лестницы, ведущей в «храм очарований», в воздухе над головами входящих парил ангел. Разумеется, не живой; фигура его была позолочена. Когда посетитель входил на верхнюю площадку, ангел поднимал руку, в которой держал валторну, и начинал играть на ней, шевеля пальцами. Пораженные гости могли убедиться, что ангел висит совершенно свободно, без подпорок и тросов. Никто не знал, что изобретательный Гамулецкий использовал для этого фокуса магнит (сам он вспоминал: «десять лет я трудился, чтобы найти точку и вес магнита и железа, чтобы удержать ангела в воздухе»).

Пройдя лестницу, посетители входили в комнаты, анфилада которых казалась бесконечной (эффект усиливали зеркала). Диковины «кабинета» были поразительны: «самоигральный диван» (когда на него садились, включалась музыкальная шкатулка), разнообразные автоматы, сделанные с величайшим искусством. Среди последних особенно потряса-

ли воображение амур, играющий на арфе; двигавшиеся петух, собака и кошка; змея, ползущая по полу; подававший напитки «араб, чистой воды африканец». Кульминацией зрелищ была огромная голова чародея, отделанная под бронзу и стоявшая на зеркальном столе. Она легко отвечала на вопросы посетителей «Храма», причем на том языке, на котором задавался вопрос. Присутствие спрятавшегося под столом человека было исключено: голову брали в руки и переставляли с места на место, и она отвечала так же спокойно...

Гамулецкий еще в молодости увлекся устройством иллюзионов и фокусов. В Варшаве он встретился как-то со знаменитым графом Калиостро, и пример того оказался заразителен. Под влиянием Калиостро Гамулецкий потратил много лет на освоение премудростей иллюзионного ремесла, а затем и устроил свой «Кабинет». В доме Энгельгардта он жил пятнадцать лет, и за это время сумел обрести славу лучшего в мире конструктора подобных машин и автоматов.

Разумеется, «Кабинет» его считался важной достопримечательностью столицы. Гамулецкий охотно показывал свой кабинет редкостей «не только коротким приятелям, но и всякому шапочному знакомцу». Историк Пыляев справедливо замечает, что «в средние века он бы сильно рисковал попасть на костер инквизиции». Что ж, Гамулецкому повезло: он жил гораздо позже!

Сейчас в доме Энгельгардта — Малый зал петербургской Филармонии.

Несостоявшийся проект

Новая водная преграда на нашем пути — канал Грибоедова — отделяет нас от самой фешенебельной части Петербурга и Невского проспекта.

Сам канал, однако, особой красотой прежде не отличался. Переустроенный из речки Кривуши (берега ее были спрямлены и вычищены), он оставался одной из неприглядных и грязных петербургских водных артерий. Мы вспоминали о грязных водах Фонтанки; однако Екатерининский канал обладал еще худшей репутацией. Уже в 1850-х годах утверждали, что он «давно уже служит предметом, возбуж-

дающим ропот местного населения столицы. Вся эта часть канала заражает воздух зловонием от застоя нечистот». Говорилось все это к тому, что канал необходимо засыпать.

В 1869 году был принят проект засыпки канала — его утвердил император Александр II. Феерический по своим масштабам замысел! На месте засыпанного канала должен был возникнуть бульвар императора Александра II. Вся часть канала вправо от нас, от Невского проспекта до начала этой протоки, отдавалась под аллею памятников венценосцам России — от Рюрика до царствовавшего тогда монарха. Бюстов императоров и правителей должно было появиться шестьдесят четыре, а перспективу бульвара замыкал бы грандиозный монумент под громким именем «Апофеоз России». Создатели проекта подумали не только о монархах, но и о народе: бульвар должен был стать «длинным, кипучим жизнью и деятельностью, народом и движением базаром». По сторонам бульвара стояли бы художественно оформленные киоски для продажи разных вещей. Киоск учебных пособий, например, предлагалось украсить таким панно: «Ангел ведет за руки ребенка».

Как обычно бывает в России, проект создали, и грандиозный, а о деньгах подумали в последнюю очередь. Их не было, и даже специально для этого назначенная комиссия не смогла изыскать для создания бульвара средства. Так что проект был похоронен...

В начале нашего столетия проект засыпки канала снова всплыл на свет. Предлагали устроить бульвар от Спаса-на-Крови до Невского проспекта. Но и этот проект погиб.

Рубль, подписанный Брутом

Мы переходим канал по Казанскому мосту — одному из самых широких в городе. В обе стороны канала видны замечательные памятники петербургского искусства. Справа возвышается храм Спаса-на-Крови, возведенный на месте убийства народовольцами императора Александра II. Слева — Банковский мостик, один из немногих сохранившихся цепных мостов, находящийся вблизи здания бывшего Ассигнационного банка.

С этим банком связана одна весьма примечательная и малоизвестная история.

Дореволюционные купюры перед выходом в обращение подписывали два должностных лица: управляющий банком и один из кассиров. Подписи эти затем тиражировались на всех ассигнациях и отличались в зависимости от серии.

Служил в Государственном (Ассигнационном) банке кассир с необычной фамилией: Брут. Наверняка немало пришлось ему претерпеть в жизни из-за своей фамилии и не раз приходилось выслушивать одну и ту же «шутку»: «И ты, Брут!»

Шутки шутками, а жизнь, очевидно, казалась Бруту невыносимой. До такой степени, что однажды он не выдержал ее тягот — и покончил с собой. Повесился.

За свою трудовую карьеру успел несчастный Брут подписать немало купюр, причем почему-то только рублевого достоинства. И никто не ожидал, что им предстоит особенная судьба.

Брут повесился, пресса мельком сообщила об этой тягостной новости, читатели узнали о бедном кассире и почти тут же забыли его. Но через несколько дней случилась в одном из петербургских игорных домов удивительная история. Некий посетитель проиграл за вечер почти все свои средства, и остался у него только один рубль. Подписанный Брутом. И вот, глядя тоскливо на последнюю свою купюру, игрок вспомнил, что читал недавно о самоубийстве Брута. А ведь веревка повешенного издавна считалась добрым талисманом для игрока. Вдруг рубль Брута поможет?

И — помог. Игрок стал выигрывать, и выигрывал беспрерывно в течение нескольких дней. И не только вернул свой проигрыш, но и остался в большом «плюсе».

Приятелям удачливый победитель признался в причине успеха. Даже показал талисман: вот он, брутовский рубль. И начался ажиотаж. Рубли с подписью Брута разыскивали по столице, скупали по несколько штук, запасаясь чудодейственным талисманом. Видимо, рубль помог и еще кому-то, и слава его разнеслась по всей России. В Москве брутовские рубли продавали вначале по трешке, потом по пятерке, по червонцу, по четвертному...

Вот уж не думал бедный кассир Брут, что своей подписью на рубле он «памятник себе воздвиг нерукотворный»!..

Впрочем, с началом революций публике стало не до игры и не до талисманов. И о Бруте забыли. А может, зря?

«Казанские» легенды

В царствование императора Александра I в столице были знамениты многие шутники и оригиналы. Среди них выделялся офицер конной артиллерии Ваксель. Ему многое прощалось за отличную службу и умение блестяще и лихо ездить верхом. Позже вспоминали, что «не проходило дня, чтобы Ваксель не выкинул какой-нибудь шутки на улицах столицы».

Однажды император Александр, прогуливаясь верхом по столице, увидел на Казанском мосту большую толпу народа. Публика оживленно судачила между собой и с любопытством смотрела на воду. Видно было, что все чего-то ждут.

— Что это такое? — спросил император, приблизившись к толпе.

— Ваше величество, — ответил один из зрителей, — говорят, будто под мост зашла кит-рыба!

— Верно, здесь Ваксель! — высказал император догадку.

— Здесь, ваше величество! — откликнулся тот из толпы.

— Твоя шутка?

— Моя, ваше величество.

— Ступай же домой и не дурачься, — сказал ему с улыбкой Александр Павлович и сам отбыл восвояси.

С отъездом императора и Вакселя толпа еще некоторое время побурлила, но скоро разошлась...

Достоверность этой истории точно не известна: возможно, слухи, как обычно, раздули какой-то незначительный эпизод в масштабное событие. Или рассказ о шутке Вакселя достоверен? Правду узнать трудно, тем более, что Казанский собор долгие годы был центром легенд и слухов. Может, и мосту так же «повезло»?

Что же касается Казанского собора, то он не всегда был таким, каким знаем его мы. Поначалу он стоял ближе к проспекту: легкая архитектура (раннее барокко), высокий шпиль, похожий на знаменитый шпиль Петропавловки...

Со старым Казанским связан анекдот из жизни императрицы Екатерины II. Она бывала в этом соборе регулярно и, как писали историки, в торжественные дни «приносила моление и благодарение Господу Богу». В какой-то из ее визитов одна прихожанка собора, небогатая дворянка, с плачем упала на колени перед образом Богородицы и положила перед ним бумагу. Заинтригованная необычным поступком, императрица послала узнать, в чем же здесь дело. Бумагу подали ей. В ней содержалась жалоба на имя Божьей Матери о несправедливом решении судебной тяжбы, утвержденном Екатериной. Екатерина забрала бумагу себе и приказала просительнице через три дня явиться к ней во дворец. За три дня она изучила дело просительницы и убедилась в своей ошибке; вердикт был отменен. Дворянка, подавшая жалобу небесной царице на царицу земную, была вознаграждена за находчивость.

История с императрицей больше похожа на легенду, чем на подлинный факт. И эта легенда — лишь одна из многих...

Нынешний Казанский собор возвел зодчий Андрей Воронихин, бывший крепостной (отпущенный на волю) графа Александра Строганова. Строганов и возглавлял комиссию по постройке храма. Формы собора во многом повторили черты знаменитого римского собора святого Петра...

В 1813 году в прусском городе Бунцлау скончался фельдмаршал князь Кутузов. Похоронить его решили в Петербурге, в новопостроенном Казанском соборе. Похороны были торжественны; а уже через некоторое время после них появилась легенда, что сердце Кутузова было извлечено из тела при бальзамировании и захоронено в Бунцлау. Легенда не имела под собой оснований: позже достоверно установили, что сердце хранится в склепе Кутузова в Казанском соборе. Но слухи продолжали бытовать...

Двумя десятилетиями позднее погребения фельдмаршала перед собором были установлены две статуи — памятники Кутузову и Барклаю-де-Толли, двум знаменитейшим полководцам Отечественной. А вот сквер появился перед собором еще несколькими десятилетиями позднее, и причиной его устройства стали непрекращавшиеся волнения и сходки у собора, вызванные то опять же легендами и слухами, то революционными настроениями...

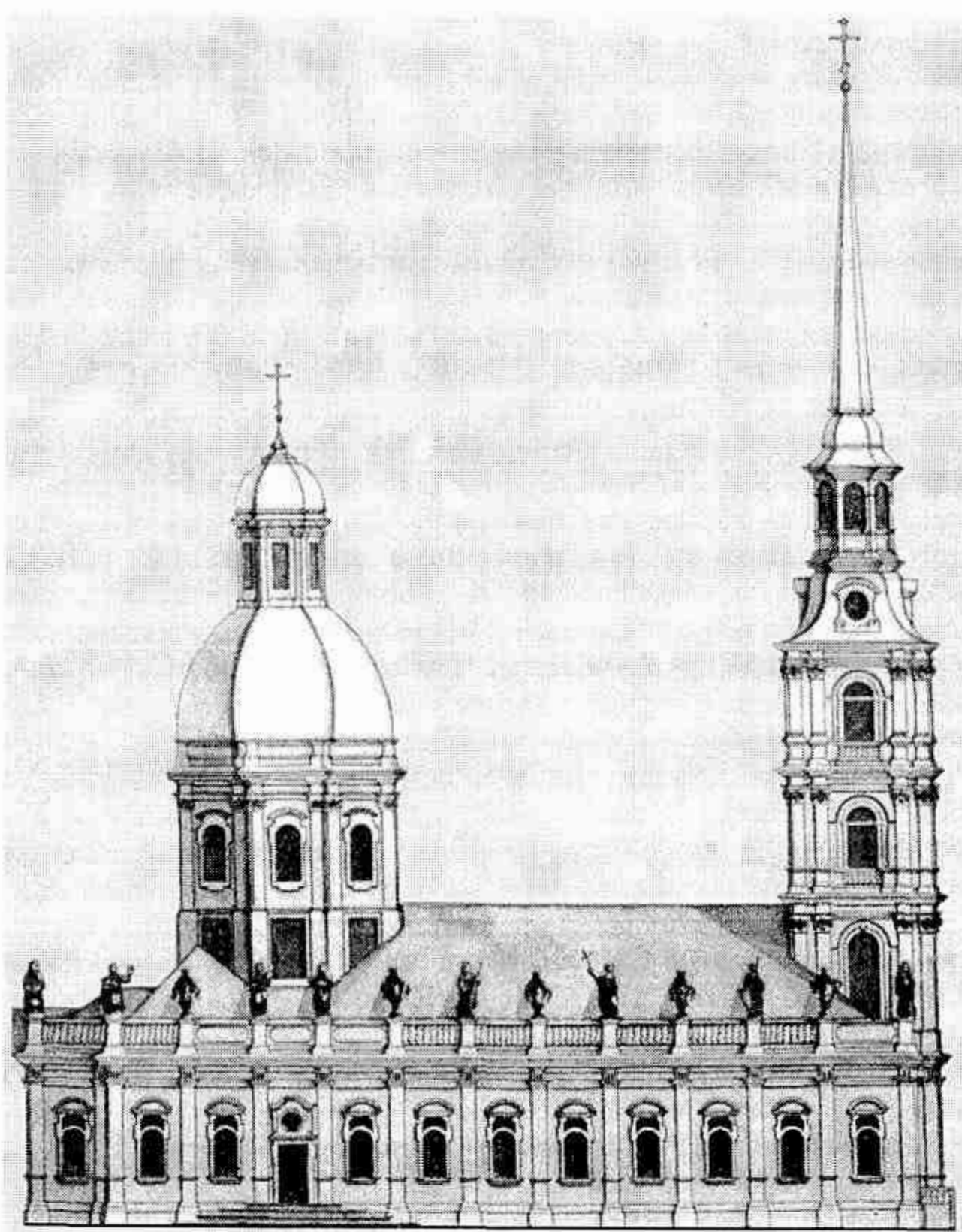
Первое такое сборище случилось уже вскоре после постройки собора; памятников на площади еще не было. По

городу вдруг пошел слух, будто у одного из священников Казанского собора выросли рога и он от страха спрятался в собор, откуда отказывается выходить. Толпа собралась огромная; гудели и толковали до самой ночи, не желая расходиться. «Попа с рогами», разумеется, не было. Наконец, распространился слух, что несчастного попа успели спрятать в Александро-Невскую лавру. Разгоряченная ожиданием толпа отправилась туда и к утру наэлектризовалась настолько, что уже собиралась выламывать лаврские ворота. К счастью, подоспели пожарные. Потоки воды остудили пыл зевак, а некоторым из них пришлось познакомиться с кутузкой. Слухи держались еще некоторое время и вскоре затихли.

Существует и другая версия этой истории: будто бы говорили, что в Казанский собор привезли покойника с рогами и когтями — верное подобие черта. Народ никуда с Казанской площади не уходил, и именно здесь и пришлось пожарным окатывать водой зевак. А городские сплетники позже уверяли, что слух о диковинном покойнике был пущен всемогущим графом Аракчеевым, чтобы отвлечь внимание публики от недавнего убийства его любовницы Настасьи Минкиной. Впрочем, это тоже домысел.

От рогатых священника и покойника недалеко уже до других диковин. И вот в 1835 году из одной рукописи петербургская и московская публика узнала, что в Казанском соборе видели живой нос. Был он одет в шитый золотом мундир с большим стоячим воротником; в храм прибыл в собственном экипаже. А там — «с выражением величайшей набожности молился». Майору Ковалеву, подошедшему с разговором, нос отвечал сухо, и беседы между ними не получилось. Между тем, несчастный Ковалев и был владельцем носа, и ходил в отсутствие его с местом между глазами, гладким, «как будто бы только выпеченный блин». Правда, читающая публика поняла, что вся эта история — выдумка сочинителя. Повесть была напечатана в пушкинском «Современнике» в 1836 году, но цензура запретила сцену в Казанском соборе и распорядилась перенести ее в Гостиный двор. Только в нашем веке этот эпизод в повести Гоголя «Нос» восстановили...

Перед собором сходились не только зеваки; иногда здесь собирались революционеры. Крупная демонстрация состоялась в 1876 году, и на ней впервые выступил молодой Плеханов — будущий теоретик социал-демократии.

Церковь Казанской Божьей матери в XVIII веке.

Что же касается Казанского собора, то он не всегда был таким, каким знаем его мы. Поначалу он стоял ближе к проспекту: легкая архитектура (раннее барокко), высокий шпиль, похожий на знаменитый шпиль Петропавловки... Со старым Казанским связан анекдот из жизни императрицы Екатерины II...

Осип Мандельштам оставил яркую зарисовку волнений, происходивших у Казанского в последние годы прошедшего столетия:

«Дни студенческих бунтов у Казанского собора всегда заранее бывали известны. В каждом семействе был свой студент-осведомитель. Выходило так, что смотреть на эти бунты, правда на почтительном расстоянии, сходилась масса публики: дети с няньками, маменьки и тетеньки, не смогшие удержать дома своих бунтарей, старые чиновники и всякие праздношатающиеся. В день назначенного бунта тротуары Невского колыхались густою толпою зрителей от Садовой до Аничкова моста. Вся эта орава боялась подходить к Казанскому собору. Полицию прятали во дворах, например во дворе Екатерининского костела. На Казанской площади было относительно пусто, прохаживались маленькие кучки студентов и настоящих рабочих, причем на последних показывали пальцами. Вдруг со стороны Казанской площади раздавался протяжный, все возрастающий вой, что-то вроде не-смолкавшего “у” или “ы”, переходящий в грозное завывание, все ближе и ближе. Тогда зрители шарахались, и толпу мяти лошадьми. “Казаки, казаки”, — проносилось молнией, быстрее, чем летели сами казаки. Собственно “бунт” брали в оцепленье и уводили в Михайловский манеж, и Невский пустел, будто его метлой вымели».

Опасаясь продолжения волнений в самом центре столицы, власти устроили в 1900 году около собора сквер, который существует и по сей день. Жалкая его растительность, не идущая, конечно, ни в какое сравнение с деревьями и кустарниками естественных лесов и парков, все же напоминает о рощах, росших вдоль Невского в первые годы Петербурга. Тем более, что еще одна история имеет прямое отношение к тому месту, где мы сейчас находимся...

Петровский Петербург. Казанского собора, естественно, нет и в помине. Кругом небольшие домишки Переведенской слободы: тут селились работные люди, присланные в Петербург из разных губерний России. Небольшая красивая березовая рощица тянулась вдоль нынешнего Невского проспекта, начинаясь у теперешней площади Казанского собора и доходя до Фонтанки. Петр приказал рощицу эту охранять и приставил даже караульных. Но соблазн и нужда были велики, и мужики из Переведенской слободы повадились в рощицу за дровами. Заметив как-то в любимой своей роще све-

жие пни, Петр потребовал произвести незамедлительно расследование. И приказал: «повесить всех, у кого найдены срубленные деревья». Приказ был жесток и заставил содрогнуться даже приближенных царя. Екатерина I единственная знала путь к сердцу императора и, по легенде, сумела его смягчить: виновные в порубке рощи избежали виселицы, хотя и были нещадно биты батогами и шпицрутенами. Наказание это, скажем прямо, по жестокости едва ли уступало виселице: после него немногие выживали. Но так или иначе, милосердие было проявлено, а наказание состоялось как раз на том месте, где находится сейчас площадь Казанского собора.

Пора теперь отвлечься от историй, связанных с Казанским собором: они бесконечны. Мы даже не упомянули о знаменитой иконе Казанской Божьей Матери, чья слава связана с этим собором. Но о ней читатель узнает в других книжках...

«Зингер» — опора шпионажа?

Высокое здание Дома книги сооружено в начале нашего века в стиле модерн. Сколько было шума и негодования вокруг этого шедевра новейшей архитектуры! Сколько проклятий сыпалось на голову зодчего! Однако прошли годы, и соседство этого дома с Казанским собором стало уже привычным, а силуэт башни Дома книги оживляет перспективу Невского проспекта.

Вообще-то Дом книги — а строился он как дом компании «Зингер» — должен был стать куда выше. Но петербургские строительные правила не позволили этого: в столице до 1905 года не допускалось строить дома выше Зимнего дворца. А раз так — архитектор Сюзор по-своему обошел препятствие. Построил здание максимально возможной высоты и увенчал его выразительной башней с «земным шаром», опоясанным лентой со словами «Зингер». Иными словами, — «Зингер» покоряет мир!

Что ж, действительно швейные машинки, которые производила фирма «Зингер», пользовались в России до революции немалым спросом. Сама компания располагалась в Америке, а здесь было только ее представительство.

Как утверждали позже советские историки, компания «Зингер» была опорным пунктом немецкого шпионажа в России. Благодаря дотациям немецкого Генерального штаба она создала свои представительства даже в самых глухих местечках России, где агенты собирали нужную информацию. Вся она потом стекалась в здание фирмы на Невском, 28, — в нынешний Дом книги, и, якобы, нескоро контрразведке российского Генерального штаба удалось раскрыть эту сеть...

Между прочим, американская компания «Зингер» существует и по сей день. Правда, выпускает она уже не только швейные машинки, но и электронную аппаратуру.

Дом книги сейчас — крупнейший в Петербурге книжный магазин. А слово «Зингер», написанное когда-то на завершающем здание глобусе, давно уже исчезло.

Давно снята и другая вывеска, до революции висевшая за стеклами дома компании «Зингер»: здесь находился некоторое время известный банкирский дом «Захарий Жданов».

В 1911 году Ждановым восторгались; популярный журнал «Солнце России» отдал целую страницу хвалебно-рекламной статье о нем с большим портретом.

«На наших глазах выросло, окрепло и стало на прочную почву — большое и солидное банковское дело Захария Жданова. Прямо с головокружительной быстротой развивалось это дело исключительно благодаря энергии и природному таланту основателя этого дела — Захария Петровича Жданова. Еще не так давно маленькая контора в 3-4 комнаты, 6-8 человек служащих, почти исключительная продажа выигрышных билетов в рассрочку, а затем — громадное помещение для конторы, сотни служащих и самые разнообразные банковские операции...

З. П. Жданов... создает колоссальные дела и громадные предприятия... Жданов — это типичный американец, только с примесью русской выдержки... Популярность Жданова прямо-таки поразительна. Его знают во всех концах нашей обширной страны. К нему обращаются за всякого рода финансовыми советами и указаниями...»

Бедные люди! Стоило ли обращаться за финансовыми советами к Захарию Жданову, если уже в 1914 году от его прежней репутации не осталось и следа, а популярный «Синий журнал» именовал его «наследником» Генриха Блокка, весьма сомнительного банкира? Основания для переоценки

были серьезные: по сообщению того же «Синего», быстро росшее дело Жданова было закрыто Министерством финансов России, как только стала очевидной недобросовестность его операций.

Не говорите ухом...

За роскошным зданием Дома книги стоит ничем не примечательный внешне дом (его номер — 26). В 1882 году здесь была открыта первая в столице телефонная станция. Ее основала американская компания «Белл».

Трубки телефонов имели тогда всего одну часть, служившую попеременно для разговора и для слушания. Поэтому рядом с ними висели напоминающие таблички: «Не слушайте ртом и не говорите ухом!»

Пользование таким несовершенным телефоном стоило немалых денег. Сто лет назад, например, «за пользование в сношениях с абонентами» взимались 25 копеек за каждый разговор. Для сравнения: рюмка водки стоила тогда в дорогих ресторациях 10 копеек, в обычных трактирах — вдвое дешевле. А проезд на конке стоил 3-5 копеек...

Вначале станция имела 128 абонентов; затем число их стало расти лавиной. К ноябрю 1885 года абонентов было уже 1500 и вели они в целом 350 разговоров в сутки. 21 процент телефонов принадлежал частным лицам, 37% — банкам и фирмам, только 5% — редакциям газет, и всего-то 2% — магазинам и складам. Однако эти магазины занимали 10% разговорного времени всей столицы. Молчаливее же всех (как ни странно!) были журналисты и чиновники.

Через двадцать лет после открытия станции телефонно-владельцев в столице было уже 4600 человек, еще через десять лет — 37000... Телефоны стояли не только в конторах и в домах, но и в некоторых гостиницах, причем для удобства абонентов к каждому аппарату прилагался список городских телефонов.

...Первая станция была, разумеется, ручной, и труд телефонисток был нелегок. Учитывая это, на работу брали только незамужних женщин, «дабы лишние думы и заботы

Захарий Жданов

(Фото из еженедельника «Солнце России», 1911).

«З. П. Жданов... создает колоссальные дела и громадные предприятия... Жданов — это типичный американец, только с примесью русской выдержки... Популярность Жданова прямо-таки поразительна. Его знают во всех концах нашей обширной страны. К нему обращаются за всякого рода финансовыми советами и указаниями...»

не приводили к лишним ошибкам при соединениях». Лишним — потому, что и так ошибок случалось много, а соединения абоненты ожидали иногда подолгу.

При первой же возможности станция была переведена из здания на Невском в другое — более просторное и современное. Телефонная связь совершенствовалась...

Праздник Вербы

Выходящий на Невский небольшой бульвар именовался долго улицей Софьи Перовской, руководившей убийством Александра II. Теперь (как и раньше) это — Малая Конюшенная улица. В 1920-х годах, как мы уже говорили, она была местом гуляния на большом ежегодном празднике — вербном воскресеньи, «Вербе».

Вот что вспоминал о здешней «Вербе» очевидец:

«Уже при подходе к Казанскому собору со стороны улицы Перовской слышишь букет звуков: веселый гул толпы, тонкое “пиу-пиу” свистулек, вставленных в разноцветные шарики, булькающие звуки “тещиного языка”, зазывные крики продавцов товаров, прибаутки: “А вот мячик-раскидай, куда хочешь — туда и кидай”. Пройдешь по бульвару — глаза разбегаются: мешки с орехами, пряники, “американская” сахарная вата, конфеты, изделия кустарей: деревянные игрушки и предметы домашнего обихода (ложки, корыта, сита, дежки-кадушки).

Но какая же Верба без зрелищ! Главное, конечно, карусель. Денег покататься нет, да хоть на счастливых помотришь. Крутят карусель четыре здоровенных парня, но они закрыты раскрашенными щитами...

Что такое “тещин язык”? Это склеенная из бумаги трубка, сплюснутая и свернутая в спираль. Один конец ее заклеен, а в другой вставлена свистулька. Когда в нее дуешь, то получается булькающий звук, и спираль разворачивается — вот тебе и “тещин язык”. Продается немудрящая забава с непременно присказкой: “А вот теща околела и язык продать велела”. Не очень смешно, но это обязательный атрибут праздника Вербы.

Ну что еще? Шарманщики (они, правда, и по дворам ходили), ученый попугай, вытаскивающий из коробки конвертики с предсказаниями судьбы. Можно проверить силу и нервы. Сила рук проверялась пружинным динамометром, сила удара — ударом деревянного молотка по устройству, подбрасываемому по вертикальной рейке ползун. Крепость нервов проверялась так: в руки надо было взять латунные трубки, подсоединенные через реостат к аккумулятору, а оператор, поворачивая рукоятку реостата, поднимал напряжение. Когда становилось невмоготу, кричишь: “Стоп”. Сравнивали, кто больше выдержит. Так много всего, и все по тем временам дешево, но дешевизна эта кажущаяся. Мне и брату родители могли выделить на вербное баловство по гривеннику: купишь раскидай, “американской” ваты, проверишь крепость нервов, вот, пожалуй, и все...»

Между двумя Конюшенными

Если есть Малая Конюшенная, как не быть Большой! Следующая улица, выходящая к этой же стороне Невского проспекта, и есть Большая Конюшенная (недавно еще носившая имя Желябова). Между двумя Конюшенными целый квартал на Невском занимает комплекс зданий лютеранской церкви святых Петра и Павла. Ансамбль в точности такой, какой мы уже видели у костела святой Екатерины и у Армянской церкви: два похожих дома, и между ними, в глубине квартала — храм.

Лютеранская церковь святых Петра и Павла, построенная Александром Брюлловым, братом знаменитого Карла, претерпела в советские годы много бед. Размещенный в ней бассейн немало способствовал разрушению шедевра архитектуры. Но сейчас здание, по счастью, спасено и возвращено лютеранской общине.

Дома возле лютеранской церкви всегда были «доходными» — то есть отдавались под квартиры и лавки. В доме № 22 находилась в пушкинские годы известнейшая книжная лавка А. Ф. Смирдина — издателя, первым в России платившего авторам высокие гонорары и способствовавшего этим профессионализации русской литературы.

В одном из домов (точно не известно, в каком) в те же годы открылась первая в городе косметическая лавка Ивана Герке. Она появилась под курьезной вывеской: «Лавка от пудры и помады для Иван Герке». Грамматическая оплошность лавочника, впрочем, никого не удивила: в столице хватало нелепых вывесок и реклам.

Один современник Пушкина удивлялся: «Признайтесь, можно ли равнодушно читать: “вход в растерацию”, “мелашная лафка”, “гофинтенданская магазейны”, “магазея Курта”, “здесь прадаются” и тому подобное?...»

Или еще несколько ляпсусов, «радовавших» глаз петербуржцев прошлого столетия: «Рецник печатей», «Здесь бреют и крофь а творяют» (между прочим, вывеска эта находилась аккуратно у «вшивой биржи», на углу Невского и Владимирского проспектов), «Продажа разных мук», «Портной Иван Доброхотов из иностранцев»... Особенно смешной была вывеска на доме Энгельгардта (Невский, 30) — «Парижская перечница».

Хватало и оплошностей другого рода. Одной из них невольно дал начало император Николай Павлович — человек, любивший во всем порядок и дисциплину. Проезжая как-то по улицам Петербурга, он остался недоволен неряшливой вывеской над одной из мелочных лавок. Тут же император распорядился, чтобы была изготовлена образцовая вывеска для всех мелочных лавок столицы. Быстро набросали эскиз и на представленном императору образце написали цифру — № 1. Николай Павлович остался разработкой доволен и соизволил ее «апробовать», то есть разрешить к серийному производству. Но «апробовал» — с цифрой. А живописцы, создававшие по утвержденному образцу вывески, не рискнули послушаться высочайшей воли и на всех вывесках так и поставили: № 1. И в 1830-е годы все мелочные лавки города шли под «номером первым»... Только когда император заметил эту оплошность подчиненных, она была исправлена.

Наконец, пример другого рода: подделка «товарного знака» знаменитой в те годы табачной фабрики Василия Жукова. В 1838 году знаменитый журналист Фаддей Булгарин удивлялся в своей «Северной пчеле»: «Около двух лет проходя ежедневно по Невскому проспекту, за Аничковым мостом, мы видели золотого орла над вывескою табачного магазина с надписью — В. Жуков. Мы думали, что это — ма-

газин Василия Григорьевича Жукова. Однажды подойдя поближе, мы удивились, удостоверясь, что это не орел, а лев, осыпанный табачными листьями, и так искусно, что в 10 шагах кажется орлом с распростертыми крыльями, а торговля совсем не известного Жукова, а его однофамильца...»

Стоит сказать, что обычно старинные вывески делались довольно-таки однотипно и подчинялись неизвестно когда выдуманной традиции. Над чайным магазином рисовали китайцев; портной вывешивал надпись, буквы которой составлялись из модных картинок; кондитеры рисовали над входом вазы. А некоторые торговцы предпочитали огромные металлические изображения своей продукции: вешали, например, железные перчатки, баранки, сапоги...

Вернемся, однако, туда, где была лавка «для Иван Герке».

В доме № 24 по Невскому находилось знаменитейшее кафе «Доминик». Названо оно было по имени первого хозяина, швейцарца Доминика Риц-а-Порта, и пользовалось огромным успехом. В нем разрешалось курить, продавалось спиртное и, главное, — давалась возможность собираться любителям игр. Особенно часто сходились в «Доминике» поклонники бильярда, домино и шахмат. Накал страстей — возможно, под влиянием алкоголя — доходил временами до такого градуса, что полиции приходилось вмешиваться незамедлительно.

«Доминик» сыграл исключительную роль в истории русских шахмат. Особенно полюбилось шахматистам это кафе с 1860-х годов, и до начала XX века «Доминик» был вне конкуренции. Здесь обучался игре в шахматы Михаил Иванович Чигорин, здесь играли все сильнейшие шахматисты России. В отличие от клубов, в «Доминик» допускались и учащиеся, и юнкера. Опытные шахматисты играли на деньги; «пижонам» часто давали крупную фору. В Петербурге создавались и гибли шахматные собрания, а «Доминик» на протяжении полувека оставался единственным постоянным островком в мире шахмат.

...Бульвар Большой Конюшенной улицы выходит на Невский проспект сразу за домом № 22. Прямо напротив бульвара — дом под номером 23, заслуживающий внимания. В отличие от других домов, где знамениты были квартиры, этажи, подвалы, в доме № 23 прославилась... крыша. На

ней в 1912 году была установлена первая в Петербурге электрическая световая реклама. Экран ее состоял из 1760 ламп по 10 Ватт каждая. Увы, неизвестно, какую именно фирму рекламировал диковинный экран.

А ниже, в бельэтаже здания находилась известная мастерская часов Павла Буре. Ее часы были известны в России больше других; Буре не производил часов сам, а заказывал их изготовление лучшим фабрикам России (разумеется, они делались под маркой Буре).

Соседний дом с большими стеклами (под номером 21) строился в начале нашего века для мехового коммерсанта Мертенса. Это типичный образец преобладавшего тогда стиля модерн.

Барокко и жизнь

За Большой Конюшенной улицей по четной стороне Невского весь квартал до Мойки занимает длинный дом № 20. Собственно, это даже не дом, а три здания сразу: в центре его находилась Голландская церковь (в ней сейчас библиотека), а по бокам — два доходных корпуса, отдававшихся прежде внаем. Здесь много магазинов.

На другой стороне проспекта, у самой Мойки — светло-зеленый дом № 17, построенный еще в середине XVIII столетия знаменитым Растрелли. Он не похож на другие дома Невского. Конечно, с тех давних пор здание пообветшало, но черты пленительного барокко и сегодня придают ему очарование.

Дворец строился для барона, а позже графа Александра Сергеевича Строганова. Этот богатейший человек был поистине неутомимым эпикурейцем и гурманом и стремился наслаждаться жизнью, насколько позволяли средства. А они позволяли; недаром Екатерина II, представляя Строганова австрийскому императору, сказала: «Вот вельможа, который целый век хлопочет, чтобы разориться, но не может».

Пиршества, задававшиеся Строгановым в своем дворце, вошли в легенду. Столовая, где хозяин принимал гостей, была убрана коврами, и обедающие возлежали за столами, обло-

качиваясь при этом на подушки, набитые нежнейшим лебяжьим пухом. Столы были из мрамора с мозаикой или из дорогих пород дерева. Блюда подавались изысканнейшие: щеки селедок, лосиные губы, жареная рысь, разварные медвежьи лапы, налимьи молоки, печень палтуса, соленые персики, ананасы в уксусе, вареные в меду кукушки... Перемен блюд у Строганова делалось обычно не очень много, но каждое из них было деликатесом. А если гость преждевременно чувствовал себя сытым, он щекотал у себя в горле пером, производил таким образом тошноту и — «давал место для новой пищи». Способ этот повторялся за время одного пира не однажды. Подобным образом готовили себя и к тому, чтобы выпить наибольшее количество изысканнейших вин, подававшихся к столу. Для этого перед трапезой ходили в баню, где ели паюсную икру, или даже пили толченую пемзу. Этим вызывалась длительная жажда.

Таких гурманов, как Строганов, в среде вельмож было много. Один из графов Завадовских, например, жарил себе дичь на корице и гвоздике, используя их вместо дров. Он же необычайно широко использовал ананасы: у него их шинковали как капусту, хранили в кадках, и варили из них борщ и щи...

Александр Строганов прославился, однако, не только пирами. Воспитанником его дома был великий зодчий Андрей Воронихин, строитель Казанского собора — он отделал несколько залов в дворце Строганова. Граф состоял еще и президентом Академии художеств, директором Публичной библиотеки, членом Государственного совета...

В 1767 году, когда Строгановский дворец был еще совсем молод, он стал местом весьма примечательного события петербургской жизни. Здесь прошел первый этап первых выборов в городское управление по только что подписанному императрицей Екатериной II манифесту. Схема выборов была непростой: вначале жители выбирали 105 избирателей; те, в свою очередь, выбирали из себя городского голову, депутата в комиссию для составления нового уложения законов России и пятерых человек для составления наказа этому депутату. Публика собиралась с утра.

«Январское утро (15 января 1767 года) только-что забрезжило, только стал загораться ярким красным сиянием восток. Морозило. В тихом предутреннем воздухе звучно раз-

давались шаги одиноких прохожих. На ближайшей высокой колокольне церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, помещавшейся на месте нынешнего Казанского собора, звучно ударил сторож полчаса, — заиграли куранты. Была половина восьмого утра, и, несмотря на такой ранний час, широкий высокий подъезд графского Строгановского дома на Невской перспективе у Полицейского моста был уже раскрыт настежь. К подъезду одна за другой подъезжали кареты цугом. Форейторы с гиком останавливали цуг кровных рысаков, с запяток поспешно соскакивали рослые гайдуки, отворяли вызолоченную с резьбой снаружи (и с живописью буколического сюжета — изнутри) дверь кареты и, бережно поддерживая под локти, ввозили владельца кареты на ступеньки подъезда. Дверь кареты захлопывалась, медленно поворачивался цуг, пищали колеса по снегу, и экипаж, не спеша, заворачивался на нынешнюю Мойку, тогдашнюю Мью, где и становился в очередь. Вскоре вся набережная Мойки была заполнена ожидающими экипажами».

Так описал съезд петербуржцев на первые выборы Петр Николаевич Столпянский.

Войдя во дворец, гости проходили в большую залу, делали низкие поклоны портрету императрицы Екатерины II и рассаживались на бархатных стульях и скамьях. На столе под портретом императрицы стояли баллотировочные ящики, а рядом с ними, в больших драгоценных вазах, были сложены шары для баллотировки: черные и белые. Собрались все с утра, а выборы закончились только к трем часам дня. Первым избранным оказался граф Алексей Орлов — будущий победитель боя при Чесме... Вслед за ним были названы семнадцать избирателей «городского головы и депутата в комиссию» от жителей первой Адмиралтейской части столицы. А через двенадцать дней избиратели всего Петербурга называли городского голову. Им стал генерал-майор Николай Иванович Зиновьев, до той поры — столичный обер-комендант. Власть осталась в прежних руках...

И последнее дополнение к истории Строгановского дворца. Исследователь литературного Петербурга Юрий Раков считает, что многочисленные мужские профили, повторяющиеся в медальонах под окнами второго этажа дворца, являются автопортретом знаменитого зодчего графа Растрелли. Версия эта оспаривается.

Граф Александр Строганов (С картины А. Г. Варнека).

Этот богатейший человек был поистине неутомимым эпикурейцем и гурманом и стремился наслаждаться жизнью, насколько позволяли средства. А они позволяли; недаром Екатерина II, представляя Строганова австрийскому императору, сказала: «Вот вельможа, который целый век хлопочет, чтобы разориться, но не может».

Невский пересекает Мойку, последнюю водную преграду на нашем пути, по Полицейскому мосту (он же — Зеленый, Народный). В истории этой переправы немало примечательных подробностей: можно начать хотя бы с того, что в первые годы XIX века она была — впервые в России! — построена из чугуна. Разумеется, мост существовал тут и раньше, но деревянный, а одно время даже подъемный (разводной). В 1844 году мост на пробу замостили невиданным асфальтом, и Фаддей Булгарин, живший совсем рядом, восхищенно описывал новое мощение в «Северной пчеле». Из числа курьезов эпизод, относящийся к 1870 году. Купец Герман Молво подал в Городскую думу свое предложение перестроить мост и устроить по обе его стороны теплые павильоны «для торговых помещений и теплых ватерклозетов». Хотя ватерклозетов в столице традиционно не хватало, Дума отказалась от купеческого проекта.

Решение это, судя по всему, было явно ошибочным. Воспоминания художника Юрия Анненкова мельком упоминают о последствиях отсутствия на мосту ватерклозетов... Ранним октябрьским утром голодного и холодного 1919 года Анненков и Андрей Белый возвращались с вечеринки.

«На мосту, над каналом — пронзительный снежный ветер, снежный свист раннего утра, едва успевшего поглубеть. Широко расставив ноги, скупающий милиционер с винтовкой через плечо пробивал мочой на голубом снегу автограф: «Вася».

— Чернил! — воскликнул Белый. — Хоть одну баночку чернил и какой-нибудь обрывок бумаги! Я не умею писать на снегу!

Седые локоны по ветру, сумасшедшие глаза на детском лице, тряпочки: худенький, продрогший памятник у чугунных перил над каналом.

— Проходи, проходи, гражданин, — пробурчал милиционер, застегивая прореху.

Записки мечтателей...»

В прошлом моста — и два драматических эпизода.

...8 сентября 1859 года Петербург был оживлен. Наследник престола, будущий император Александр III, встречал в

этот день свою невесту, принцессу Дагмару. Город был иллюминирован; толпы народа всех сословий высыпали на Невский. В какой-то момент особенно много публики скопилось на Полицейском мосту. И тут — перила не выдержали, упали в прохладные воды Мойки, и вслед за ними в воде очутилась масса людей. Официально сообщали, что вытащить удалось всех — но кто знает, насколько точны эти данные? Никому ведь не хотелось омрачить праздник наследника человеческими жертвами...

Вторая история последовала полвека спустя.

Павел Александрович Крушеван, издатель из Бессарабии, приехал в Петербург в 1903 году. Поселился он в Большой Морской улице, недалеко от дома № 15 по Невскому, а обедать ходил в популярнейший ресторан «Медведь» в Большой Конюшенной. Путь его пролегал как раз через Полицейский мост.

Обычная жизнь обычного издателя (в Петербурге Крушеван выпускал газету «Знамя»). Необычной была лишь сама личность Крушевана — журналиста-погромщика, прославившегося злостным антисемитизмом. В своем «Знамени» он впервые напечатал знаменитую фальшивку «Протоколы сионских мудрецов», озаглавив ее по-своему: «Программа завоевания мира евреями». Вышла в свет эта историческая публикация 28 августа 1903 года, а полтора месяцами раньше произошло шумное событие.

4 июня Крушеван направлялся в «Медведь», но на Полицейском мосту дорогу ему преградил молодой человек. Это был студент Киевского политехнического института Пинхас Дашевский. Крушеван не успел даже разглядеть студента, когда тот вынул нож и ударил издателя в шею. Но — сказало отсутствие у Дашевского опыта: нож только скользнул по крахмальному воротничку и нанес Крушевану небольшую рану. Дашевский был схвачен; Крушевана бережно повели в аптеку за первой медицинской помощью. Узнав, что аптекарь — еврей, Крушеван от помощи отказался: боялся, что отравят.

24-летнего Дашевского судили и приговорили к пяти годам арестантских рот. Через три года «по высочайшему повелению» он был выпущен на свободу досрочно, но без восстановления в правах. То, что не сделал император, довел до конца «вождь и друг всех народов»: уже в советское

время Дашевский был уличен в сионизме, и в 1934 году умер в лагере.

А что же Крушеван? Его антисемитский пыл от происшествия на мосту только вырос. Он требовал для Дашевского смертной казни, и продолжил борьбу с «еврейским засильем». Жил в подозрении постоянной осады, с оружием в руках, и всюду возил за собой собственного повара, боясь отравления. Был депутатом Государственной думы. Умер же в 1909 году в Кишиневе. Евреи оказались ни при чем: подвело сердце.

В истории имя Крушевана осталось символом антисемитизма; считают, что именно его опусы в кишиневской газете «Бессарабец» послужили толчком к страшному еврейскому погрому в Кишиневе 6—7 апреля 1903 года. А если так, то на совести Крушевана 45 убитых, 86 раненых и калек...

Петербургское ауто-да-фе

Покушение на Крушевана напоминает о том, что перекресток Невского и Мойки оказался волей судеб примечательным местом еврейской истории Петербурга.

...Дома № 15 по Невскому, в котором находится нынче кинотеатр «Баррикада», во времена Анны Иоанновны не было и в помине. На месте его находился Гостиный двор. Именовался он Новым — потому, что старый был возведен еще при Петре Великом на Троицкой площади, у Невы. В один из майских дней 1738 года рядом с Новым Гостиным двором готовили место для казни. Для острастки и урока от Адмиралтейства пригнали служилый народ. Впрочем, мужики и сами собирались кругом: все же — зрелище, какое-то разнообразие в монотонной трудовой жизни. Приговоренных вели солдаты; после пыток они шли с трудом. Один подбадривал другого, совсем уже павшего духом. Наконец, их возвели на костер, пламя зажгли... Далеко разнеслись искры, ясно свидетельствуя о том, какое просвещение принесла в Россию императрица Анна Иоанновна.

В чем же были виновны два несчастных человека, сожженные 15 мая 1738 года? Откупщик из Смоленской губернии Борох Лейбов часто ездил по своим торговым делам

в Москву и там познакомился с отставным капитаном-поручиком Александром Возницыным. Они подружились. А потом капитан-поручик тайно поехал с другом в Польшу, где принял иудаизм.

Тайну заподозрила жена Возницына: ее муж стал вдруг молиться, повернувшись лицом к стене, да и за столом ел не все. А однажды капитан-поручик повыбрасывал все иконы из домашней часовни в реку.

Такого святотатства жена стерпеть уже не могла. Донос сделал свое дело; друзей арестовали и доставили в Петербург. Возницына пытали. «Жидовская ересь» вызывала опасение в верховных кругах; повелено было поэтому отнестись к «преступникам» со всей строгостью. Что и последовало.

Шумная жизнь старого дома

Сохранившийся до наших дней дом № 15 известен как дом Николая Ивановича Чичерина — петербургского генерал-полицмейстера эпохи Екатерины II. Оттого, кстати, Полицейский мост и получил свое имя.

До чичеринского дома (и после Гостиного двора) здесь, на этом месте, стоял деревянный Зимний дворец. Он строился для императрицы Елизаветы Петровны и был огромен, со множеством роскошных помещений. Главный подъезд дворца выходил на угол Невского и Мойки; вдоль Невского шли внутренние покои, в которых жили наследник Петр Федорович и его супруга Екатерина Алексеевна — будущая императрица Екатерина II. Легенда гласит, что именно из окон своих покоев Екатерина впервые увидела статного гвардейца Григория Орлова, жившего в домике напротив. Орлов стал вскоре любовником Екатерины, а затем сыграл (вместе со своими братьями) решающую роль в восшествии Екатерины на престол... В своем Зимнем дворце Екатерина и умерла; случилось это в декабре 1761 года, и было ей лет — 52.

Дом Чичерина строили в первые годы екатерининского царствования; потом владелец его умер, и дом стал менять хозяев одного за другим. Князь Алексей Куракин, банкир и откупщик Абрам Перетц, торговавший солью (о нем шутили:

«Где соль, там и Перетц»), один из сыновей которого, Григорий Перетц, стал единственным евреем среди декабристов и первым евреем среди русских революционеров. Григорий был членом Союза благоденствия. В Северном обществе, правда, он не состоял и в восстании на Сенатской площади не участвовал (даже наоборот, предупреждал власти о возможном «возмущении»). Потому и отделался ссылкой в Пермь... А младший брат Григория, Егор Абрамович Перетц, стал в 1878 году государственным секретарем России, а затем — членом Госсовета.

От Абрама Перетца дом перешел к купцу Андрею Косиковскому, владевшему им довольно долго — почти всю первую половину прошлого века. Затем хозяевами дома стали купцы братья Елисеевы...

В пушкинское время в доме со стороны Невского проспекта находились помещения знаменитого ресторана «Talon», упомянутого в «Евгении Онегине». Позже «Talon» сменился рестораном француза Фельета, в котором Пушкин тоже бывал.

В доме было несколько квартир; сдавались внаем меблированные комнаты. Еще в 1780 году в них поселился только что прибывший в Россию молодой архитектор Гваренги. Он прожил здесь три года; тут к нему пришли первые успехи. А позже — в пушкинские годы — здесь жили издатель и журналист Николай Греч, будущий декабрист Вильгельм Кюхельбекер, дипломат и поэт Александр Грибоедов.

Связано с этим домом и имя французской актрисы Жорж, «звезды» сцены прошлого столетия. Но славу ей снискали не только актерские способности...

29 ноября 1802 года в одном из парижских театров давали «Ифигению» — старую пьесу классического репертуара. К началу спектакля прибыл первый консул республики, генерал Бонапарт. Он не собирался сидеть в театре долго, но неожиданное обстоятельство помешало ему уйти пораньше. Юная красавица, четырнадцатилетняя Маргерит Жозефин Жорж играла великолепно, хотя спектакль был ее парижским дебютом. Успех пресса назвала «чудовищным», а генерал Бонапарт стал с этого дня поклонником юной актрисы. И скоро, как утверждают современники, добился взаимности. Всеведущие журналисты поспешили подать новость претенциозно: «Спутник Марса стал спутником Венеры».

Увы, переменчивое сердце генерала недолго принадлежало актрисе. Расставание омрачилось еще и грубым поступком бывшего ее возлюбленного. Жорж попросила у Бонапарта — уже императора — его портрет. «Вот, возьми, — говорят, я тут похож», — ответил Наполеон, протягивая женщине золотую монету со своим изображением.

Впрочем, долго Жорж не тосковала. Молодой флигель-адъютант русского двора Александр Бенкендорф стал ее новым покровителем. Парижская публика еще ждала появления Жорж на одном из спектаклей, а она уже мчалась в почтовой карете в Петербург...

В российской столице Жорж ждали новые победы. Публика рукоплескала ее успехам на сцене. Мужчины были от нее без ума. На смену Бенкендорфу (будущему шефу жандармов) пришел Нарышкин, а затем, по утверждению одного современника, и император Александр I... Начавшаяся вскоре Отечественная война изменила ее планы: Жорж решила вернуться во Францию. Но не успела: разрешение на выезд было получено уже после поражения Наполеона.

Карьера актрисы закатилась быстро. По возвращении в Париж она выказывала верность Наполеону, что вызвало в публике негодование. Драматическая сцена для нее закрылась, остались одни мелодрамы. Через четверть века ее видел в Париже князь Вяземский, спешивший встретиться со знаменитой красавицей, покорившей столько сердец. «Увидев ее, я ахнул: передо мной стояла какая-то старая баба-яга, плотно оштукатуренная белилами и румянами...»

Но причем же здесь дом Косиковского? Именно в нем жила Жорж накануне своего возвращения во Францию, и именно этот дом как бы подвел черту под ее славой и успехами. Петербуржцам запомнилось, что в дни празднования победы над Бонапартом, когда вся столица была иллюминирована, одна только квартира выделялась темными окнами. Это была квартира Жорж в доме на Невском...

В июне 1825 года в доме Косиковского появился еще один иностранец, снискавший в Петербурге известность и славу. Это был венецианец Антон Росси — возможно, родственник великого зодчего Карла Росси. Под его руководством пятьдесят пять мастеров соорудили точнейшую модель Петербурга в масштабе 1:240, на которой были изображены мельчайшие детали облика города. Дома делались из карто-

на, крыши из свинца, мосты и колонны из дерева, Нева и каналы из белой жести, скульптуры из алебаstra. Предусмотрительный Росси сделал свой макет складным: город был разделен на несколько квадратов, каждый из которых изготовлялся на отдельной доске. Их можно было собрать и разобрать. Когда модель была почти полностью готова (а случилось это, как уже было сказано, летом 1825 года) Росси выставил ее в одном из залов дома Косиковского. Увы, предприимчивому итальянцу не повезло: скоро начался процесс над декабристами, обществу стало не до развлечений, и зрителей нашлось не слишком много. Поэтому Росси через год (когда интерес к модели иссяк) отправился с макетом в путешествие по Европе. Побывал в Берлине, Гамбурге, Париже — везде с успехом. Конец его пути теряется в тумане; есть лишь предположение, что макет его попал в конце концов в Британский музей. Но так ли это?

С двадцатыми годами прошлого века связана и еще одна примечательная черта здания: в нем находилась тогда «Контора частных должностей» — прообраз Биржи труда. Сюда со всей столицы сходились иностранцы и русские: гувернеры, архитекторы, переводчики, костоправы, бухгалтеры, печатники, певчие... Обслуживание было платным — ищущий работу платил авансом полпроцента от требуемого им годового жалования, а обращающийся потенциальный наниматель платил один процент. Если договор заключался, деньги вносились дополнительно: от работника еще два процента, от работодателя — три процента. Такие условия не отпугивали желающих получить место...

О доме Чичерина-Косиковского-Елисеевых можно рассказать многое. Упомянем еще несколько подробностей. В XVIII веке здесь находился первый в столице Музыкальный клуб. В пушкинские годы в доме работал издатель А. Плюшар, владелец лучшей в Петербурге типографии и издатель знаменитого «Энциклопедического лексикона» — первой, хотя и не завершенной, русской энциклопедии. Позже — известнейшее в столице Благородное собрание. В начале советского времени здесь помещался знаменитый «ДИСК» — Дом искусств, коммуна писателей и художников. Быт Дома искусств, необычайно колоритный и интересный, описан Ольгой Форш в книге «Сумасшедший корабль». Тут жили Осип Мандельштам, Александр Грин, Владислав Ходасевич,

Николай Гумилев, Вячеслав Иванов, Николай Тихонов и многие другие. Здесь создавались произведения многих из них — например, Грин закончил свои «Алые паруса».

Главная достопримечательность нынешнего дома — кинотеатр «Баррикада» — открыт был в 1920-е годы под названием «Светлая лента». В те годы кино оставалось еще немым и фильмы шли в сопровождении музыки, исполнявшейся тапером. В «Светлой ленте» некоторое время таким «пианистом-иллюстратором» служил молодой студент Консерватории, игравший частенько необычную музыку, мало подходившую под течение кинодрам и отвлекавшую внимание зрителей от экрана. За это его и уволили. Студентом был Дмитрий Шостакович, сильно тогда бедствовавший после смерти отца.

Об известных персонах (не только восковых)

История дома № 18 разнообразием не уступает прошлому его соседа. Краткости ради мы не будем подробно расписывать бытие этого участка до появления нынешнего желто-белого здания в классическом стиле. Упомянем лишь, что владел находившейся тут ранее постройкой портной Нейман, а бывали и живали тут разные пестрые личности — савояры, врачи, искатели удачи. Процветал здесь в восемнадцатом веке кабинет восковых скульптур — первый в России. В нем можно было видеть «персоны» из числа царствовавших тогда в Европе семей; притом (это подчеркивали отдельно) одеты скульптуры были в подлинные одежды августейших особ, кабинету подаренными. Хозяева кабинета, французы из Савойи, гордо заявляли, что их восковые персоны «с живыми лицами, кои сим художеством представляются, весьма трудно распознать». Распознать — то есть отличить от живых.

Облюбовали дом и виноторговцы, не съезжавшие потом отсюда долго. Близость Морских слобод (отсюда и названия улиц, к которым мы подойдем) создавала обширную клиентуру: моряки никогда не славились трезвостью.

В начале прошлого столетия для купца Котомина дом

перестроил зодчий Василий Стасов, и в этом облике он сохранился до сегодня.

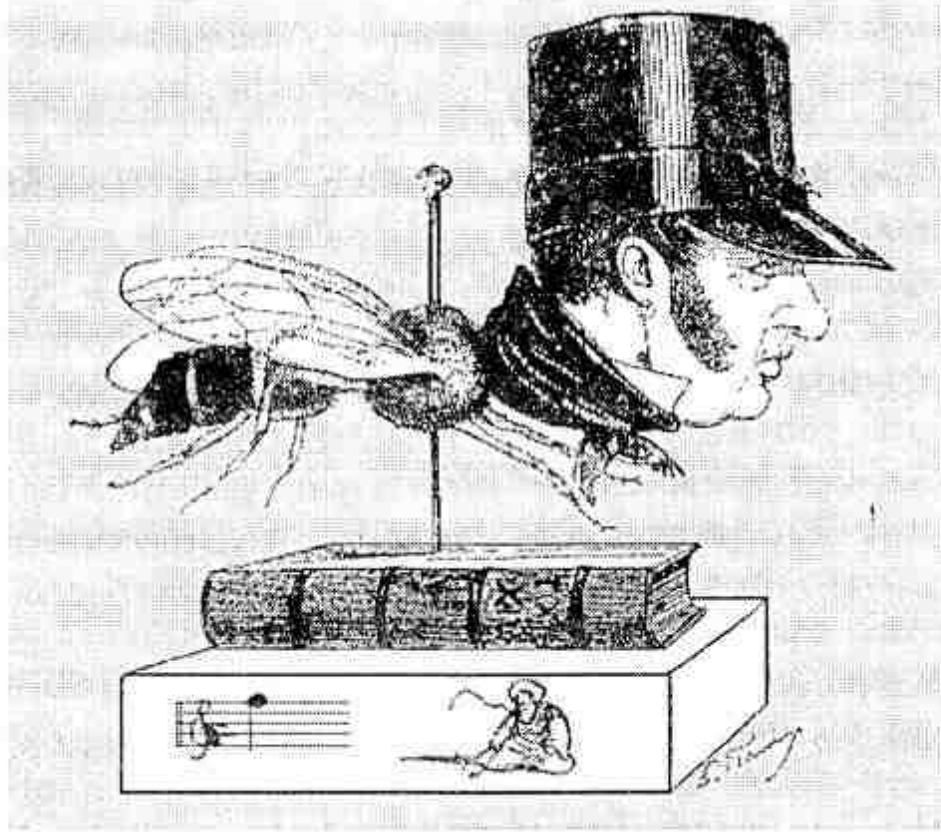
История обновленного дома связана с выдающимися именами. Но были здесь и персонажи не очень уважаемые.

Некоторое время жил тут Фаддей Венедиктович Булгарин — журналист, писатель, издатель пушкинской поры, о котором стоит вспомнить подробнее.

Булгарину не повезло: его презирали. Дурные ли качества сангвинической натуры сыграли в этом свою роль? Или путаная биография, окрашенная в авантюристические тона, дала повод к нелюбви?

Сын польского шляхтича, Булгарин был десятью годами старше Пушкина. С Уланским полком он воевал в 1806—1807 годах против французов, заслужив орден Анны третьей степени. Неосторожная эпиграмма, а затем и еще скандалы повлекли за собой переводы в другие полки, а потом увольнение из армии «по худой аттестации». Он нищенствовал, сильно пил и, по слухам, даже воровал. Когда такая жизнь надоела, перебрался в Париж, где вступил в Польский легион войск Наполеона. С ним участвовал в походе на Россию. Воевал и с русскими неплохо: к 1813 году дослужился до звания капитана 7-го легиона французских улан. Такова была предыстория его славы... А в 1825 году он совместно с Николаем Гречем начал главное дело своей жизни — выпуск газеты «Северная пчела».

Сомнительность биографии и, вследствие этого, подозрение к нему со стороны правительства, побуждали Фаддея Венедиктовича лавировать между двумя лагерями. Сочувствуя либеральному движению, он усиленно выражал и верноподданические чувства. П. А. Вяземский записал в 1824 году в дневнике: «Булгарин и в литературе то, что в народах: заяц, который бежит между двух неприятельских станов». Булгарин писал записки и доклады в Третье отделение, которые в некоторых случаях доходили до императора. В них он освещал секреты литературной жизни, попутно преследуя свою цель — процветание «Северной пчелы» с помощью дискредитации ее конкурентов. Это удавалось. В 1820—1830-е годы его газета была самой популярной в России и тираж ее достигал невиданных размеров — от 4,5 до 10 тысяч экземпляров. Сам Булгарин стал популярнейшим фельетонистом и критиком. Он снискал славу едва ли не первого в России

Фаддей Булгарин (Карикатура из журнала «Листок для светских людей»).

...Булгарин стал популярнейшим фельетонистом и критиком. Он снискал славу едва ли не первого в России исторического беллетриста... Но сам он своими поступками подрывал к себе доверие. Казалось, литераторы делились для него на две группы: конкуренты и все остальные. На первых выливал ушаты грязи, а вторых оценивал снисходительно, даже похваливал.

исторического беллетриста. Да и правительство оценило его услуги: дважды он получал синекуры — выгодные «места» без особых служебных обязанностей. Забавной была вторая должность: член-корреспондент специальной комиссии коннозаводства. В ней Фаддей Венедиктович пробыл 13 лет и был уволен в немалом чине действительного статского советника...

Популярность Булгарина в 1830-е годы росла. Но сам он своими поступками подрывал к себе доверие. Казалось, литераторы делились для него на две группы: конкуренты и все остальные. На первых выливал ушатy грязи, а вторых оценивал снисходительно, даже похваливал. Появление «Литературной газеты» — конкурента «Северной пчелы» — вызвало разрыв отношений Булгарина со всеми ее сотрудниками: Пушкиным, Вяземским, Дельвигом и другими. Подобных примеров множество. Недруги его в долгу не оставались; один только Пушкин написал больше десятка эпиграмм и статей в его адрес. Сам Булгарин жаловался в мемуарах, что «все журналы в течение двадцати пяти лет начинали свое поприще, продолжали и кончали его — жестокою бранью против моих литературных произведений». Добавим: и против него самого.

Когда в сентябре 1859 года он умер, пресса отреагировала на это почти полным молчанием. Да и какой реакции было ждать, если уже тогда фамилия Булгарина стала синонимом неразборчивого в средствах журналиста? Лишь некоторые отзывы признавали за ним заслуги; «Современник» отметил, что Булгарин «хоть вкривь и вкось давал умственную пищу своим многочисленным читателям» и за время своих трудов по «крайней мере десять тысяч человек приохотил к русскому чтению».

...Булгарин отличался тем, что беззастенчиво хвалил в своей «Северной пчеле» нужных и приглянувшихся ему людей, полезные для него организации. Одним из его журналистских протеже стал зубной врач Давид Валленштейн, проживавший в доме Котомина с 1827 года.

Как только Булгарин не воспевал удобного соседа! «Г. Валленштейн весьма скуп на чужие зубы и говорит: вырвать легко, но вырастить зуба нельзя; а потому вырывает в крайней необходимости. Пломбирует он удивительно золотом и разными массаами и вставляет весьма ловко искусственные

зубы превосходной парижской работы...» А также, отметив огромное количество дантистов в столице, добавлял: «Всем этим господам мы свидетельствуем свое почтение, не оскорбляем их ни словом ни намеком, и рекомендуем зубного врача Давида Валленштейна...» Столь явная реклама заканчивалась обычным для Булгарина уведомлением: «Говорим истину, побуждаемые чувством признательности к г. Валленштейну и по непоколебимому нашему правилу извещать наших читателей о всем полезном». О чувстве признательности сказано было к месту: Валленштейн лечил зубы издателей «Северной пчелы» и всех их домочадцев. Надо думать, — бесплатно!

Вспомнив о Валленштейне, нельзя не привести интересных сведений о других зубных врачах старого Петербурга. Родоначальником их по праву может считаться основатель нашего города, император Петр I: он страстно любил рвать своим приближенным больные зубы.

Квалифицированных дантистов, однако, в Петербурге не было долго, и первым из них стал француз Жерольди, прибывший ко двору Анны Иоанновны. Он вычистил зубы императрице и герцогу Бирону и получил за это немалое вознаграждение. Анна уплатила ему за хлопоты 600 рублей; немало платили и последовавшие ее примеру придворные. Сами вельможи зубов тогда, видимо, не чистили — ни по утрам, ни по вечерам, ни вообще когда-либо...

В 1775 году в российскую столицу прибыл парижский дантист Ле Нуар, первым из питерских врачей объяснивший свои методы лечения зубов. Ле Нуар впервые делал свинцовые пломбы; он же вставлял искусственные зубы и знал, как сообщала реклама, «от всякой зубной нечисти хорошие способы».

В пушкинское время петербуржцев удивил некто Самуэль Бернд, привезший с собой способ заделывать пустые зубы пломбами из золота. Разумеется, способ этот стал в свете очень популярен.

Попадались и шарлатаны. Еще в восемнадцатом веке некий Бахерахт объявил о своем способе лечения зубов с помощью магнита, излечивающего, якобы, все боли. В следующем столетии преемником Бахерахта стал поручик Бородин, лечивший зубы паром. Для этого он держал голову пациента закутанной над жаровней, посыпанной каким-то по-

рошком. После этого приговаривал: «Посмотрим, сколько же червяков вышло из больного зуба?» Червяков выходило, похоже, немало, и в месяц Бородин зарабатывал до семи тысяч рублей.

Были в Петербурге, разумеется, и хорошие врачи. Один из них, известный в середине прошлого века дантист Вагенгейм, — предок известного писателя и поэта Константина Вагинова.

...Главной достопримечательностью дома Котомина на протяжении многих лет было знаменитое кафе Вольфа и Беранже. Оно появилось в Петербурге, вообще-то, еще в XVIII столетии. Тогда компаньоном Вольфа был не Беранже, а некий Валлот (Беранже присоединился уже после смерти Валлота)... В этом доме на Невском кафе обосновалось в первом году девятнадцатого столетия.

Заведение привлекало к себе внимание диковинными сладостями. Здесь покупали сахарные корзиночки и яйца «с женскими перчатками внутри», многочисленные пасхальные яйца, а также «праздничные» яйца — например, к взятию Очакова, к взятию Бендер, к победе над Измаилом (на яйцах изображались сцены боевых действий). А вот еще неполный перечень того, что можно было найти в кондитерской: фрукты в сахаре, ромовые и ликерные конфеты, «пирамидальные вазы, храмы, корзинки, гитары из безе и пирожного, сахарные купидоны, карикатуры, лошади, рыцари, бюсты и портреты знаменитых людей, сделанные из сахара и шоколада». Немудрено, что публика валом валила за такими чудесами.

Захлебывалась от восторга и «Северная пчела» (похоже, что и сласти доставались Булгарину «безденежно») — особенное умиление вызвали сахарные яйца с изображениями букв русского алфавита. «Дитя с радостью заучит звуки букв, когда ему дадут сахарные изображения с правом их скушать!»

В пушкинские годы кафе Вольфа и Беранже было знаменито. И еще больше прославилось в 1837 году: именно отсюда Пушкин со своим секундантом Данзасом отправился на роковую дуэль. А позже здесь собирались литераторы, журналисты, читали свежие газеты (в кафе их традиционно было много), беседовали. Вскоре после кончины Пушкина «у Вольфа» тайно читали стихотворение Лермонтова на смерть поэта...

В середине прошлого века кафе Вольфа и Беранже закрылось. Но место не пустовало: его занял популярный ресторан «Альберт». А в другом крыле дома появился ресторан «О. Лейнер». Он связан с трагическим преданием: здесь выпил сырой воды Петр Ильич Чайковский, и это послужило началом его смертельной болезни — холеры. Скорее всего, это легенда: вряд ли в роскошном ресторане могли подать сырую воду. Да и вообще обстоятельства смерти Чайковского до сих пор неясны и вызывают массу споров. Есть версия, что он покончил жизнь самоубийством.

«Насчет ужина он был распорядителен...»

Апрельский день 1846 года. Двое молодых людей зашли «к Вольфу», чтобы почитать свежие газеты. Особенно интересных новостей не было, и на чтение хватило пяти минут. Один из пришедших встретил неожиданно своего знакомого и разговорился с ним; другой, не дожидаясь конца беседы, вышел на улицу. Пошел он неторопливо в сторону Адмиралтейства, к началу Невского. У Большой Морской улицы его нагнал недавний собеседник его приятеля.

«Какая идея Вашей будущей повести, позвольте спросить?» — обратился тот неожиданно. Ответ был немногосложен, и разговор как-то завял, не успев начаться. Дойдя до Малой Морской, спутники расстались. Но им было суждено встретиться еще не раз и сыграть в судьбах друг друга немалую роль...

Повесть в то время писал Федор Михайлович Достоевский, его приятелем был молодой поэт Алексей Николаевич Плещеев, а неожиданным собеседником Плещеева и Достоевского — Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский.

Личность Петрашевского отражена в нашей истории тенденциозно. Кружок его был похож не на революционные подпольные сходки, а на кухонные разговоры наших «шестидесятников». Однако обычно утверждают обратное.

«...В Петербурге ходили слухи, будто некоторые из них решили заколоть государя кинжалами в ночь на 21 апреля (3 мая) 1849 г. в публичном маскараде, который устраивался

в зале дворянского собрания, и будто в этот вечер должна была быть лотерея, для чего они приготовили уже и билеты, на которых написаны были призывы к восстанию... Передавали, что государь сказал коменданту Царского Села: "Представь себе, эти чудовища хотели не только убить меня, но и уничтожить всю мою семью!"»

И другая цитата: «Чаю и что следует к чаю было всегда довольно; в особенности насчет ужина он (хозяин) был распорядителен: телячьи котлеты с зеленым горошком, поросенок под сметаной, а иногда блюдо дичи, в заключение пирожное и что следует к ужину в приличном количестве».

Поросенок под сметаной — и кинжалы, призывы к восстанию? Все это — о «клубистах», коих принято именовать «петрашевцами» по имени хлебосольного их хозяина М. В. Петрашевского.

Самого Михаила Васильевича приятель его описывал: «...полный собою, весьма крепкого сложения, брюнет, на одежду свою он обращал мало внимания, волосы его были часто в беспорядке... во взоре его более всего выражались глубокая вдумчивость, презрение и едкая насмешка...»

Петрашевский был крестником императора Александра I (Николай I приговорил потом к смерти крестника своего старшего брата!), но детство у него выдалось несладким. Сестра Михаила назвала свою мать в мемуарах «особой крутого характера», а историк Семевский сухо отозвался: «антипатичная старушка». Отец умер рано. Выскользнув из-под родительского крыла и попав при этом в стены престижного Лицея, Михаил Петрашевский принялся «вытудивать эксцентрические штуки», поражая всех «нелогичностью своих слов и поступков». Вел себя вызывающе и старался насолить начальству любой ценой: например, курил в Лицее, тогда как и сам никогда прежде не курил, да и в Лицее это было запрещено. «Ни с кем не дружился».

В университете Петрашевский знакомится с учением утопического социализма. Пишет труды, в которых, по замечанию историка Бориса Егорова, «заметно стремление не столько анализировать... сколько выразить идеалы» — обычная практика незрелого резонера! Позже берется за юридическую практику, но компаньон через какое-то время отказывается от сотрудничества с ним из-за неумения Петрашевского вести дела.

Карьера не удалась, недовольство и обида копились. Учение социалистов, пришедшееся Петрашевскому по сердцу, давало выход чувствам, поддерживало и укрепляло презрение ко власти имущим. Этому учению он посвятил свое время. И не мог удержаться от того, чтобы мыслями своими не делиться с собеседниками.

Но тут обычно ставят неверный акцент. Собрания у Петрашевского не концентрировались вокруг революционной пропаганды; более того, пропаганды не было и вовсе. Главной целью встреч было желание высказаться, поговорить, поспорить. Шли также ради самообразования; привлекала библиотека Петрашевского — многие тома сочинений философов и, разумеется, социалистов. Были разговоры, были лекции, горячие обсуждения наболевших экономических и политических проблем, веселые застолья. После того, «что следует к ужину», разговор, разумеется, оживлялся, споры обострялись, мысли и слова приобретали резкий характер.

Не забудем: николаевское время — «чугунное», строгое — позволяло все же вести в обществе разговоры на социально-политические темы. Даже в аристократических салонах поговаривали о пользе перемен. И хотя Петрашевский проявлял на своих собраниях изрядную осторожность, допуская возможность слежки, даже он не видел в беседах «криминала». В этом он был прав — но одновременно и ошибался.

Ошибался потому, что не знал всего о своих гостях. Прежде всего о четырех радикалах — Спешнев, Черносвитов, Катенев и Толстов — и о трех тайных агентах: Антонелли, Шапошникове и Нечаеве.

Спешнев горячо ратовал за создание тайного общества с целью переворота и даже написал его проект. Ему, кстати, внимал Федор Достоевский; он участвовал и в коллективном обсуждении у Спешнева планов (вернее, мечтаний) по созданию подпольной типографии.

18-летний Катенев играл в романтического злодея, и слова «жажду крови» повторял кстати и некстати. Что не удивительно: он болел психически, и уже во время следствия был признан помешанным. Изрядной экзальтацией отличался «петрашевец» Толстов (он был старше Катенева четырьмя годами). Разговоры о цареубийстве дополнялись его «откровениями» о железной дисциплине в тайном Обществе

(якобы уже существующем), где предателей казнят через три дня после преступления «подобно как мы с год назад сделали с одним рассказчиком, которому отрезали язык и отрубили руки»...

Как мог реагировать на донесения агентов император Николай I? Правление его началось с истории декабристов, и наверняка император был склонен к определенным ассоциациям. И что же? У декабристов сборища переросли в тайное общество, а затем в восстание. У Петрашевского — собрания налицо, общество зарождается, разговоры о цареубийстве уже идут. События развиваются так же — и даже с «опережением графика». Как же было не пресечь повторение давних событий, особенно в свете европейских революций!

...Аресты проводились ночью, с 22 на 23 апреля 1849 года, и следствие уже скоро дало результаты. «Презрение» Петрашевского к большей части окружающих проявилось и в его показаниях: «Что вам угодно, господа следователи, то и делайте, а перед вами стоит человек, который с колыбели чувствовал свою силу и, как Атлант, думал нести землю на плечах своих». Иногда он выражался еще определеннее: мысль его «стать во главе разумного движения в народе русском не была наподобие попытки Икара»; «нет солнца, которое бы могло опалить его крылья».

Большинство слухов на следствии сами собой отпали; стало ясно, что у Петрашевского не было ни заговора, ни организованного общества (тем более тайного), ни планов действия. Однако любое негативное высказывание об императоре, любая мысль или фраза о тайном обществе и о противостоянии власти учитывались и повышали вину обвиняемого. Двадцатилетний учитель Василий Головинский, оказавшийся у Петрашевского в одно из последних собраний и разразившийся там (в присутствии агентов) речью о бедах крестьян и необходимости их освобождения — был за это первоначально приговорен к расстрелу. И только потом был помилован и отправлен в рядовые.

История суда над петрашевцами общеизвестна. Двадцать один человек был вначале приговорен к казни, а после помилования все «отделались» кто каторгой, кто ссылкой, кто переводом в солдаты.

Так кто же они, петрашевцы? Они не были «революционерами». Это была группа молодых либералов, старавшихся

осознать главные, по их мнению, проблемы мира. И характерно, что после амнистии, последовавшей в 1856 году, ни один из них не проявил враждебности к властям: все были лояльны и верноподданные. Вспомним хотя бы Достоевского...

«Где милая Троя?..»

Помедлим переходить на другую сторону Большой Морской и взглянем влево, в глубину этой улицы. Недалеко от Невского она изгибается, и на углу хорошо видно громоздкое здание Текстильного института, построенное в 1930-х годах.

История возведения этого корпуса необычна. Еще до революции здесь предполагалось построить огромное здание Русского для внешней торговли банка — одного из крупнейших в стране. Банк объявил всемирный конкурс на проект нового здания. Первую премию получила фирма из Бельгии, однако ее проект осуществлять почему-то не стали. Строить в итоге начали только в 1915 году, и к моменту революций успели возвести только стены. Достаивать было уже некому, и дом несколько лет стоял без крыши и штукатурки, похожий на руины. В округе его прозвали «кошкиным домом» — здесь нашли себе приют бездомные кошки и беспризорники.

А поздним ноябрьским вечером 1920 года около этих руин прогуливались двое: актриса Ольга Гильдебрандт-Арбенина и увлеченный ею поэт Осип Мандельштам. Разговор почему-то зашел о Трое; Мандельштам сказал, что недостроенный этот дом напоминает ему троянские развалины.

— А вы помните роман Мордовцева о Трое? — спросила Арбенина. Мордовцев был известным историческим романистом, но литературными достоинствами его сочинения не слишком блистали. Мандельштам не любил его и роман о Трое не читал.

— Господи, конечно, нет! — ответил он.

Роман Мордовцева был посвящен младшей дочери троянского царя Приама. После разрушения города она по-

падает в Египет, живет там и плачет, вспоминая отчий дом и то, как они жили — троянская царская семья. Арбенина рассказала этот сюжет Мандельштаму, и того увлекла судьба троянской царевны.

Недостроенный дом, судьба царевны, разговор на вечерней прогулке — все это смешалось воедино и дало толчок к созданию великолепного стихотворения:

За то, что я руки твои не сумел удержать,
За то, что я предал соленые нежные губы,
Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать.
Как я ненавижу пахучие древние срубы!

Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко,
Никак не уляжется крови сухая возня,
И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.

Как мог я подумать, что ты возвратишься, как смел?
Зачем преждевременно я от тебя оторвался?
Еще не рассеялся мрак и петух не пропел,
Еще в древесину горячий топор не врезался.

Прозрачной слезой на стенах проступила смола,
И чувствует город свои деревянные ребра,
Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла,
И трижды приснился мужьям соблазнительный образ.

Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?
Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник.
И падают стрелы сухим деревянным дождем,
И стрелы другие растут на земле, как орешник.

Последней звезды безболезненно гаснет укол,
И серою ласточкой утро в окно постучится,
И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
На стогах, шершавых от долгого сна, шевелится.

Это стихотворение, посвященное Ольге Гильдебрандт-Арбениной, стало одним из шедевров русской лирики... А

Ольга Гильдебрандт-Арбенина
(Фото М. Наппельбаума).

...поздним ноябрьским вечером 1920 года около этих руин прогуливались двое: актриса Ольга Гильдебрандт-Арбенина и увлеченный ею поэт Осип Мандельштам. Разговор почему-то зашел о Трое...

Осип Мандельштам
(Фото М. Наппельбаума).

А первого января 1921 года, прослышав, что Арбенина выходит замуж за поэта Юрия Юркуна, Мандельштам зашел к Николаю Гумилеву. «Мы оба обмануты», — сказал он, и оба рассмеялись.

первого января 1921 года, прослышав, что Арбенина выходит замуж за поэта Юрия Юркуна, Мандельштам зашел к Николаю Гумилеву. «Мы оба обмануты», — сказал он, и оба рассмеялись...

Путешествие дилетантов

Два дома, стоящих по разные стороны Невского проспекта сразу за Большой Морской, связаны с роковыми любовными историями. В доме № 16, где ныне находится магазин «Искусство», в середине прошлого столетия жила Лавиния Бравура. Имя это, наверное, не говорит читателю ничего, хотя история жизни Лавинии известна многим. Она — прототип главной героини романа Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов».

...Почти век, с 1786 года, в этом доме находился большой Английский магазин, не один раз менявший хозяев. Это был первый в столице прообраз будущих универмагов или, по-современному, супермаркетов. Восхищенная провинциалка описывала его: «Английский магазин есть столица всех магазинов. Не знаю, почему он называется Английским, ибо в нем продаются русские, французские, немецкие и всякие товары...» Выбор товаров был велик: бриллианты и глиняная посуда, вино и платья, ткани и горчица, ковры и иголки, ружья и духи, шляпы и даже — «салат в банках»... «Непостижимое дело! — восклицала провинциалка, видя такое изобилие. — Мне кажется, что этот магазин должен называться не Английским, а универсальным».

Здесь закупались материалы и разные аксессуары для постановок знаменитых балетов Петипа в Мариинском театре, его посещали знать и «золотая молодежь». Неограниченный кредит имел в магазине Пушкин: после его смерти опека уплатила магазину долги на сумму 2015 рублей. Любил заходить сюда, особенно за рождественскими подарками для своей семьи, император Николай I. Под новый 1841 год царь застал здесь Н. Н. Пушкину, выбиравшую подарки для детей. Разговор их не был долг; император пожелал чаще видеть Пушкину на придворных балах.

Николай Павлович был равнодушен к красивым женщинам и не упускал случая увеличить свой «дон-жуанский» список. Потому так возмущил Пушкина намек на то, что император оказывал особые знаки внимания его жене; поводы для сомнения были, и прежде всего — репутация императора.

Захаживая частенько в Английский магазин, венценосец и представить себе не мог, что здесь, в этом доме, подрастает героиня нового его романа — и одного из самых шумных. То была Лавиния Бравура, падчерица управляющего магазином. В год встречи императора с Пушкиной Лавинии исполнилось только семь лет... События развернулись десятилетием позже.

В 1850 году Лавинию, красавицу «с жгучими глазами креолки и правильным лицом, как бы резцом скульптора выточенным из бледно-желтого мрамора», выдали замуж. Супругом ее стал двадцатидвухлетний купеческий сын Алексей Жадимировский. Счастья, однако, молодожены не ждали: Лавиния не питала к супругу нежных чувств, а он, видя ее равнодушие, стал обращаться с ней все грубее, запирает в комнатах или, наоборот, выгонять из дому к матери.

Единственным утешением были балы, на которых Жадимировская могла немного развлечься. Там и поджидала ее неожиданная встреча с императором. Государь оценил достоинства восемнадцатилетней красавицы и поручил сообщить ей о его высочайшем внимании. Мужу, возможно, императорский интерес сулил милости и блестящую карьеру, но Лавинии предложение не понравилось. Она отказала императору — и довольно-таки резко. Венценосец смирился с неуступчивостью красавицы, но недовольство затаил.

А вскоре Лавинию ожидала новая встреча. Она познакомилась с человеком, о котором слышала уже не раз, потому что репутация его была неоднозначной, а жизнь пестрой и шумной. Блестящий князь Сергей Трубецкой, отставной кавалергард, участвовавший в забавных и безумных проделках, опасно раненный на Кавказской войне, но не потерявший веселости и ловкости, поразил ее. И Лавиния потянулась к нему.

А Трубецкой, уже женатый беззаботный гуляка и сорви-голова, тоже был очарован Лавинией, которая оставалась еще, по свидетельству очевидцев, «сущим ребенком в душе».

Любовь вспыхнула неожиданно, и Лавиния не могла уже жить по-прежнему; она писала Трубецкому горестные письма и просила спасти ее от мужа, который, по ее словам, желал или уморить ее, или довести до сумасшествия.

«Я любил ее без памяти, — писал позже Трубецкой, — положение ее доводило меня до отчаяния; — я был как в чаду и как в сумасшествии, голова ходила у меня кругом, я сам хорошенько не знал, что делать...»

Решение пришло неожиданно и случайно: бежать из столицы. В один из майских дней 1851 года у Английского магазина остановилась карета Трубецкого, в которой сидел его приятель; тут же в карету села вышедшая из дома Лавиния и сказала: «Ради Бога, быстрее» — и «путешествие дилетантов» началось.

Муж обратился в полицию; дело стало ходить по кабинетам и коридорам власти. Император был в отъезде, а замещавший его наследник Александр Николаевич отделывался презрительными резолюциями в адрес Трубецкого: «Я давно этого ожидал, ибо никакая мерзость со стороны князя Сергея Трубецкого меня не удивляет».

Власти действовали вяло до тех пор, пока император не узнал об этом деле. А узнав, повелел Третьему отделению разыскать беглецов и доставить в столицу отдельно. С Трубецким у него были еще и свои личные счеты: Сергей давно возмущал его своим беспутством, а брат Сергея Александр состоял фаворитом супруги Николая...

Гонцы разъехались по России, прожигая казенные деньги, которых было потрачено 2272 рубля 72 ⁵/₇ копейки серебром. Уже за Тифлисом беглецов настигли. Лавиния и Сергей Трубецкой не провели вместе и месяца: они бежали 5 мая, а закончилось путешествие 3 июня.

А дальше был высочайший гнев. Лавинию «сдали» матери под расписку. Трубецкой оказался в Петропавловской крепости и был выпущен из нее уже не князем и при том — лишь рядовым. Дослужился он потом до звания подпоручика, а там последовала смерть монарха, и опального офицера уволили от службы «по нездоровью». Он уехал в имение под Муромом, а скоро уже к нему приехала туда красивая молодая экономка. Это была Лавиния...

Но счастье было недолгим. Через два года Сергей Трубецкой умер, а Лавиния в мае 1859 года, ровно через восемь

лет после бегства, получила заграничный паспорт и скоро навсегда уехала из России.

Вне этой истории жизнь их текла обыкновенно и пусто. До нее Трубецкой был бездумным повесой (и остался таким в глазах общества). После нее Лавиния жила вполне благополучно и пристойно: сначала женой графа Сухтелена, а затем супругой некоего итальянского маркиза. Только несколько лет жили Лавиния и Трубецкой друг ради друга, презрев обычные правила светской жизни, и эти короткие годы обессмертили их.

...В прошлом дома № 16 есть еще две заслуживающих особенного внимания страницы. В конце восемнадцатого столетия дом этот был столь же замечен в Петербурге, как сейчас — дом № 36 по Невскому, в котором размещается отель «Европа». Здесь находился самый роскошный, престижный и дорогой отель Петербурга — «Лондон». Впрочем, слова «отель» в тогдашнем обиходе не было, и хозяин «Лондона» немец Георг Гейденрейх называл его скромно: «трактир город Лондон»... В доме № 16 «Лондон» находился восемь лет во второй половине XVIII столетия, а затем переехал в самое начало Невского, в дом под нынешним номером 1, напротив Адмиралтейства. В последний год нахождения «трактира» в доме № 16 в нем гостил несколько дней некто граф Фалькенштейн. Под этим именем посетил Россию австрийский император Иосиф II, прибывший по приглашению императрицы Екатерины II. Бывали в «Лондоне» и другие высокопоставленные гости: «королевской датской посланник», константинопольский патриарх, наследный принц Гессен-Дармштадтский... Гейденрейх извещал горожан о том, что все его квартиранты остались довольны «Лондоном»: «их милостивое удовольствие как в квартире, так и в угощении оказали»...

А в начале нашего века здесь находилось заведение, известное в обиходе как Суворинский клуб — основанное издателем и журналистом Алексеем Сувориным Литературно-художественное общество. Клуб пользовался популярностью среди игроков; одним из постоянных банкометов был здесь Иван Федорович Манасевич-Мануйлов — человек, прозванный за свою пеструю деятельность «русским Рокамболом». Играл в Суворинском клубе и племянник графа Льва Толстого авиатор Кузьминский...

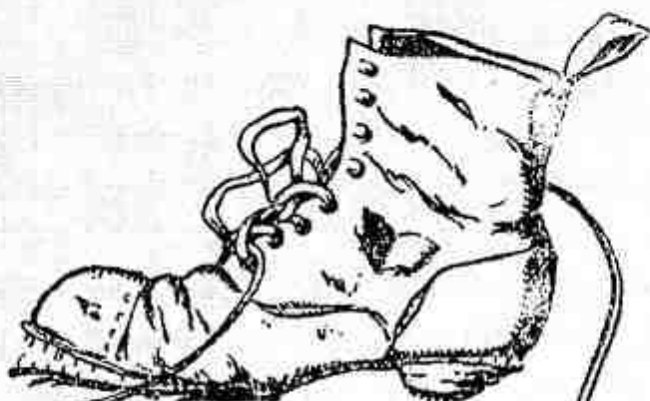
Впрочем, в доме этом не только играли в азартные игры. Здесь проходили концерты лучших петербургских артистов; здесь выступали с рассказами о своем творчестве Всеволод Мейерхольд и танцовщица Айседора Дункан. Под руководством Жозефины Полонской, вдовы поэта Якова Полонского и первой в России женщины-скульптора, тут же устраивались вечера памяти деятелей русской культуры...

Четверная дуэль

Трагический финал поджидал участников любовной истории, связанной с домом № 13, стоящим на другом углу перекрестка и именующимся обычно домом Чаплиных.

В 1817 году (Английский магазин напротив уже существовал, но Лавиния еще и не появилась на свет) здесь, в доме Чаплиных, держал квартиру молодой граф Александр Завадовский, сын одного из фаворитов императрицы Екатерины II. Граф был известным гурманом и жизнь вел веселую: у него частенько собиралась и кутила «золотая молодежь». Одним из ближайших приятелей Завадовского был тогда Александр Грибоедов, будущий автор «Горя от ума»; бывало, что он и жил по нескольку дней в этом доме у Завадовского.

Легкость нравов побуждала тогда молодых людей волочиться за знаменитостями; а в столице особенно блистала восемнадцатилетняя Авдотья Истомина, балерина и красавица. У Истоминой уже два года был почти официальный сожитель, кавалергард Василий Шереметев, с которым она частенько ссорилась. После одной из таких размолвок Грибоедов по просьбе Завадовского привез балерину сюда, в этот дом. И Завадовский, как говорила позже Истомина, «предлагал ей о любви, но в шутку или в самом деле, того не знает, но согласия ему на то объявлено не было»... Согласия не было, и Грибоедов отвез Истомину к ней домой. Но ревнивый Шереметев прознал про эту историю и имел неосторожность рассказать о ней своему другу, будущему декабристу и патологическому забияке Александру Якубовичу. Тот

ВОТЪ КАКОУ ВІДЪ

будуть имѣть Ваши башмаки послѣ напрасной бѣготки по конторамъ газетъ ради непосредственной славы объявленій.

Зачѣмъ это дѣлать, если безъ лишннихъ хлопотъ, За ту-же цѣну, но гораздо виднѣе и красивѣе, съ различными льготами Вы можете помѣстить объявления во всѣхъ газетахъ передавъ заказъ

Эд. Петцгольцъ

Контора Объявленій
Невскій пр. 13
тел. 82-99, 2-24-90

Реклама конторы «Эд. Петцгольцъ».

А в начале нашего века здесь помещалась контора объявлений Э. Петцгольца, ничем особым себя не проявившая. Запомнилась она необычной своей рекламой, публиковавшейся в столичных газетах.

посоветовал вызвать обидчика на дуэль. При обсуждении условий дуэли буйный Якубович успел поссориться с Грибоедовым; стреляться поэтому решили вчетвером: Шереметев с Завадовским и Якубович с Грибоедовым.

Дуэль была 12 ноября 1817 года, в понедельник. Шереметев получил смертельную рану в живот и на следующий день умер. Вторая пара стреляться не стала. Якубовича за подстрекательство к дуэли сослали на Кавказ, Завадовский уехал за границу, Грибоедов был послан с миссией в Персию. На беду, путь лежал через Кавказ, где он повстречал Якубовича, предложившего завершить дуэль. Грибоедов стрелял неудачно; Якубович же прострелил противнику кисть руки. После этого Грибоедов долго не мог играть на рояле.

В более поздние годы в доме Чаплиных жил брат Александра Завадовского, граф Василий Завадовский. Этот же дом — один из главных петербургских адресов московского помещика, профессионального игрока Василия Семеновича Огонь-Догановского. Он стал прототипом Чекалинского в «Пиковой Даме» Пушкина — и не случайно: летом 1830 года поэт проиграл ему очень большие деньги.

Среди других знаменитых постояльцев этого дома в разное время были Модест Петрович Мусоргский, Ирина Одоевцева...

А в начале нашего века здесь помещалась контора объявлений Э. Петцгольца, ничем особым себя не проявившая. Запомнилась она необычной своей рекламой, публиковавшейся в столичных газетах и воспроизведенной в нашей книжке.

Им настучал Наполеон

Дом № 14 по Невскому знаком петербуржцам надписью: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!» Слова эти появились во времена блокады. А вот об облике здания, которое стояло здесь в прошлом столетии, напоминает лишь ведущая во двор арка. Именно здесь зародился российский спиритизм, и было это 120 лет назад...

Ранней весной 1874 года в петербургской квартире супругов Прибытковых, раньше и не слыхивавших ни о чем «таком», начались таинственные стуки. Прислуга мгновенно решила, согласно поверью, что хозяев «выживают» из квартиры. Глава семьи в этом усомнился. Стуки продолжались. Наконец, кто-то посоветовал провести эксперимент для проверки их медиумического происхождения. Надлежало произносить вслух азбуку; если какая-то буква отмечалась отчетливым стуком, следовало ее записать, составляя так целые слова и фразы. Опыт дал ошеломительные результаты: «дух» назвался именем одного из слуг отца хозяина дома, сообщив при этом деликатнейшие подробности семейной истории — для подтверждения своей подлинности. Выяснилось и то, что посредником для духа служила Елизавета Дмитриевна Прибыткова, обладавшая, как оказалось, незаурядными способностями спирита.

С этого и началось. Пошли сеансы, переговоры с духами, столоверчение, передвижение предметов усилием воли. Среди духов попадались знаменитости — муж Елизаветы Дмитриевны запомнил среди них Пушкина, Лермонтова и Наполеона. Правда, добавлял он, «ни один из них не дал доказательства своей самоличности: первые два писали плохие стихи, а последний рассказывал о своих военных подвигах».

Сам муж Елизаветы Дмитриевны медиумом не был; похоже, что он немало страдал от сверхъестественных качеств супруги. Впрочем, он и гордился ими, исполняя ту же роль скромного летописца при гении, что и Ватсон (Уотсон) при Холмсе. Интонации незабвенного доктора часто проскальзывают в его записях, воспоминаниях и статьях для редактировавшегося им журнала «Ребус».

«Ребус», возникший по инициативе Прибытковой, был первым в России журналом по медиумизму и прочим запредельным явлениям и издавался почти три десятка лет. Большую часть истории редакция его находилась на Невском, 14.

Вся летопись русского спиритизма собрана на страницах «Ребуса». Среди самых интересных его материалов — статьи об еще одной петербурженке, Вере Ивановне Крыжановской. Ее «карьера» началась в 1885 году, когда она обнаружила способности к делу, прежде не виданному на Руси: «медиу-

Елизавета Прибыткова.

С этого и началось. Пошли сеансы, переговоры с духами, столоверчение, передвижение предметов усилием воли. Среди духов попадались знаменитости — муж Елизаветы Дмитриевны запомнил среди них Пушкина, Лермонтова и Наполеона. Правда, добавлял он, «ни один из них не дал доказательства своей самоличности: первые два писали плохие стихи, а последний рассказывал о своих военных подвигах».

мическому писанию романов». Писала она, как свидетельствовали очевидцы, «вполне механически, без малейшего сознания в ней о содержании написанного», притом без помарок и исправлений и с необычайной скоростью. Личность, диктовавшая Крыжановской романы (всегда на французском языке, который сама Крыжановская знала посредственно), представлялась именем графа Рочестера, английского поэта, жившего в середине XVII века. Темы сочинений были разнообразны, о чем говорят их названия: «Эпизод из жизни Тиберия», «Фараон Мернефтах», «Бенедиктинское аббатство». В заглавиях книг стояли слова: «Сочинение, продиктованное духом Дж. В. Рочестера, медиум В. К.». Первый роман вышел в свет в 1885 году, русские переводы появились в начале XX столетия и перепечатывались многократно: известны даже эмигрантские издания романов Рочестера-Крыжановской.

Вера Ивановна прославилась не только романами: она общалась и с другими духами, самым известным из которых был знаменитый лекарь Амбруаз Паре, персонаж многих сочинений Дюма. «Ребус», впрочем, осторожничал в оценке контакта: «Мы не утверждаем, что именно данное историческое лицо вдохновляло г-жу Крыжановскую, но не можем не признать д-ра Паре за искусного диагноста...» И действительно, поставленные «Паре» диагнозы двум больным, которых сама Крыжановская знала мало, были исключительно точны.

Кстати, любители медиумизма встречались в России до Прибытковой и Крыжановской: один из них — министр путей сообщения, строитель Николаевской железной дороги П. П. Мельников. Но никто раньше не был «действующим» медиумом, никто не устраивал публичных сеансов, никто не превращал это увлечение в дело всей жизни. Во всем этом первой стала Прибыткова.

В одной из заметок о своей жене Виктор Иванович Прибытков рассказывает о таком чуде: большой кусок сыра, лежавший на обеденном столе, при появлении Елизаветы Дмитриевны сам поднялся и «встал» на узкий свой край (как потом ни старался Прибытков поставить сыр таким же образом, ничего не выходило: кусок падал).

Вряд ли можно повторить этот опыт в наши дни. И сыр уже не тот, да и от прежнего дома Прибытковых не осталось и следа.

Дом № 12 по Невскому отделан красным гранитом. Строился он в начале нашего столетия, когда считалось, что именно гранитная отделка придает зданию роскошный вид и солидность. А солидность требовалась немалая: ведь здание перестраивалось для банкирской конторы «Юнкер и К^о».

Прежде на этом месте стоял обычный для Невского дом в классическом вкусе. В 1819—1822 годах верхний этаж его занимал петербургский военный генерал-губернатор, генерал Михаил Александрович Милорадович, «волокита, мот, болтун, любезнейший в мире человек, идол солдат», к тому же — «десять раз выкупленный Александром из долгов». Александр — император Александр I, к Милорадовичу благоволивший. Квартира генерала блистала роскошью.

Весной 1820 года к Милорадовичу явился другой Александр — Пушкин. Он был вызван генерал-губернатором в связи со слухами о его вольнодумных и фривольных стихах. Когда Милорадович потребовал у Пушкина стихи, поэт ответил, что бумаги его сожжены, но все стихи остались в голове, — и если Милорадович пожелает, он может их записать заново. Это и было сделано. Восхищенный поведением Пушкина, Милорадович от имени императора даровал ему прощение. Александр, узнав об этом решении, «слегка нахмурился», однако менять ничего не стал. Но проявить видимость строгости все же следовало — и Пушкин был послан на Юг.

Особняк на Невском, 12, примечателен не только тем, что в нем жил знаменитый генерал. В первой половине XIX века дом этот принадлежал богатой семье греков Калержи, к которой относится Мария Калержи, одна из самых знаменитых и обворожительных светских львиц прошлого столетия.

Мария была дочерью генерала Федора Нессельроде. Шестнадцати лет ее выдали за богача Ивана Калержи, и она получила от супруга подарком к свадьбе два миллиона рублей и дом на Невском. С мужем она не ужилась и скоро уже уехала за границу с музыкантом. В Париже на улице Анжу Мария приобрела уютный особняк, который стал центром встреч литературного и музыкального мира.

Граф Михаил Милорадович *(С портрета Томаса Райта, 1823).*

В 1819—1822 годах верхний этаж дома № 12 занимал петербургский военный генерал-губернатор, генерал Михаил Александрович Милорадович, «волокита, мот, болтун, любезнейший в мире человек, идол солдат», к тому же — «десять раз выкупленный Александром из долгов»... Квартира генерала блистала роскошью.

Мериме, Гейне, Теофиль Готье, художник Каульбах принадлежали к числу поклонников обворожительной Марии. Ее любил министр иностранных дел Луи-Филиппа, впоследствии глава французского кабинета, граф Моле. Ученица Шопена, она восхищала обожателей виртуозной игрой на рояле. О ней спорили, из-за нее ссорились. Называли ее гениальной музыкантшей, любвеобильной красавицей-авантюристкой, даже шпионкой Нессельроде. Последнее утверждение оставило след в сочинениях Виктора Гюго; в них Калержи описана так: «...высокая, белокурая, веселая, причастная к тайным дипломатическим интригам». Калержи действительно была причастна к ним: известно, что она помогала подготовке переворота принца Луи Бонапарта, будущего Наполеона III, в 1852 году.

В Петербурге Мария Калержи бывала нечасто. Но иногда все же приезжала в свой дом на Невском, где отдыхала от шума европейских столиц и салонов. А когда она умерла, Ференц Лист написал в ее память элегию и дал грандиозный концерт в Веймаре, поразивший весь музыкальный мир. «Она играла, как никто», — вспоминал позже великий пианист...

«Ручная» одежда для модников

Влево от Невского уходит еще одна улица — улица Гоголя или Малая Морская. На углу ее в пушкинское время находилась мастерская популярного портного Руча, которому Пушкин остался должен 405 рублей ассигнациями (долг этот уплатила опека уже после смерти поэта). Руч прославился не только прекрасной работой, но и удивившей столицу рекламой двух «самоновейших» мужских одеяний — альмавивы и каррика. Альмавивой назывался широкий плащ, в который можно было запахнуться два—три раза (он приобрел популярность у артистов), а карриком именовался сюртук с маленькой пелеринкой или капюшоном. Чтобы приучить публику к этим костюмам, Руч на свои деньги сшил роскошные альмавиву и каррик, одел в них двух братьев-близнецов, которые должны были фланировать по

Невскому. Осуществлялось это так: днем, от часа до четырех, братья прогуливались по проспекту. Один из них ехал на великолепной английской лошади, а второй шел рядом по тротуару. Братья перекидывались французскими фразами в очень странном произношении, чем еще больше привлекали к себе внимание. Некоторые вельможи даже приглашали их к себе, чтобы послушать «такой» французский... Время от времени братья менялись ролями: тот, кто ехал верхом, шел теперь пешком; иногда менялись и костюмами.

Городские обыватели охотно глазели на это зрелище, а домой вместе с рассылавшимися тогда афишами им приносили рекламные листочки Руча. В них объявлялось: кто желает убедиться в красоте альмавивы и каррика, просим пожаловать на Невский, между часом и четырьмя пополудни... Так весь Петербург оказался оповещен о новых фасонах мужских одеяний, и некоторое время популярность каррика и альмавивы была высока.

Здесь прославился бифштекс

Сразу за Малой Морской улицей внимание привлекает огромное здание из темно-серого гранита. Оно было построено в 1912 году для банкирского дома «Гуне Нусен Вавельберг» — еще одного из банков Невского проспекта. Основателя фирмы Ипполита Вавельберга к тому времени уже не было в живых; он умер в 1901 году, когда его банк находился еще в доме № 25 по Невскому проспекту. Польский еврей, Вавельберг начал операции своего петербургского банка в 1869 году, и успешная деятельность позволила ему занять видное место в финансовом мире России.

А до возведения роскошного дома Вавельберга (вернее, наследников Вавельберга) здесь находилось невысокое здание классического облика. В начале XIX столетия в нем помещалась ресторация англичанина Томаса Роби. Хозяин содержал «обеденный стол, который у него бывает всегда в 3 часа». Здесь, у Роби, впервые в Петербурге и, может быть, в России русская публика могла отведать бифштекс. Оповещая об этом в объявлении, Роби особенно подчеркивал тот

факт, что диковинный «биф-стекс» у него «можно получать... во всякое время как в Лондоне».

Доктор-террорист

Дом под номером 10 принадлежал в прошлом столетии доктору Оресту Эдуардовичу Веймару. Это был знаменитый и заслуженный человек: воевал добровольцем в русско-турецкую войну 1877—78 годов, где получил три ордена — Станислава, Анны и Владимира с мечами. Была у него своя больница. Но велико было потрясение обывателей, когда они узнали еще об одной стороне жизни знаменитого доктора, высокого красивого мужчины с окладистой бородой, производившего на своих пациентов всегда хорошее впечатление.

...В девять часов утра пятницы 4 августа 1878 года Михайловская площадь еще пустовала. Шеф жандармов генерал-адъютант Николай Владимирович Мезенцев (между прочим, — правнук Суворова) совершал свой обычный утренний моцион по пути на работу; за ним поодаль следовал отставной подполковник Макаров. Когда Мезенцев поравнялся с кондитерской Кочкурова, находившейся в угловом доме Итальянской улицы, оттуда наперерез ему вдруг выскочил прилично одетый молодой человек в сером пальто и очках. Если Мезенцев решил, что это очередной проситель, то он глубоко ошибся: молодой человек с силой ударил его кинжалом в верхнюю часть живота и бросился бежать по Итальянской улице. Подполковник Макаров бросился за ним, но сообщник террориста, столь же прилично одетый молодой человек, выстрелил в него; пуля просвистела мимо головы Макарова. Пользуясь его замешательством и малолюдностью улицы, оба революционера вскочили в ожидавшие их дрожки, великолепный вороной рысак с ходу помчался галопом, — и террористы скрылись по Малой Садовой и Невскому проспекту. Макаров, кричавший все это время «держите, ловите», — возвратился к раненому. Мезенцев не терял присутствия духа. С помощью Макарова и вышедшего из соседнего дома камергера Бодиско он дошел до угла Малой Садовой, где его посадили на извозчика и отвезли домой. К вечеру генерал скончался.

Кто же были эти молодые люди? И при чем здесь доктор Веймар? — вправе спросить читатель. Кинжалом ударил шефа жандармов Степняк-Кравчинский, в Макарова стрелял Баранников, а увез их с места «боя» Адриан Михайлов (первый позже эмигрировал в Англию; его сообщники поплатились за свою деятельность каторгой). А великолепный вороной рысак, умчавший террористов, принадлежал не кому иному, как доктору Веймару.

Коня звали Варвар. Чистокровный рысак с гривой на правую сторону и маленькой, еле заметной звездочкой на лбу — таким был этот знаменитый конь. Судьба ему выпала необычайная. Вначале Варвар принадлежал одному из «конских охотников» столицы, бегал на призы и побеждал. Затем его за большие деньги перекупил некто Петров, желавший ездить парой. Но Варвар к паре не подошел, и разгневанный богатый продавал его за бесценок. Покупателем оказался Орест Веймар.

Уже тогда доктор был связан с группой террористов-революционеров и рысака приобрел не случайно. Главной его задачей было помочь в побегах арестованных товарищей. Варвар не подвел. На нем бежал из петербургской тюрьмы знаменитый анархист князь Кропоткин, благодаря ему скрылись убийцы Мезенцева. Веймар пошел и дальше: в небольшом магазинчике, находившемся как раз в его доме, он приобрел револьвер, который передал покушавшемуся на Александра II А. К. Соловьеву. Покушение это не удалось.

Когда Веймара уличили в «противоправительственных действиях», он был арестован, а затем осужден на каторгу. Там и умер. А знаменитый его Варвар, «рысак русской революции», был передан в полицию. И долгое время он возил помощника столичного обер-полицмейстера.

Шоу для «отменных особей»

Дом № 2 по Невскому — последний на нашем пути. Он заворачивает полукругом с Невского на Дворцовую площадь. Раньше, до переустройства площади, здесь находилось здание куда меньших размеров, принадлежавшее Вольному Экономическому обществу. Оно сдавалось внаем, в нем выступали артисты.

Одним из первых побывал в доме некто «кавалер Пинчи» — под таким именем скрывался знаменитый граф Калиостро, Джузеппе Бальзамо. Выступление Калиостро поразило публику.

Пятью годами позже, в 1784 году, публике полюбилось развлечение попроще: говоря по-современному, шоу с участием дрессированных лошадей. Как писал в объявлениях их хозяин, француз Никола Мори, «сии лошади разумеют более 200 штук и столь искусно все представляют, как еще никогда не видано». Под «штуками» разумелись «достойные удивления прыгания», умение лошадей считать, писать, играть в кости и карты, стоять «на карауле на задних ногах»... Программа была пестрой, и с публики взимались приличные деньги — от 25 копеек до полтинника. Впрочем, Мори сообщал тут же, что «отменные особи платят по их благоволению», имея в виду, что знатный русский барин мог заплатить и куда больше, нежели 50 копеек...

При императоре Александре I, в 1815 году, в этом доме открылась знаменитая масонская ложа «Избранного Михаила». Огромный зал был расписан под колоннаду «с садом» вокруг. Потолок изображал усеянное пятиугольными звездами небо. Зал был задрапирован голубой материей; вдоль стен стояли скамьи с голубыми подушками для братьев ложи. Против входных дверей на возвышении виднелось позолоченное, голубым бархатом обитое кресло для мастера ложи. Им был известный художник Федор Толстой. По обеим сторонам мастерского кресла на небольших пьедесталах стояли два мужских скелета... Членов ложи было много. Суровая и романтическая обстановка, стремление к духовному братству привлекали в масоны самых разных людей.

«Клуб под открытым небом...»

Маршрут наш почти закончен, но продлим ненадолго рассказ. Невский проспект пройден нами из конца в конец, не считая только участка, идущего от Знаменской площади до Александро-Невской лавры и именуемого в привычном обиходе Старо-Невским. Настало время оглянуться...

Клуб под открытым небом, зал
Почти трехверстного пассажа,
Где целый день идет развал,
Гремят и мчатся экипажи...

— такие малопоэтические вирши описывают Невский 1880-х годов. Они вполне применимы и к проспекту, представшему перед нами. Людская толчея, обилие магазинов («развал»), непрерывный поток транспорта, пестрота вывесок... Трудно поверить, что проспект не всегда был таким. Однако — был.

Аничков дворец, виденный нами, строился в 1740-е годы. Каким был тогда Невский?

От самого Адмиралтейства до Фонтанки шла камнем за мощенная дорога, обсаженная с обеих сторон березками. По ней, впрочем, ездили немногие: для обычных ездовых шла по бокам этой мощеной «перспективы» совсем уже расхлябанная трасса. По ней и ехали рыдваны, тяжелые кареты, экипажи, поминутно проваливаясь в ямы и качаясь с боку на бок.

Стояли тогда вдоль проспекта, в основном, небольшие деревянные домишки, белели заборы. Место было низкое и топкое. Жила здесь вовсе не знать: Невский не создавался как центр столицы. Город рос вначале на Васильевском острове, и только при Анне Иоанновне потихоньку стали перебираться сюда. Аничков дворец, устроенный Елизаветой Петровной, будто дал сигнал к освоению проспекта — и тогда-то и ринулись сюда вельможи, появились здесь роскошные строения.

Лиха беда — начало. Строгие указы самодержцев, следивших за чистотой и «правильностью» Невского, не замедлили появиться. Елизавета указала выровнять постройки вдоль проспекта по одной линии; преемники ее тоже не оставляли Невский заботой. Постепенно он мостился, обустроивался красивыми каменными домами, обзаводился магазинами.

Золотой век Невского начался в первой трети прошлого столетия — в годы, которые мы привыкли именовать «пушкинскими». Поэт и отставной профессор Университета Никита Бутырский восторженно живописал в 1837 году красоты Невского:

Не млечный ли здесь путь лежит,
Где слиты меж собой светила?
Иль, пояс развернув, харит
Киприда с неба уронила
И вечную своих ланит
Весну сюда переселила?

Из стихотворения очевидно, что Бутырский не был удачливым соперником Пушкина в поэзии; однако, описание его вполне передает то восхищение Невским, которое было свойственно современникам Пушкина. И которое, несмотря на противоречие сюжета, явственно проглядывает в гоголевском «Невском проспекте».

Невский своей золотой поры дошел до нас, увы, частично. Казанский собор, Строгановский дворец, дома Чичерина и Котомина, церкви и немногие другие знакомые нам здания сохранились такими (или почти такими), какими знал их Пушкин. А вот дома при костеле святой Екатерины и при церкви святых Петра и Павла, например, хоть и стояли уже при Пушкине, но были гораздо позже надстроены дополнительными этажами. И, следовательно, существенно изменили свой облик. А что уж говорить о таких «вкраплениях» в проспект, как Дом книги или магазин Елисеевых! Они всецело относятся к нашему столетию...

Золотой век длился до эпохи великих реформ — до 1860-х годов. Предвестием перемен стало появление омнибусов и газовых фонарей (в 1843 году). А потом пришел капитализм, дома стали все чаще перестраиваться и менять облик. Роскошь Невского перешагнула через Фонтанку и дошла до самой Знаменской площади. И если прежде в «зафонтанкинской» части проспекта были лишь отдельные богатые каменные дома, то теперь такими стали все. Правда, их архитектура не обладала великолепием прежних построек: на смену классицизму и другим большим стилям пришла эклектика, смешавшая элементы разных стилей в винегрет.

«Винегретом» назвал Петр Николаевич Столпянский и весь облик Невского, сложившийся в конце прошлого и в начале нынешнего веков. Прав ли он был? Сейчас новинки того времени кажутся уже каноническими памятниками архитектуры. Разве не стал бы Невский однообразнее, исчезни эти «новинки» в одночасье?

Трамваев скучные звонки,
Автомобиль, кричащий дико.
Походки женские легки,
И шляпы, муфты полны крика.

Это — из «портрета» Невского, написанного в 1910 году еще одним неизвестным поэтом Владимиром Ладыженским. Трамваи, и правда, ходили по Невскому еще до 1950-х годов, а потом их сняли: мешали остальному транспорту.

Что еще сказать? В середине 1830-х дурное мощение Невского сменилось, наконец, аккуратным — торцовым. Через десять лет впервые испытали асфальт (читатель помнит — на Полицейском мосту), а потом и вовсе асфальт стал повсеместен. Правда, не скоро, почти через столетие.

Сто лет назад чистоту Невского холили дворники, целая армия которых выходила на тротуары по утрам. Особенно усердствовали перед проездом по улицам императора: посыпали мостовую песочком, драили до блеска. Где они, эти дворники?

Многое можно сказать на такой ностальгической ноте, но стоит ли? Прогулка наша завершается, и пора сделать последние шаги...

Последние шаги

Черту под нашей прогулкой вполне могут наметить слова Теофиля Готье, посетившего Петербург в 1858 году: «Невский проспект представляет в некотором роде резюме всего Петербурга». Резюме — обобщение, изложение в сжатом виде.

Есть и другие слова о Невском — журналиста Александра Башуцкого: «Здесь собраны все потребности жизни, все изобретения ума, все утонченности изнеженной роскоши, изящного вкуса и моды».

И еще слова, его же: «Когда вы взгляните, когда вы вслушаетесь в Невский проспект... когда пробежите его с конца в конец, тогда вам покажется, что это огромный, живой калейдоскоп, в который всыпано все человечество со своею жизненною деятельностью, со своими модами, сла-

бостями, чувствами, замыслами, причудами, знаниями, страстями, расчетами, красотой и безобразием, умом и безумием...»

Цитаты эти — ответ на вполне возможный вопрос читателя: «Почему именно Невский взят объектом прогулки, почему его историям уделено столько места?» Потому, что Невский — концентрация, квинтэссенция всего петербургского: истории города, его жизни и быта, его искусства и предприимчивости. Были и небылицы Невского — лишь ничтожная часть всех городских историй и легенд, но они настолько колоритны и разнообразны, так широко отражают все времена Петербурга, что по ним можно представить себе вехи и картины прошлой жизни города.

Мы начинали со слов о карнавальной пестроте истории — и разве не подтвердила их наша прогулка, с самыми разными, необычными и скандальными, трагическими и лирическими главами? Калейдоскоп истории Невского — это и калейдоскоп истории Петербурга и даже России (правда, только одного, так называемого «петербургского» периода, с петровских времен до 1917 года).

Признаться, автор ставил перед собой и еще одну задачу: не только представить читателю калейдоскоп «невско-проспектной» и питерской старины, но и сделать эту старину близкой, реальной, ощутимой для нынешнего обывателя, оживить уже знакомые сюжеты петербургского прошлого. Чтобы неискушенный в истории горожанин, оказавшись на Невском, не только видел перед собой прекрасные фасады, но и чувствовал пульс прошедшей здесь когда-то жизни. И, выйдя за пределы одного только нынешнего дня, за пределы повседневной текучки, задался бы вопросами... Какими? Это уж — в его воле...

Одной части читателей в нашей книге не повезло — тем, кто больше всего любит читать об архитектуре, о декоре зданий, уточнять даты постройки домов и фамилии их зодчих. Но разве есть тема в петербургской литературе, более разъясненная, чем архитектура Невского? И вряд ли стоило в очередной раз повторять всем известные факты, которые все равно останутся немые и ничего не скажут любопытствующему читателю. Разве в силах он запомнить список в сотни цифр и фамилий?

Необычные поступки, происшествия, несурезицы, анекдоты, истории любви и смерти — вот самые красноречивые

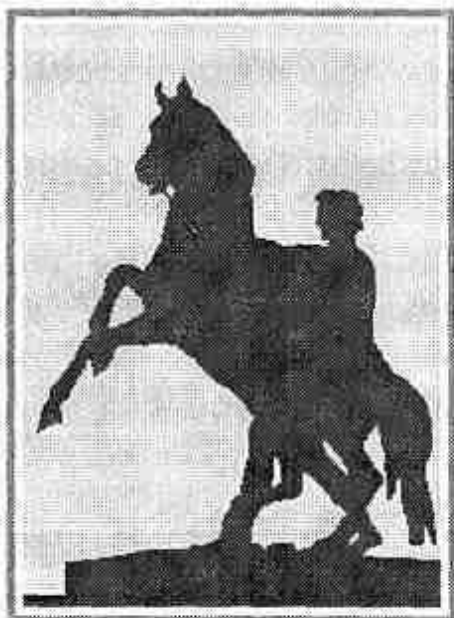
сюжеты истории, и им мы отдали предпочтение. Наши «Были и небылицы» — пожалуй, первый за много лет опыт такого неакадемического, нескучного рассказа, и, как и всякий опыт, он вряд ли совершенен. Насколько наша работа удалась — судить читателю.

Итак, пора сделать последние шаги. Ось Невского выходит на центр грандиозного здания Адмиралтейства — выдающегося творения Андреяна Захарова. Петербург вообще построен на трех «лучах» — от башни Адмиралтейства расходятся три главных его магистрали: Невский и Вознесенский проспекты, Гороховая улица.

Адмиралтейство широкими своими крыльями связывает вместе ансамбли крупнейших городских площадей — Исаакиевской, Дворцовой и существовавшей раньше Адмиралтейской (когда-то сада перед Адмиралтейством не было и место его занимала обширнейшая площадь).

Адмиралтейство, Исаакий, Медный всадник, здания Сената и Синода, Зимний дворец, Александровская колонна — эти шедевры трех площадей заслуживают отдельных рассказов и даже книжек. Такие книжки уже написаны и изданы.

Если наше путешествие понравилось читателям, то мы, может быть, совершим вместе с ним и другие прогулки и дополним список книг о Петербурге еще одной-двумя. Но это — в будущем...

Послесловие для внимательного читателя

В своей работе автор использовал книги, наиболее важные из которых перечислены ниже в хронологической последовательности:

Ф. Г. Толль «Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний в трех томах» (1863—1864); А. И. Вольф «Хроника Петербургских театров» (1877—1884); М. И. Пыляев «Старый Петербург» (1889, репринт 1990), «Замечательные чудачки и оригиналы» (1898, репринт 1990) и «Старое жительство» (1898, репринт 1990); Ф. В. Домбровский «Полный путеводитель по Петербургу и всем его окрестностям» (1896); В. И. Прибытков «Медиумизм Елизаветы Дмитриевны Прибытковой» (1897); И. В. Преображенский «Рассказы из жизни русских императоров, императриц и великих князей» (1900); В. Я. Курбатов «Петербург» (1913); А. И. Спиридович «Революционное движение в России. Партия Социалистов-Революционеров и ее предшественники» (1916); «Как это было» (1918); П. Н. Столпянский «Петербург» (1918), «Революционный Петербург» (1922), «Адмиралтейский остров. Сад трудящихся» (1923), «Дворец Труда» (1923) и «Город Санкт-Петербурга ныне Ленинград» (1927); В. Володарский «Речи» (1920); А. Г. Яцевич «Пушкинский Петербург» (1935, репринт 1993); Е. Зозуля «Разные новеллы» (1936); «Панорама Невского проспекта В. С. Садовникова» (1974); Г. К. Козьян «Ф.-Б. Растрелли» (1976); А. А. Вадимов и М. А. Тривас «От магов древности до иллюзионистов наших дней» (1979); С. А. Фомичев «Грибоедов в Петербурге» (1982); А. М. и М. А. Гордины «Путешествие в пушкинский Петербург» (1983); А. И. Барабанова и Е. А. Ямщикова «Народовольцы в Петербурге» (1984); Я. Н. Длуголенский и В. Г. Зак «Люди и шахматы» (1988); Б. Ф. Егоров «Петрашевы» (1988); П. Я. Канн «Казанская площадь» (1988) и «Прогулки по Петербургу» (1994); М. Бейзер «Евреи в Петербурге» (1989);

«Алексеевский равелин» (1990); В. Ф. Дитц «Есенин в Петрограде-Ленинграде» (1990); «Язвы Петербурга» (1990); Л. П. Буланкова «Страницы жизни Аничкова дворца» (1992); «Русские писатели. 1880—1917» (1992—1994); Н. Б. Лебина и М. В. Шкаровский «Проституция в Петербурге» (1994); С. С. Шульц «Храмы Санкт-Петербурга» (1994).

Часть сведений (и цитат) почерпнута в мемуарах Ю. П. Анненкова, П. В. Быкова, Ф. Ф. Вигеля, М. Ф. Каменской (Толстой), П. А. Каратыгина, Н. А. Лейкина, О. Э. Мандельштама, А. Б. Мариенгофа, И. И. Панаева, А. М. Скабичевского, П. П. Соколова, П. А. Сорокина, А. С. Таубера, К. И. Чуковского.

Помимо этого, автор воспользовался публикациями в сборниках «Дома рассказывают» (1991; статья М. С. Кругликовой о домах Армянской церкви) и «Невский архив» (1993; воспоминания П. П. Бондаренко, статья М. В. Шкаровского о ленинградской проституции 20-х годов), а также статьями Ю. Л. Алянского, Э. М. Аренина, Л. И. Бройтман и Е. И. Красновой, Н. В. Гречук, В. П. Грызилова, М. А. Загуляева, А. А. Иванова, Л. Ф. Карохина, С. Е. Клещука, Д. И. Писарева, Ю. А. Ракова, А. И. Рейтблата, П. Н. Столпянского, В. Н. Суслова и других авторов в газетах «Биржевые Ведомости», «Вечерний Петербург», «Петербургский листок», «Сегодня», «Смена», журналах «Былое», «Всеобуч и спорт», «Высокий стиль», «Иллюстрированный мир», «Новое литературное обозрение», «Ребус», «Русский библиофил», «Русское слово», «Санкт-Петербургская панорама», «Синий журнал», «Сын Отечества», бюллетене «Блокнот агитатора».

Отрывки из «Былей и небылиц» публиковались автором в газете «Вечерний Петербург» в 1994—1995 годах за подписью «Петр Градский».

Автор будет рад мнениям, замечаниям и предложениям читателей, которые он просит посылать на его имя по адресу: 193148, Санкт-Петербург—148, а/я 70.

Список иллюстраций

На фронисписе: Вид Невского проспекта
от реки Фонтанки. Фрагмент гравюры
Я. В. Васильева по рисунку
М. И. Махаева

Памятник Александру III	12
С. Сокольский	20
Объявление ресторана «К. П. Палкин» ...	38
Ш. Дидло	40
З. Н. Райх и С. А. Есенин	45
М. А. Маркович (Марко Вовчок) и Д. И. Писарев	48
Дж. Гваренги (Кваренги)	56
Аничков дворец	59
Ю. Пастрана	69
А. Е. Мартынов и Н. В. Самойлова	72
И. А. Крылов	77
На Вербе	87
В. П. Буренин	99
Костел святой Екатерины	103
Церковь Казанской Божьей матери	114
З. П. Жданов	119
А. С. Строганов	127
Ф. В. Булгарин	137
О. Н. Гильдебрандт-Арбенина и О. Э. Мандельштам	147
Реклама конторы «Эд. Петцгольц»	153
Е. Д. Прибыткова	156
М. А. Милорадович	159

ОГЛАВЛЕНИЕ

	О былях и небылицах	7
	О маршруте	8
	«Папаша! Кто строил эту дорогу?..»	9
	Беспокойные гости	13
	Столичное захоlustье	16
№ 77	Пушкин и Достоевский	17
	«Биржа» на перекрестке	18
№ 100	«На Невском 100, в театре Лин...»	19
№ 98/100	Шумная «Летучая мышь»	22
№ 71	Его называли «Скоробрешкой»	23
№ 96	Цареубийцы	25
№ 88, 59	От сатириков до банкиров	27
№ 86	Игроки	30
№ 49	Около «вшивой биржи»	32
	Перекресток революций	33
	У Мариинской больницы	35
№ 47, 45	Маркиз с шампанским — у Палкина	37
№ 43	О необычных манерах	39
№ 72	Мастера искусств	42
№ 70	Одноногий генерал	46
№ 68	О литературе и не только	46
№ 41	Здесь отдыхали убийцы Распутина	50
	Фонтанов нет, название осталось	52
	«Кажется, будто отдохнул!..»	53
	Великий зодчий был некрасив	55
№ 39	Аничков дворец и его обитатели	57
№ 66	Державин торговал умело	61
	«По улицам слона водили...»	62

	Когда Аляска была российской	63
№ 64	Доносы и разносы	63
№ 62	Из жизни денежных мешков	66
	Предприимчивые супруги	67
	Императорская драма	70
	Отец России	73
№ 37	«Дело» богослова Пихлера	74
№ 56	Торговля — настоящая и ложная	80
№ 54	Дочь Италии, любимица Петербурга	81
	«Двенадцать»	83
№ 35	У Гостиного двора	84
№ 50	Напротив Гостиного	88
№ 48	Какой Пассаж!	89
№ 46	«Движущаяся фотография» и «застывшая музыка»	92
№ 42—40	Продавец алмаза «Орлов»	94
№ 42	Тютчев, Батеньков и другие	95
№ 40	Неизлечимый	97
№ 33, 36	Оживленный перекресток	100
№ 32—34	Петербургские иезуиты, и не только они	101
№ 30	Богатые домовладельцы и «Храм очарований»	104
	Несостоявшийся проект	108
	Рубль, подписанный Брутом	109
	«Казанские» легенды	111
№ 28	«Зингер» — опора шпионажа?	116
№ 26	Не говорите ухом	118
	Праздник Вербы	120
№ 22-24, 23	Между двумя Конюшенными	121
№ 17	Барокко и жизнь	124
	«Здесь был Вася»	128
	Петербургское ауто-да-фе	130
№ 15	Шумная жизнь старого дома	131

№ 18	Об известных персонах (не только восковых)	135
	«Насчет ужина он был распорядителен...»	141
	«Где милая Троя?..»	145
№ 16	Путешествие дилетантов	148
№ 13	Четверная дуэль	152
№ 14	Им наступал Наполеон	154
№ 12	Светские истории	158
	«Ручная» одежда для модников	160
№ 7—9	Здесь прославился бифштекс	161
№ 10	Доктор-террорист	162
№ 2	Шоу для «отменных особей»	163
	«Клуб под открытым небом...»	164
	Последние шаги	167
	Послесловие	
	для внимательного читателя	170
	Список иллюстраций	172

Шерих Д. Ю.

Были и небылицы Невского проспекта:
Историческая прогулка. — СПб.: Иванов и
Лещинский, 1996. — 176 с., ил.

Д. Ю. Шерих — известный журналист и историк
Петербурга. Его новая книга погружает читателя в
прошлое главной магистрали города, в увлекательной
форме повествуя о людях и событиях, связанных с
Невским проспектом. Книга рассчитана на широкий
круг читателей, интересующихся историей города (в
том числе учащихся).

ШЕРИХ Дмитрий Юрьевич

**БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ
НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА**

Историческая прогулка

Оригинал-макет издания
подготовлен на компьютерном оборудовании
фирмы Аскод-Эврика

Подписано в печать 15.01.96.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11.
Тираж 5000 экз. Заказ 64.

Издательство «Иванов и Лещинский»
197061, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., 26/28
Лицензия ЛР № 062315 от 01.03.93

АО «Санкт-Петербургская типография № 6».
193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, д. 10.